

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 17

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-0-359-99090-0

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место: Васильев Сергей

Дополнительная информация от первого лица:

Родился 18 Ноября 1976 года, в г.Орске, Оренбургской области. Окончил среднюю школу № 29 г.Орска. В 1996 году окончил Ачинское военное авиационно-техническое училище. Проходил службу в 840 Тяжёлобомбардировочном авиационном полку г. Сольцы. Вышел в запас и вернулся в свой родной г.Орск. Женат, воспитываю троих детей. Занимаюсь общественной работой во ВОО ветеранов «Боевое Братство» г.Орска. На данный момент работаю в структурах охраны и безопасности.

2 место: Назарова Светлана

Дополнительная информация от первого лица:

Благодарю редакцию "Первая книга" за возможность публиковать мои произведения. Я живу в Санкт-Петербурге. Мне 67 лет. Работала акушеркой в родильном доме. Писать и публиковаться начала в 50 лет.

С детства я была внимательным слушателем. Разговоры взрослых будили в моем воображении живые картины, побуждали к работе. И я писала, но вскоре уничтожала, как оказалось, бесценные записи. Но Господь распорядился так, как и должно. С высоты моего возраста все кажется иным. И мудрые воспоминания моих близких сейчас преобразуются мною на бумаге для моих дорогих читателей.

3 место: Мельников Сергей

(Творческий псевдоним автора «Халан»)

Дополнительная информация от первого лица:

Родился в п. Юг Пермской области в 1952 г. Окончив 8 классов Юговской средней школы начал свою трудовую деятельность учеником токаря в ремонтных мастерских, одновременно обучаясь в школе рабочей молодежи. Призван в армию в мае 1970 г. В 1997 году, по достижению предельного возраста, уволен в запас.

Мои университеты: школа военных техников, Рижское военное училище РВСН им. Бирюзова С.С., военная академия РВСН им. Дзержинского Ф.Э., Московский государственный университет коммерции.

Был редактором стенгазеты, внештатным корреспондентом газеты Краснознаменного Уральского военного округа «Красный боец».

В настоящее время пенсионер. Принимаю активное участие в работе музея истории 52 ракетной дивизии. На общественных началах являюсь экскурсоводом в Центре ветеранов Ракетных Войск Стратегического Назначения Пермского края.

Содержание

Сергей Васильев	6
Светлана Назарова	11
Сергей Мельников Халан.....	16
Алексей Тверитинов	30
Анна Логинова Трушкова.....	36
Борис Бычков	40
Борис Колесов	52
Валерия Редкокашина	55
Виктор ПАНЬКО	60
Элина Фрайман	64
Екатерина Аполлонова	86
Екатерина Чалухина	92
Виктор Астанин	99
Ксения Коношенко	126
Сергей Маркелов	130
Элана Белова	135
Юрий Слуцкий	140
Константин Челлини	146
Контактная информация авторов.....	154

Сергей Васильев***Собаки***

«Счастье всегда на стороне отважного»

П.И.Багратион

Ясный, солнечный день, лето. Я пришёл в детский сад чтобы забрать свою пятилетнюю дочку домой. Стою на асфальтовой дорожке возле калитки на территории детского сада, осматриваюсь. Невдалеке от меня играют дети, а вот воспитателей почему-то нет, они одни сами по себе. Слышится детский смех и говор, дети заняты какими-то своими важными детскими делами. И в этот момент, словно материализовались из воздуха, две огромные собаки, какая-то помесь волка и овчарки. Глаза у них большие, какие-то не пропорциональные, горят ярким зелёным огнём, хищный оскал, шерсть на загривках стоит дыбом, хвосты прижаты к ногам и мощное рычание. Я стою не шевелясь и наблюдаю за ними. Они тем временем быстро покрутив головами, резко устремляются в сторону группы играющих маленьких детей. У меня мелькает мысль: «Сейчас собаки набросятся на них и порвут в клочья».

Тело молниеносно реагирует само по себе, я громко кричу каким-то не своим голосом, привлекая внимание волкособов к себе, а в голове мысль: «Главное чтобы они среагировали на меня, не дать им попасть на площадку к детям», и сам устремляюсь им на встречу. Они среагировали (слава Богу!) на меня, развернулись и устремились ко мне. Страх у меня нет почему-то, хотя по идее должен быть, но адреналин закипел во мне, я чувствую, как затрясло моё тело. Первый пёс прыгает на меня, я выставляю вперёд левую руку и он мгновенно вцепляется мне в предплечье, боли не чувствую, крови тоже не вижу. Начинаю правой рукой, сжатой в кулак, со всей дури бить пса в морду, стараясь попасть ему в нос, т.к. знаю, что у собак это самая болезненная точка. Но он меня не отпускает, мы с ним кубарем катаемся по асфальту, мёртвой хваткой держит мою левую руку. Я вижу, что на подходе уже второй пёс, в голове молнией мысль: «Что если сейчас нападёт и второй пёс, то мне хана, вдвоём они меня порвут». Делать нечего, остаётся только лишь один вариант, оскалившись, я сам зубами впиваюсь в шею волкособу и начинаю её яростно рвать, как волк. Брызжет кровь, яркая, бардовая кровь. Руки по локоть уже у меня у меня в крови, но я знаю, что это не моя кровь, а этой дикой собаки. И тут пёс как-то по детски заскулил, всхлипнул, отпустил свою хватку с моей левой руки и вырвавшись из под меня устремился прочь с территории. Второй пёс видя данную картину, не рискнул напасть, а так же стремглав устремился прочь за первым.

Открываю глаза. Солнечный свет бьёт в комнату, от этого она светлая и какая-то тёплая. Тело трясёт, чувствую у себя на коже холодную испарину.

Опять приснилась какая-то чертовщина. Нехотя встаю с постели и иду в ванную комнату, чтобы умыться и привести себя в порядок.

Стою в ванной комнате, бреюсь, глядя на себя в зеркало, думаю: «Что я вижу? Мужчина, чуть за тридцать, голубые глаза, светловолосый, спортивного телосложения. На лице два не больших шрама от давно полученных травм (бурная, бесшабашная предыдущая жизнь). У меня есть красавица жена, которой около тридцати, такая же как я светловолосая и голубоглазая. Есть детки, сын похожий на жену и дочка похожая на меня (они счастье и отрада моей жизни), лет им соответственно 10 и 5. Что ещё вижу? Ну, что я служил, потому что профессия откладывает свой отпечаток на лице человека, по лицу видно, что я какой-то силовик. Разглядывая себя в зеркало во время бритья, нахлынули воспоминания, что когда ушёл в запас из армии, вернулся домой каким-то диким, бешеным, бесшабашным, было всё ни почём, видимо отразилась моя служба в боевом, действующем полку. И я счастлив, что тогда встретил свою Танюшку, только она смогла укротить сидевшего тогда во мне зверя, я иногда удивляюсь, как женщинам вообще такое возможно. Благодаря её терпению, пониманию, сочувствию я незаметно для себя успокоился и влюбился в неё до безумия. Поженились, а после она родила мне двух классных деток, которых я так же безумно люблю.

Но всё же, что за странный сон? Если честно, то я собак побаиваюсь, но чёрт возьми, во сне я дрался с ними как волк! Чтобы это могло значить? Что во мне сидят инстинкты защитника или мужчины в плане жертвы собой, чтобы сберечь потомство? Или может быть есть какой-то другой я, которого пока ещё не знаю? Или быть может есть ещё какой-то иной мир, скрытый от наших глаз, но в нём мы тоже пребываем и там мы чуточку другие чем здесь?

Сзади кто-то ласково, чуть касаясь губами, целует меня в шею. Оборачиваюсь, стоит моя Танюшка, с распущенными волосами. Улыбается, с прищуром хитрых глаз, игриво спрашивает:

- О чём задумался Серафим?

2019г.

Бабочка

«Понимать – значит чувствовать»

К.С.Станиславский

Сквозь зашторенные окна в комнату пробивается солнечный свет, шторы очень тёмные и от этого в комнате создаётся какой-то полумрак, сумрак, но я знаю, что за окном уже в полном разгаре ясное, солнечное утро. Лежу в постели, укрытый тонким одеялом. Я уже проснулся, но вставать мне лень, иногда так хочется полежать лишнюю минутку, понежиться, особенно если тебе никуда не надо идти или уже бежать, особенно когда ты проспал и торопишься на работу. Сегодня я отдыхаю. И тут боковым зрением замечаю, что поверх одеяла, так вальяжно, не спеша, ползёт постельный клоп. Только он не мелкий, как обычно, а такой сантиметров пять длинной и странно тёмно-бордового цвета. Первая мысль: «Откуда здесь клопы?». Нет она не привела меня в ужас, просто такая обыденная, спокойная мысль. Знаю, что это паразит, знаю, что может укусить меня и это будет не очень приятно и ещё вдобавок (зараза такая) напьётся моей крови. Первое желание было его убить, раздавить и вся недолга, но я смотрю на него, как он медленно ползёт по одеялу и думаю: «А впринципе зачем его убивать? Убить - значит причинить боль. Он хоть и не лучший представитель, но всё же какое – никакое живое существо. Зачем понапрасну причинять боль, ведь он мне в данный момент не сделал ничего плохого, ну ползёт он куда-то по своим делам, да и пусть себе ползёт. Ладно, пусть живёт». Давая клопу шанс на жизнь, смахиваю его ребром правой ладони с одеяла и он исчезает из поля видимости, а я продолжаю лежать и нежиться, не думая вообще ни о чём, просто лежать. Возможно я даже в этот момент улыбался, но не знаю, со стороны я себя не видел.

Тут опять боковым зрением замечаю, что этот клоп (нет, ну вы посмотрите на него, зараза такая!) опять ползёт по одеялу. Ну думаю: « Всё, я тебе шанс давал, ты им не воспользовался. Придётся брать грех на душу». Понимаю, что сейчас пока от него нет проблем, но дальше же будут. Так что сейчас придётся избавляться от них. Большим пальцем и указательным правой руки беру его и начинаю давить. Но он не сдавливается! Усиливаю до предела сжатие пальцев и тут вижу, что у меня уже не клоп, а плоская блоха, такого же размера и цвета. Сдавливая пальцы что есть мочи, потому что знаю, что блоху раздавить очень трудно. И вижу, что давлю крылья бабочки. Не могу понять, как она оказалась у меня в пальцах. Красивая такая бабочка, с розовыми крыльями, на которых видны фиолетовые с оранжевым разводы. И крылья её на ощупь, странно нежно-бархатистые, гладкие, тёплые какие-то завораживающие. Сразу мелькает мысль: «Блин, как так я, ей же наверное больно. Она же живое существо. Нельзя повреждать пыльцу на крыльях бабочки, иначе она не сможет летать». Аккуратно разжимаю пальцы и

наблюдаю, за этой не знамо откуда взявшейся бабочкой. Что она дальше будет делать. Бабочка несколько секунд по сидела не шевелясь на одеяле, а потом не спеша взмахнула, как-то робко по началу, своими красивыми крыльями. Раз, ещё раз и ещё, вдруг резко оторвалась от одеяла и полетела в сторону окна, к свету, к лучам солнца пробивающихся сквозь плотные, тёмные шторы. «Ну слава Богу! Я ей видимо не сильно повредил крылья. Она может летать» - подумал я. Значит всё хорошо и ей не больно. С души как-будто упал камень и мне становится легко и радостно от этого. Лети к солнцу и пусть оно улыбнётся тебе.

Открываю глаза. Солнечный день. Я лежу в постели, а рядом со мной сидит моя жена, моя Танюшка. Смотрит на меня так ласково и как-то игриво.

- Ты улыбался во сне. Сначала ты морщился, потом хмурился, а потом начал улыбаться. Что тебе снилось? – с хитрым прищуром глаз спросила она. Я вот сколько подмечал за женщинами, им всегда всё интересно, всё хотят знать и когда пытаются что-то выведать из тебя становятся такие хитрые, хитрые.

- Да какой-то странный сон про клопа, блоху и бабочку. – ответил я с озадаченным видом при этом улыбаясь как дурак. И ещё успел отметить про себя, какая всё таки красивая у меня Танюшка.

В этот момент в комнату влетает, ну почти влетает, моя пятилетняя дочка, Настя, и так по-хозяйски, беспардонно запрыгивает ко мне на постель, ложится поверх одеяла и закидывает правую ногу на меня. Я делаю удивлённый вид, как-будто вижу её первый раз. Но она прекрасно знает, что ей позволено практически всё, что я люблю её до беспамятства и она можно сказать: «вьёт верёвки из меня». Кладёт свою маленькую голову мне на правое плечо и дышит мне в шею, своим детским, тёплым, ровным дыханием. В такие минуты я счастлив! Рядом сидит красавица жена, которая любит меня, с другой стороны лежит и обнимает дочка, мои девчонки со мной, что ещё для счастья нужно?

Настя вытягивает свою детскую ручку и проводит ладонкой по моей руке, там где у меня шрам от полученного в армии ранения. А ладошка у неё тёплая, нежная, бархатистая.

- Папа, а тебе было очень больно? – с серьёзным видом спрашивает она глядя на шрам и поглаживая его.

- Не очень. – говорю ей я улыбаясь и целуя в голову. Хотя, если сказать честно, то когда я получил ранение сначала не почувствовал, а вот потом уже в госпитале, руку с неделю наверное, выворачивало от боли, приходилось постоянно пить болеутоляющие.

- А ты меня любишь? – спрашивает Настюшка, поглаживая мою руку.

- Конечно люблю! – отвечаю ей я.

- А маму любишь? – продолжает задавать извечные детские вопросы она.

- И маму люблю! – отвечаю с улыбкой.

- Правда?

- Правда, правда! – смеясь отвечаю дочке.

И пока Настенька задавала мне вопросы, она всё это время гладила мою руку, мне было так приятно от этого, что хотелось аж мурлыкать, как тот ленивый кот, который обожрался сливок. И у меня в голове всё крутилась мысль, что мне напоминает её тёплая, бархатная, детская ручка? Что же? И тут меня осенило. Бабочка! Крылья бабочки! Они во сне были такими же на ощупь. Вот оказывается кто моя дочка, она та самая бабочка, а руки её это и есть крылья бабочки. Немного робкая, но которая всё же летит на встречу свету, к солнцу! Которая дарит красоту и радость, только одним своим видом! Которая дарит безвозмездно свою огромную, детскую любовь!

2019г.

Светлана Назарова

Тётя Шура

В старину в каждой деревне был свой престольный праздник, и они часто назывались соответственно этому – Вознесенье, Рождественское... Деревня, в которой жила Тётя Шура, названием своим не блистала, но свой престольный праздник почитала свято, то было Успение Пресвятой Богородицы. В детстве мы с мамой обычно ходили к тете Шуре в гости в этот день, в конце лета. В последний раз я была у нее уже, будучи взрослой. Давно это было...

Лето прощалось с усопшей Богородицей, но своим последним теплом вселяло в нас радость. Оно ласкало поблекшими лучами солнца, потускневшими красками трав, обдавало ленивым ветерком. В том была грустная радость. Мама говорила: «Богородица тоже радовалась встрече с сыном. А Христос ждал ее».

Неспешно подошли мы к дому тети Шуры, откуда, еще издали через открытое окно был слышен ее крикливый голос, который имел какой-то особенный тембр, какого я потом никогда не встречала. Мы с мамой, переглянувшись, засмеялись. Она была рада встрече со своей громогласной двоюродной сестрой, и знала, что увидится там с родной сестрой тети Шуры – Ириной Петровной, которая учительствовала в школе и поэтому именно так звалась в деревне. Тетя Шура же для всех была – Петровной. Она жила для сестры, для ее детей, жила их заботами, тревогами, радостями. Была она малограмотной и всегда с почтением относилась к сестрам-педагогам. Но в тете Шуре таилась особая изюминка: то мудрость, необыкновенное сложение ума и опыта жизненного. Бывало, когда взрослые разговаривали, я с упоением слушала их. Меня очаровывали жесты, манера общения, слова. Тетя Шура плела диалог такими речевыми оборотами, которые нарочно не придумаешь. Это были простые, народные, иногда дерзкие слова, но отнюдь не матерные. Частенько делала она паузы, протяжно и многозначительно произносила: «Да». Осмысливая сказанное, а может быть, уходя в прошлое, она, как-будто забывалась, ее умные глаза уносились куда-то вдаль. Но вновь какая-то сила возвращала ее в действительность, и она продолжала громко вещать. Мы все хохотали, а громче всех она, сотрясаясь всем своим дородным телом. Думая об этом, я прислонилась к теплым бревнам дома тети Шуры, и окинула взглядом луг, который начинался сразу за плетнем, взглянула на часовенку, что высилась поблизости, и такой вдруг тоской повеяло на меня, такой тоской... Я вспомнила, что так бывало всегда.

Тетушки вышли к нам, и мы сразу же направились в часовню, которая тихо укрывалась длинными лапами вековой ели. На крыше в беспорядке лежали шишки от нее. Часовня, думаю, построена была отцом и братьями тети

Шуры. Несмотря на малые размеры и простоту, выстроена она была по всем правилам церковной архитектуры: высился небольшой купол с крестом, вход был с западной стороны, алтарные ворота - на восток. Прохладой повеяло на нас: крохотное оконце немного пускало света и тепла. Прямо, на отёсанных стенах рукой неизвестного мастера, выведены были образа. Висели также и маленькие иконы, которые многим позже местные пьяницы похитили и продали за бутылку ушлым скупщикам из Питера, а те, видимо, уже за валюту продавали за рубеж. Но в те еще времена все было на месте. Тетя Шура следила за порядком в храме. Полы были натерты песочкам, над иконами со старинной вышивкой полотенца—рушники, которые отбеливались на солнце в ясный мартовский день, разложенные на снегу, а теперь вот белели в полумраке.

Мы целовали иконы, зажигали свечи, принесенные с собой, и тетя Шура по старинной книге читала молитвы ко Святой Богородице. Здесь уже давно не служил батюшка, и поэтому молились, как умели, прости нам Господи.

Затем, посидев на высоком берегу озера, мы направлялись в дом, где ждало нас угощение. С нежностью вспоминаю я тот старинный дом, залитые солнцем кухню и горницу. Любила я пройтись босиком по белому полу, которого не касалась краска. Доски пола были широкими и теплыми. Ощущение тепла, красоты, запахи и осязание старой деревянной постройки храню в душе и доньине. В красном углу висел киот: образ Богородицы в серебряном окладе. Я мечтаю когда-нибудь прикоснуться к нему губами и почувствовать над своей головой ее Божественный покров, как это бывало в детстве.

А на стол тем временем раскладывались нехитрые, но сытные деревенские кушанья. После поста здесь были мясные щи, сваренные в русской печке, молодая картошка с зеленым луком и огурцами, кисели. Ну а венцом стола были пироги: с творогом – ватрушки; с картофельным пюре и с ржаной мукой - калитки или шанюшки. На столе красовался и пел веселые песни медный самовар на углях. Спиртного не подавали вовсе. Обед длился долго. Ели, не спеша, с разговорами. Было жарко. Настежь открывалась дверь в прохладные, темные сени, размерами и загадочностью своей немного пугавшие меня. Я выбегала на крыльцо и с упоением сидела на широкой, гладенькой лавочке, на которой можно было и полежать. И вновь задумчиво посмотрела я на луг, где не было уже ярких цветов, одни лишь только белые ромашки изогнулись в печальном своем поклоне.

Оглядела я старый дом - высокий, темный. Строили его на века. Широкие бревна были такими гладким, что блестели, внизу был огромный подвал для запасов. Но тетя Шура занимала только половину дома, в другой жили чужие люди. И я спросила ее за столом: «Это все был ваш дом»?

«Ой, да, да, нас много здесь жило, милая. Почитай семь человек тогда. Еще до этой, Господи прости, революции-то строили». Загибая узловатые,

натруженные пальцы свои она перечисляла: «Вот мы с Ирой – две сестры, да два брата, уже четыре. Главой – то был отец, да мать, да бабушка – вот и вышло семь душ. Ой-ёй-ёй, только одна и осталась в доме хозяйка» - горестно вздохнула она. «А где же все остальные»? «Ой, милая, почили. Да кабы похоронены были на своем-то родном погосте, легче было бы. Но лежат средь камней у Беломорканала, покойнички».

И тогда впервые услышала я печальную историю её. Говорила она на редкость тихим голосом, а глаза как – будто бы поблекли, подёрнулись скорбной поволокой.

«Жили мы складно, слава Богу. Да ведь работали с утренних петухов до самого до темна. Братовья сильные были, здоровые - подстать отцу, чего же не работать! Вон луг за плетнём – большой, все росла там рожь да пшеница, это было поле. Картошки тоже много сажали. А в хлеву, видела, сколько места: три, четыре коровы всегда были – кормилицы! И амбар всегда полон был, не смотри, что большой. В подвале опять-таки всякого добра! С твоим дедом – дядькой моим продавали в городе много чего. Вот и жили, не тужили. И соседям помогали, чем могли. Частенько дети прибежали, а мамочка их всех подкармливала, да еще в узелок беленький завернет что-нибудь. Да... А как колхозы пришли, тут и все. Мы в колхоз не идем, а нас в кулаки и причислили. Конечно кулаки! Своими кулаками – руками все и растили. Да... А этот Иван в бедноту приписан был – сосед. Конечно, беднота стало быть. Круглый годок на печи лежал, да еще на холодной. Мастак только и был детей строгать. А кушать то нечего, в избе холодно, дрова – то сами в избу не идут, за ними в лес идти надо. Да... Ну так вот, пришли они с председателем – тоже беднота и такой же мастак детей строгать, и говорят: «Собирайте котомки на подводу, завтра повезем вас в город – высылка вам!» Мы в голос! Как оставить дом, добро? Со своей-то земли, значит вон! Сложили все, что влезло на подводу, остальное в колхоз. Бабушка сразу и отошла к Господу, похоронили. А деда твоего Ефима не выгнали, стар был. Стращали, ужас! Хлеб только весь вывезли. Потом сосед-то Иван шибко с этим хлебом гужевал, сказывали. Только эту зиму и трескал от пуза, да гулеванил. За всю жизнь-то. Объялся нашим хлебушком, больше не довелось, снова растить надо. А кто будет? Да...

А уж какая путь-дороженька была, страсть! И не высказать как мы горевали, плакали. Да что слезы, на них плотину не выстроишь, сколько ни лей. А мужики все больше молчком. Доехали кое-как на каменоломни. Камень мы со скал откалывали, да возили. В барак нас определили. Тут вам нары, а здесь кирпичи, да ломтики – камень ворочать. А уж как мы камень этот окаянный ворочали, как ворочали! Думала никогда и детушек у меня не будет от тяжестей этих. Да привелось. Еще и замуж сходила разок за такого же горемыку. Приехала я еще красивой девкой – кровь с молоком. А мужик мой все больше кашлял, чуть и пожил. Оставил мне двух девочек – лебедушек. Уж как я старалась, носилась над ними, как ласточка крыльями махала, все оберегала,

холила, да лелеяла, не уберегла, ангелочков. Тоже схоронила одну за другой. Да...Потом и маменька зачахла и отошла. Недолго и мужики наши ломами-то махали. Кушать баланду, да мерзнуть, да в мокрой одеженке все время – долго не протянешь. Все ушли. Одни мы с Ирой остались, горькие. Я ей все кусочки свои отдавала, теплей все одевала. Учиться определила сразу. Думала, ученой-то камни может, не надо будет ворочать. А она смышленная, и дальше в город поехала учиться. Молилась я о счастье и здоровье ее, да видно грех какой-то нераскаянный на нашей семье есть, и ей не подфартило с мужиком-пьяницей. Да и здоровья нету никакого, одна болезнь другую догоняет. А что сделаешь, смириться надо, да молиться, прощения у Господа просить за все. Да...

А уж как я приехала домой, как я и плакала над каждой-то ступенечкой лесенки, над каждым-то порогом в доме. Поминаю всех, да нет ответа-привета, тишина одна. Да...Меня в эту половину определили жить дома своего. Да и то ладно, не на улице осталась.

А как я встретила председателя, когда приехала одна – одинешенька оттуда! Он, как шел мне навстречу на мосту, так и бухнулся на колени – ирод: «Прости, Петровна!» А я мимо прошла. Да не потому, что не простила, Бог простит, а потому, что грудь-то словно медведь лапой сдавил, и дышать не могла не то, что слово молвить. На том и разошлись. Да что он! Видать какой-то антихрист по земле нашей гулял, Господи прости, а эти дураки у него под пятой оказались, малoverы.

Одного мне жалко: некуда мне могилкам пойти, поклониться. Где они, да и кто за ними в камнях смотрит-то? Кресты ни дать, ни взять, сгнили, так и лежат там, как нехристи.

Ой, земля холодная,
Беломор-страна.
Камена, голодная,
Чужая сторона.
Схоронила детушек
Посреди камней.
Отдала лебедушек,
Нету их милей.
Схоронила батюшку
И родную мать.
Схоронила братушек...
Довелось отдать.
Отдала родименьких
Тем снегам чужим.
Выплакала слезоньки
Над холмом большим...»

И этот высокий надрывный плач, подобный тому, какие я слышала в детстве на похоронах бывало, обжигал душу. Он белым облаком покатился по

лугу, который раньше был полем, и на котором более после настоящих хозяев не колосилась рожь, растаял в темном лесу. Вот почему мне всегда казался луг одиноким и брошенным. Здесь поселилась вечная печаль. Пустынным и печальным был и лес, и крутой берег, по которому давно в счастливые дни со смехом, с шутками, одним махом братья тети Шуры поднимали воду в ведрах к дому, а затем так же лихо заносили по высоким ступенькам. Теперь тетя Шура делала это сама, осторожно – годы не те. И эта вековая ель, что укрывала могучими ветвями своими часовню, тоже печалилась и плакала желтенькими слезинками, но тянулась и тянулась верхушкой к солнцу, к небу.

Когда-то в старенькой часовне лежала Библия, в которой было написано, что скорби дают нам смирение и терпение, терпение порождает опыт, а Господь нам за это дарит надежду.

И вновь прошла я по знакомым местам. И вновь тоской повеяло на меня и грустью... Нет уже моей дорогой мамочки и тетушек... И над лугом стояла такая тишина, такая тишина, как над оконченной дорогой. Но тишину нарушил взгляд на новую часовню, которую мужики выстроили рядом со старой. Старую не разобрали, боясь, видимо нарушить покой, предоставив все воле Бога. И обе они укрывались по-прежнему темными, длинными ветвями елей. Укрывались надежно, навсегда... И надеждой наполнилась моя душа, надеждой и болью. Уж очень тяжело живется людям вокруг. Бедность сквозит из соседних домов. Бедность и унижение... И я боюсь, народ, переступив черту, теряет терпение.

2005г.

Сергей Мельников Халан

Велосипед

Когда мне исполнилось шесть лет (1958 г.), родители решили купить мне велосипед.

В течение полугода необходимая сумма (290 р.), благодаря жесточайшей экономии, была собрана. В воскресный день, в окружении соседских мальчишек, отец отправился в магазин «Сельпо промтовары». Естественно, меня он с собою тоже взял.

Пришли мы к магазину за несколько минут до открытия. Нетерпение охватило меня.

Но, вот двери магазина приветливо распахнулись, пропуская нас во внутрь.

На витрине красовались несколько моделей велосипедов. Там были: самый маленький из двухколесных «Школьник», подростковый велосипед «Василёк» и взрослый велосипед «ПВЗ». Мне подошел велосипед «Школьник», салатного цвета. Блестел он никелем руля, педалей и ободьев колес. Отец заплатил деньги продавцу, та заполнила паспорт велосипеда, поставила печать и со склада выкатила велосипед. Как же он отличался от витринного товара: руль повернут на 90 градусов, руль и рама обмотаны промасленной бумагой.

С гордым видом тащил я это чудо домой, соседские мальчишки с радостью помогали мне его толкать. Дотолкав «коня» до дома провели расконсервацию, и, протянув болтовые соединения, начали, всем гамузом, обучение езде. Я, с гордым видом, восседал на велосипеде, а друзья-товарищи поддерживали меня. Так протолкали они меня пару раз вокруг квартала, и вот я заметил, что уже меня никто не держит, и я самостоятельно качусь по улице. Правда, не совсем уверенно.

Своей радостью захотелось мне поделиться со своей бабушкой Евдокией Васильевной Захаровой, которая жила на «Верхнем Заводе» в 1.5 км. от нас в Широкой улице (ул. Чапаева). И вот отправился я на велосипеде в свое первое путешествие.

Дорога, надо сказать, была не простая. По пути нужно было пересечь два лога, в которых протекали речки Сорокумовка и Кисловка. Бережно перетаскивал я через эти препятствия своего железного друга. Похвастав бабушке своей новинкой, поехал в обратный путь.

На пути мне повстречался местный хулиган Мишка Сударенко. Был он старше меня, и все мальчишки моего возраста его побаивались. Видя мою неуверенную езду, этот «фулюган» начал ко мне приставать. Пришлось предложить ему прокатиться на моем «велике». Для него мой «Школьник» был маловат, поэтому, прокатившись метров 20, он мне вернул велосипед, а для

устрашения науськал на меня свою собаку. Она была небольшая, но кусалась больно. Поэтому я крутил педали что было сил. От собаки я уехал, но вот на пути попала девчонка, несколько младше меня. И никак мы не смогли разминуться. Зацепил я её рулем, она упала, а я, почему то, поехал в сторону.

Вот так я совершил своё первое дорожно-транспортное происшествие. И я, и девчонка отделались легким испугом. Велосипед мой «Школьник» ещё долгое время служил верой и правдой и мне и моим меньшим братьям, а потом перешел к младшему поколению соседей, оставаясь приятным воспоминанием тех мальчишек, которые научились на нем ездить.

Затмение

Памяти друга моего Медведева Николая Викторовича посвящается

Канцелярия небесной механики назначила солнечное затмение нашей звезды по имени Солнце и планеты Земля на 22 сентября 1968 г. Пермская область попала под это событие. Именно на это день я и друг мой Колька Медведев запланировали сходить на р. Бырму порыбачить хариусов. Стояли погожие деньки бабьего лета, и это была последняя рыбалка того далекого года. С вечера приготовили все необходимое. Вышли затемно, шести часов ещё не было. До этой лесной речки было 3 километра полевой дорожки да 5-6 - лесной тропы. По полевой дороге мы и прошагали в полной темноте. К лесу подошли, когда забрезжил рассвет. Когда пришли на речку – почти рассвело. Успели как раз на утренний клев. Ловля хариуса – ходовая. Речка заросла кустарником и травой. Несмотря на то, что мы были одеты в брезентовые плащи, уже через десяток минут мы были уже мокрыми. Так и шли мы вверх по течению и брали улов на перекатах. Взошедшее солнышко и ветерок высушили кусты и нас тоже. Проползли мы так километров пять. Клев был отменный. На последнем перекате с берега ловить было невозможно. Кругом были заросли кустов и деревьев. Перекат был широк и извилист. Зашли в воду, почти по пояс. Колька зашел с правого берега, а я с левого. Взяли там, на двоих, 16 хариусов.

Близилось время затмения. Как раз мы подошли к точке возврата. В этом месте р. Сотниковка впадала в р. Бырму. Вот на месте слияния мы и решили остановиться на обед. Нарубили дров, развели костер, почистили наловленных хариусов, сварили уху, напились чаю, заваренного листьями и молодыми побегами смородины. Высушили одежду да обувь нашу немудреную – китайские кеды. Состояние тихой истомы овладело нами. Журчала вода в речке, ветерок шумел в ветвях деревьев и кустов, птицы уже не пели, но переговаривались на своем птичьем языке. И вот началось затмение. Стало быстро темнеть. Птицы испуганно замерли, ветер стих. Наступила жуткая тишина, и тьма поглотила лесное пространство. Прохлада опускалась на землю.

Лишь костер делал свое дело, снабжая нас теплом и светом. Немного вздремнули. Стало светлеть — наступил второй рассвет за день. Птички испуганно начали переговариваться. А мы собрали свой скарб, затушили костер и пошли обратно. Ловилась рыбка уже значительно хуже, и мы, где-то со середины пути, пошли домой другой дорогой. Вернулись домой уже вечером около 19 часов, но ещё засветло, уставшие и довольные, и с хорошим уловом вкуснейшей рыбы.

Это была наша последняя с Николаем Медведевым рыбалка. Прошли годы, судьба разбросала нас. Колька, неисправимый романтик, после срочной службы в ВДВ, уехал в Хабаровский край. Ловил он там разную рыбку в далекой реке Амгунь, а я, связал свою жизнь со службой в армии. Сначала авиация, а потом РВСН стали моею судьбой.

Друг мой Николай нашел свой последний приют на Дальнем Востоке. Частенько вспоминаю я, эту, нашу последнюю рыбалку, и тихая скорбь захватывает меня.

Вечная память тебе, друг мой Колька!

Елка

***памяти друга детства моего Язева Михаила Павловича
посвящается***

Итак, было 29 декабря 1959 года. Близился Новый Год. Пора была ставить дома елку.

Тут ко мне пришел на лыжах мой дружок с пеленок Мишка Язев и предложил пойти в лес за елкой. С превеликой радостью я согласился. Поскольку время было уже после обеда мы, без промедления, взяв ножовку, отправились в лес. Вернуться домой нам надо было до 16.30. В это время родители наши приходили с работы.

Самый ближний к нашим домам был «Маленький лесок». Этот лесок представлял собою лог, поросший кустарником и мелколесьем. Росли там и елочки. Нашли мы свою елочку за логом, аккуратно, как смогли, спилили её и отправились домой. Спустились в этот самый лог и встретили соседнего парнишку Сашку Бояршинова. Он был старше нас года на три-четыре и был наделен житейской мудростью и опытом надувательства младших товарищей. Посмотрев на нашу елочку, недовольно хмыкнул и изрек: «елка хреновая, облезлая и страшная». Его резюме мы приняли, бесспорно, она нам как то сразу, разонравилась. Вот, что, пацаны, изрек сосед, тут вы нормальных елок не найдете — они растут вон в том лесу, и показал нам лес за совхозными фермами. Лес там и в самом деле был настоящим лесом. И мы с радостью помчались по снежному полю в тот лес. До леса было недалеко, чуть более полукилометра. Там выбрали мы подходящую елку, завалили её и поперли

домой по своим следам. Начало смеркаться и мы торопились. Вот и лог перед нами. Под горку спустили мы свою елку. А вот вытащить её из лога сил наших не хватило. Отпилили половину от ели, и даже ту половину вытащить сил не было. В чем же дело? Оказывается, елочку то мы срубили пятиметровую. Определили мы это с помощью своих лыжных палок. А давай мы заберем нашу старую елку – так и решили. Но, сколько мы её не искали так и не нашли. Бросили мы свою большущую елку в 2.5 метра и поплелись домой, не солоно хлебавши, оставив затею на другой день. Домой вернулись затемно в седьмом часу вечера. Руки закоченели и плохо двигались. Мама, всплеснув руками, помогла раздеться, налила в тазик ледяной воды и силком погрузила мои иззябшие белые ладони в эту воду. Когда руки стали отходить стало очень больно. Когда руки мои покраснели, мама вытерла их насухо полотенцем и посадила меня на горячую русскую печь отогреваться. Только после этого, отец сделал мне строгое внушение о том, как надо правильно вести себя зимой. А на следующий день, как только ободняло и слегка потеплело, отправились мы за брошенной елкой. Отпилили кусок и вполне нормальную елочку доставили домой к другу моему. Наши родители организовали встречу Нового Года в доме Язевых. У Мишки было две сестры Валя и Нина и два брата Саша и Володя. Ватага детская была немаленькая для деревенского дома. Был там и Дед Мороз – Мишкина Мама и Снегурочка – моя Мама. Были и немудреные подарки – времена тогда были трудные, слегка голодные. Но, шоколадные конфеты в подарках были.

А 1 января, вместе со своим другом, отправились к Сашке Бояршинову в незваные гости. А там, во всем великолепии, стояла наша елочка. Вот так мы узнали про хитрости людские и вероломство дворовых друзей.

На всю жизнь мне запомнился тот Новый Год. А дружбу с Мишкой пронесли мы на всю жизнь.

Школьные истории. Рыбалка в каникулы

Закончились летние каникулы. Ученики шестого класса «А» Юговской средней школы радовались первым урокам. Настал черед урока русского языка. Ох, и недолюбливали многие ученики этого предмета. Мне он то - же не нравился. Учитель изящной словесности Лилия Михайловна Болотова предложила нам написать самые яркие воспоминания о проведенных каникулах в своих сочинениях. Мы с радостью согласились.

Весь класс тихонько сопел и пыхтел над своими сочинениями. Сочинения мы уже заканчивали следующим уроком. Это был урок литературы. Что мы там насочиняли Лилия Михайловна, читала и проверяла несколько дней. Наконец мучения её закончились, и она принесла пачку тетрадей с нашими сочинениями. Загадочно на нас посмотрев через свои очки, раздала тетради. Всем, кроме меня и Толика Собакина. Мы с Толиком недоуменно на неё

посмотрели. Класс, пошумев, успокоился и с затаенным дыханием стали смотреть оценки своих сочинений. Учительница наша с загадочной улыбкой заявила, что хотела прочитать всему классу пару сочинений. Класс одобрительно зашумел. И как только начала читать Лилия Михайловна эту писанину все замолчали.

Сочинение «Рыбалка», привожу по памяти, кое - что добавляю, что не искажает сути: Было лето. Дни были длинные, а ночи – коротки. Однажды в субботу, собираясь на работу, отец сказал мне, что после обеда мы идем с ним рыбачить на речку Бырму.

Свою задачу я уже знал. Мне нужно было накопать дождевых червей, пропитать сапоги собачьей ворванью, приготовить продукты и рыбацкую посуду. Самым важным было пропитать сапоги ворванью. Она очень хорошо отталкивала воду, и своим запахом псины отпугивало лесных хищников. Эту операцию я и начал в первую очередь. Кирзовые сапоги впитывали и впитывали эту жирную смазку. Намазывать пришлось несколько раз. Намазал и просушил, намазал и просушил и так многократно. Как только наши сапоги были приготовлены – проверил портянки - они тоже были в порядке. Пошел копать червей. Поскольку было жарко, то пришлось перелопатить немало земли на затененных участках. Ну, вот и черви накопаны. Сложены в мой сидор (вещевой мешок) посуда, хлеб, полпачки соли, картофель, пара вареных яиц, коробка спичек, завернутых в целлофан, лук и сахар.

Сидор отца был всегда собран. Там у него лежали топор, полотно пилы, плащ из офицерской накидки сшитый соседкой-портнихой, разные рыбацкие причиндалы. Удочки, готовые к рыбалке висели на специальных крючках балки под крышею двора. Итак, у меня все было готово. Вот и отец пришел. Наскоро пообедав, начали собираться. Оделись, обулись, достали удочки. Отец проверил вещмешки и заставил меня положить в мой сидор брезентовый плащ. На голове отца красовалась кепка – восьмиклинка, а у меня - солдатская пилотка. Кепку отцу сшил Костя Зебзеев, живший неподалеку. На кепке был тканевый поясок, в который были воткнуты множество разных рыболовных крючков. Собравшись, в полной амуниции, мы слегка попрыгали – у нас ничего не гремело, и можно было отправляться в путь. Через два часа мы были на месте. Рыбалку начинали на Круглом лугу и шли вверх по течению, облавливая перекаты и омутки. Клев был хороший и хариусы, один за другим, отправлялись в наши противогазные сумки, наполненные крапивою. Берега речки заросли густым кустарником, в котором были протоптаны рыбацкие тропы. Идти там с длинным удилищем было проблематичным. Прошли мы так километров пять, солнце уже подкатывало к горизонту, и пора было позаботиться о ночлеге. Ночи были коротки, но отдых был нужен. Выбрали место там, где было посуше и недалеко от воды, и стали обустраиваться. Первым делом нужно было заготовить дрова. Отец мой достал из своего сидора топор и пильное полотно. Полотно это было очень тонкое как на лучковой пиле. На концах его были

приклепаны кольца. В эти кольца отец и вставил свежесрубленный черемуховый сук. Все это походило на лук, роль тетивы выполняло полотно пилы. Напилили мы четыре бревна из сухостоя, обильно скривившегося в прибрежном лесу. Забили четыре кола и эти бревна вставили стенкой между ними. Это была заготовка для костра - нодья. Для лежки нарубили пихтового и елового лапника. Набрали ещё сучьев сухих для разведения костра. Сумерки уже опускались на лес. Отец, поручив мне заботы об ужине, ушел ещё половить хариусов.

Развел я костерок и пошел чистить наш улов на речной пережат. Наложил листья водяных лопухов и вывалил из сумки добычу. Потрошенных хариусов складывал в бидон и пересыпал солью. Бидон поставил в протекающий поблизости ручеек, используя его как холодильник – вода в нем была студеною. С десятка харюзков, помельче, оставил для ухи. Мелочь порезал на куски и сложил в котелок. Туда же нарезал очищенный картофель, лук и, набрав воды, отправился к костру. Вырубил в черемушнике рогульку и длинный толстый прут устроил подвеску для котелка. Уха начала вариться. Пока она закипала, почистил лук, нарезал его и вместе с солью и лавровым листом заправил в уху. Уха бурно закипела, и пришлось котелок переместить в менее жаркое место. А в это время уже стемнело, и поскольку клев прекратился, вернулся отец. Как раз и уха поспела. Снял котелок с костра и поставил остужаться. Для улучшения вкуса добавил в уху немного молотого черного перца. Совсем чуть-чуть. Уха дымилась, и аромат её заполнял наш бивак. Расстелив плащи, улеглись на них, как древние римляне и начали ужинать. Уха, точнее – рыбный суп, ибо не было в нем ста грамм водки, был очень ароматным и наваристым. Отец похвалил её вкус. Ложки наши работали на полную катушку. Вот и дно котелка показалось. Смотрю, а лицо отца удивленно вытянулось. Перехватив его взгляд, уперся своим в котелок. О, боже, на дне лежала чешуя. Я просто забыл снять с рыбы эту чешую. Отец, довольно хмыкнул и изрек: «удивительный вкус дала чешуя ухе. В следующий раз вари обязательно с чешуею». А я, честно говоря, ожидал нагоняя. Потом я помыл котелок, набрал в него из ручейка воды и поставил кипятить. В котелок положил листья дикой смородины, росшей на берегу. Не зря, видимо, на Украине зовут этот кустарник «порічка». Пока чай варился, я успел почистить рыбу, выловленную отцом в сумерках. В лесу было сумрачно, трещали на покосах кузнечики, сонно вскрикивали птицы, изредка ухали совы, пугая лесных жителей, и пели свои ночные песни соловьи. Нудно зудели комары. Чтобы не пили они мою кровь, развернул пилотку и, одев её, стал похож на пленного румына образца зимы 1945 года.

Напились мы чаю, развесив портянки и сапоги недалеко от костра, и блаженно заснули подле нашей нодьи. Нодья горел медленно, но давал много тепла. Свежий воздух и накопившаяся усталость быстро нас сморили. Ночь летняя была недолгой. Через пару часов мы проснулись бодрыми и готовыми к рыбной ловле. Было свежо, костер неспешно тлел. Подкинули в него сухих

сучьев и лапника, на котором спали. Приготовили простецкий завтрак из печеной картошки, запеченных на прутиках хариусов и чая с дымком. Поели, попили чайку, собрали мусор, оставшийся от нас, и бросили его в костер. Пока горело – посидели у костра. Отец покурил свои папиросы «Север», и мы начали собираться. Светало. Было прохладно, на листе и траве была роса. Пришлось одевать плащи. Растащили недогоревшие бревнышки из костра, сгребли в кучу угли и золу. Полили кострище водичкой и отправились рыбачить дальше.

Утренний клев был превосходным, наши сумки наполнялись рыбой. От росы мы промокли. Если сверху нас закрывали плащи, то снизу, до пояса мы были мокры. Штаны наши можно было выжимать. Восходящее солнце и тепло от него и наших тел высушили нашу одежду через пару-тройку часов. Так прошли мы по речке километров семь-восемь. Солнце уже клонилось к западу. Уже прошли мы и Красную Глину, и Волковскую гору и достигли Сотниковских покосов. До речки Сотниковка, впадающую в реку Бырму, оставалась пара километров. Решила дальше не идти по речке, а отправиться домой по другой дороге, где до дома было 12 километров. Устроили дневку, развели костер, испекли оставшуюся картошку, несколько рыбок и душистый чай, заваренный кипреем и листьями малины. Тут же просушили наши портянки и слегка сапоги. Ноги отдохнули. Почистили рыбу, посолили. Бидон и котелок были полны, да ещё и осталось. Наложили в сумки свежей крапивы, туда же отправили нашу рыбу. Свернули удочки. Обулись. Плащи отправили в вещмешки и потопали домой другой дорогой. Через полчаса вышли в запретную зону и вот мы уже на бетонке. Был уже воскресный вечер, движения на дороге не было и можно было без опаски по ней передвигаться. Идти по ней надо было чуть больше километра. Вот и военную водокачку прошли, и отворот на военной городок «Рудный». Так и дошли до старой грунтовой дороги. Пока строили бетонку, дорога из нашего поселка интенсивно эксплуатировалась. Звалась она Благодатской, поскольку вела из поселка на гору Благодать. С вводом в строй бетонки эту дорогу забросили, а что бы местное население по ней не ездило, военные перекопали её в нескольких местах. Но, народ сделал объезды этих препятствий и в сухую погоду ездил за сеном и дровами. Дорога шла под уклон, и мы быстро дошли до дома, пройдя Конское кладбище и спустившись логами по речке Сорокумовка. Дома нас ждала мама, и банька, приготовленная маминими заботливыми руками. Отдав маме рыбу, разделись, и пошли в баню. Первым делом осмотрели друг друга на отсутствие клещей. Не было их на наших бранных телах. В эту рыбалку прошли мы около сорока километров, очень утомились, и спал, как убитые, до утра.

Прочитав мое сочинение, Лилия Михайловна сделала паузу и зачитала сочинение Толика Собакина. В нем он поведал, как со своим отчимом Сенниковым ходили рыбачить на эту же речку. Только рыбачили они ниже по течению. В ходе рыбалки наткнулись на бочажину - большую яму, заполненную талыми весенними водами. Привлекла она кряканьем утки и хлопаньем

крыльев. Когда подошли – увидели, что беда там была утиная. По большой воде утка облюбовала это место для гнездовья. Вывела птенцов. А пока шел процесс высиживания, большая вода ушла, а та, что осталась постепенно уменьшалась, и когда утята вылупились и подросли, уровень воды упал. Утятам там стало тесновато, да и еды стало не хватать. От воды до берега было более полуметра, и птенцы были не в силах выбраться из бочажины. Толя быстро сообразил, что нужна помощь. Разулся он и, раздевшись, залез в эту яму. Утка сразу вылезла оттуда и стала беспокойно бегать по берегу и продолжала кричать. Толя, увязая в придонной грязи, стал ловить утят. Те, хотя и маленькие были, превосходно плавали и ныряли. Но, вот и последний утенок был вызволен из беды. Мать утят немного беспокоилась и уже не бегала, а собрала утят в кучу и ждала последнего. Как только он оказался на берегу, мать утиная повела выводок к реке. Отойдя несколько метров, оглянулась, и благодарно крикнула. Ну, а Толя не мог выбраться из ямы, поскольку дно было сферическое, и Толя, пытаясь подойти к берегу неизбежно оказывался в центре, где глубина была больше метра. Но, отчим Толи уже шел на помощь, прихватив ствол ик черемухи. С его помощью он и извлек Толю из этой бочажины. Весь мокрый и грязный предстал Толя пред отчимом.

Пришлось мыться в реке. Вода там была студеная. Летом выше 12 градусов и не нагревалась. После купания у Толи зуб на зуб не попадал. Отчим обтер Толю рубашкой и заставил делать зарядку. Потом Толя оделся, и они продолжили рыбалку.

Вот такие приключения были у нас в те незабываемые каникулы.

Закончив читать, учитель наш вернул нам тетради. Открыв свою - увидел жирную красную оценку **2/5**. У Толи красовалась **4/5**. Я учился, перебиваясь с двойки на тройку, и школу восьмилетку закончил со средним баллом 3.0. А Толя был у нас хорошистом и первым пионером нашего класса. Оба мы после 8-го класса ушли из школы, и некоторое время работали в одной организации. К сожалению, Толя трагически погиб в зрелом возрасте.

Хочется сказать огромное спасибо нашей учительнице Лилии Михайловне Казанцевой (Болотовой) за то, что привила любовь к великому и могучему Русскому языку и литературе. Пройдет долгих 15 лет, и все, чему учила она нас, вспомнилось, когда начал я изучать немецкий язык в военной академии. Вся структура языка, грамматика и синтаксис проявились в моем мозгу, и перенеслась на другой язык. Экзамен по немецкому языку я сдал с оценкой «отлично» (на нашем курсе было всего две 5).

Политура

Сергея - окликнул меня слесарь Картушин Леся по прозвищу «Блин» - ты знаешь, где живет Маруся Устинова? Это та самая, из Заюга, которая отрубила голову своему мужику – пояснил он. Ну, знаю – ответил я. А, а – заулыбался Блин - она просила два подшипника. С этими словами слесарь достал из инструментального шкафа пару новых подшипников, завернутых в промасленную бумагу.

Тут я вспомнил, как однажды эта Маруся проходила рядом с курилкой, в которой сидели работники из отдела главного механика швейной фабрики, и кто-то из мужиков, ради хохмы, спросил её: «Маруся, ты зачем своему мужику голову отрубила?». Нисколько не смущаясь, она с усмешкой ответила: «да я ведь не совсем отрубила – голова ещё висела на сухожилиях». И горделиво пошла дальше по своим делам. Мужики объяснили мне, увидев моё изумление, что муж постоянно третировал её и троих совместных детей. И однажды, не выдержав его пьяных притязаний, убила его топором. Отсидела свой срок, забрала детей из детдома, и, уехав от позора из своей деревни, поселилась в нашем поселке, на дальней улице Заюг, в самом её начале. В летнее время к фабрике была прямая дорога с этой улицы. Была она коротка. А в распутицу можно было идти, делая большой крюк.

Леся протянул мне подшипники – сходи, отдай ей, да не забудь забрать пакет для меня. Поскольку я был самый молодой в отделе, то все считали себя наставниками, и каждый стремился учить меня уму-разуму. Каждый по-своему, в меру своей испорченности. Погода на дворе была теплая, и я, с удовольствием покинув токарную мастерскую, пошел прогуляться на свежем воздухе. Подошел к нужному дому и остановился - страшновато было заходить. Но, тут открылось окно и Мария Устинова, высунувшись из него, добродушно спросила: «чего ищешь, паренек?». Я, без слов протянул ей подшипники. Увидев их, обрадовалась: «вот, наконец, мотоцикл свой сын исправит». Сына её я знал – он работал слесарем на хлебопекарне и у него был мотоцикл «Восход», нестарый ещё. По сравнению с моим «Минском М-103», собранным из 2-3 развалюх, «Восход» был самым совершенством. Тут же, обратным порядком, в моих руках очутился сверток». Смотри, не разбей – весело напутствовала она меня.

Вскоре я был уже в мастерской и передавал Леся пакет. Слесарь сразу оживился, развернул пакет. Там лежали две бутылки, с наклейкой «Политура № 13». Во, блин, сейчас повеселимся – запричитал Леся и позвал слесаря-жестящика Сударенко Виктора. Погоняло у него было «Якуня Маня». Это был опытный интеллигент, работавший раньше чертежником в сельсовете. Его чертежи домовых построек украшали многие домовые книги жителей поселка. Оба они матом не ругались и самые грубые их ругательства и стали их вторыми именами.

Открыли они обе бутылки, и вылили содержимое бутылок в, невесть откуда взявшуюся, кастрюльку. «Якуня Маня – заворчал жестянщик – смотри, Гена идет».

В грязное окно мастерской я увидел, что подходит сварщик Гена Воеводкин. Проработав несколько месяцев в мастерской, я уже знал, что сварной имеет особое чутье на спиртное.

Ни одна попойка на работе не проходила без его участия. Слесари закрыли кастрюлю крышкой и спрятали её под верстак. «Мужики – зашедши в мастерскую, сказал Гена – а выпить есть что нибудь, вот чую, что есть!». Нет, нет – торопливо сказал Блин - ничего нет, да и некогда нам. И показал на жестянщика, который уже старательно чертил лекало для выкройки колена вентиляции. Ну - ну – сказал, усмехнувшись, Гена и ушел.

Слесари достали емкость, долили воды, и насыпав соли и стали отверткой вымешивать шеллак. Через некоторое время шеллак комом прилип к отвертке, а в кастрюле остался спирт, разведенный наполовину водой, и имевший стойкий запах шеллака.

Разлив по грязным кружкам пойло, сказали короткий тост: «ну, поехали» начали пить, и тут внезапно в дверях появился Гена. Грязно выругавшись, потребовал налить и ему. Жалко было наливать халявщику, да пришлось. Гена был в авторитете, строил коммунизм в местах, не столь отдаленных и поэтому считал, что все должны были его поить и угощать. Как - то незаметно кастрюлька опустела и мужики пошли в курилку. Вскоре из курилки раздался шум скандала. Выглянув в дверь, увидел, что там назревает драка. В эту свару ввязался механик Петр Климентьевич Трущенко, который потребовал, чтобы пьянь покинула территорию фабрики. В ответ Гена Воеводкин схватил толстую доску с забитыми и торчащими гвоздями и занес её над головой механика. Вот и все – подумал я – сейчас гвозди наделают дырки в голове нашего начальника. Но, механик наш был не лыком шит. Выбив доску из рук Гены, схватил его за шиворот, дотащил до ворот фабрики и, дав хорошего пендаля, выкинул его за ворота. Остальные, молча, ушли сами. «Смотри, пацан, не надо пить на работе» – резюмировал механик.

Вот так и закончилось это веселое мероприятие с политуры № 13.

Пастушок

«Сергея — сказал отец вечером — завтра наша очередь пасти коров». Надо, так надо.

Коров и другого рогатого скота поменьше в нашей округе пасли по очереди. В дни школьных каникул занимались этим малолетние пацаны, и девчонки постарше. Обязательно был в этой команде взрослый мужик. Он и был старшим пастухом и за все, перед «опчеством», отвечал он.

Утром, наскоро позавтракав пока ещё все спали, кроме мамы, закинув за плечо полевую кирзовую сумку с нехитрой снедью на обед, погнал нашу корову Малютку к месту сбора.

Собирались коровы на пустоши. Старший пастух был уже на месте, да и мы — подпаски тоже подтянулись. Кроме старшего пастуха была соседская девчонка, превращающаяся в девушку Тамара Букирева — старшеклассница, да соседский мальчишка Валентин Стальский и я. Бабы, сдав своих коров нам, спешно удалялись по домам кормить семью. Собрав всех коров, погнали их в долину речки Сорокумовка.

Стояло теплое лето 1962 г, и одеты мы с Валькой были по простецки — трусы да майка. Все лето мы проводили босоногими. Так продолжалось до середины августа, когда мы начинали носить какую-нибудь обувь, что бы наши заскорузлые ноги приобрели цивилизованный вид к началу школьной поры.

Пасти коров решили на пустующем косогоре левого берега незабвенной речки нашего детства. Там были заросшие котлованы, когда то давно существовавшего, кирпичного заводика. А рядом шло строительство транзитного узла связи. Деловито шныряли грузовики с грунтом, медленно ползали скреперы, вынимая кубометры земли и отвозя их в отвалы, автокраны разгружали кирпич, привозимый грузовиками с ближних и дальних заводов. Строил этот объект военно-строительный отряд.

Коровы наши мирно щипали траву. А некоторые стремились выйти на клеверное поле местного совхоза. Вот тут нужен был глаз да глаз. Если какой либо корове удавалось наестся вдоволь клевера, да потом напиться воды — тогда возникала большая проблема. В коровьем желудке возникало много газов. И корова становилась пузатой как бочонок. Тогда нужно было её бегом гонять долго и нудно, пока все газы не выйдут из неё. Вместе с газами вылетал и химус (непереваренная пища). Корова приобретала неопрятный вид, и вечером хозяева высказывали свое недовольствие пастухам. Если пастухи этого не замечали, то корова-кормилица могла и отдать концы. На такой крайний случай у поселкового ветеринара Николая Казанцева был особый инструмент — троакар. Этим инструментом он пробивал шкуру и рубец коровий и газы с шумом выходили наружу. Вот так и спасали коров. Но, это были крайние и очень редкие случаи.

Там на краю поля бдила за коровами наша девушка. В силу возраста она свысока наблюдали за нами, и в контакты вступать не спешила. Мы, малолетки, считали её старухой, и в силу своей половой недоразвитости вниманием своим её не одаривали.

Так мы и дожили до обеда. Коровы наши, наевшись травы, улеглись и старательно пережевывали свои жвачки. Мы, с Валентином, быстро умяли свои немудреные тормозки и лежа наблюдали за работой строителей. Наш наблюдательный пункт располагался рядом с дорогой, по которой пустые грузовики мчались за новой порцией груза.

Тут остановился грузовик. Это был новый ЗиЛок - самосвал с трапецидальным кузовом, который мог разгружаться на три стороны. Шофер, вылез из машины, деловито обошел её, попинав поочередно все колеса, кроме запасного и рулевого, увидел нас. «Пацаны, сказал он, хотите прокатиться?». Прокатиться на военной машине была мечта каждого мальчишки нашего поселка. Мы ему показали взглядом на наше стадо. «Так ведь обратно скоро привезу» - заверил он нас. Мы и согласились, и, помахав руками нашему старшему забрались в кабину ЗиЛа. Это была МАШИНА. Мы, конечно, иногда достаивались радости прокатиться на «полуторке», ЗиС-5, Газ-51 с фанерной кабиной.

Но это же был новенький ЗиЛ с большой металлической кабиной. Мы, гордым видом восседали в этом самосвале. «Съездим в парк и вернемся» - заверил нас военный водитель из стройбата. И вот, отмахав по грунтовой дороге 8 км мы подъехали к КПП военного городка «Бершетский военный лагерь». Не сговариваясь мы сползли на пол. Контролер открыл шлагбаум и машина не спеша покатила в городок. В то время здесь строили одну из опор ракетно-ядерного щита и городок был напичкан военными строителями. Кругом кипела работа. Заехали на территорию автобазы, водитель сходил в диспетчерскую и вернувшись заявил, что машина никуда не поедет и велел нам уматывать домой.

П-Р-И-Е-Х-А-Л-И!!! От КПП до дома было 8 км, да до КПП ещё один километр. Чертыхнувшись, пошли к КПП. Дорога была грунтовая, обильно посыпанная шлаком с Юговских казенных медеплавильных заводов. Шлак этот был пористый, очень твердый и с острыми гранями. Немало колес было изодранно в клочья на этом шлаке. Плюсом было то, что он был пористый, и вода через него уходила в нижние слои дороги. Поэтому на дороге не было луж. Мы были босиком и продвигались по обочине, обходя злейшего врага босых ног – кусты крапивы, обильно растущей вдоль дороги.

Кое как добрались до КПП с надеждой поймать попутную машину. Но, все машины через КПП ехали со стороны нашего родного пос. Юг.

Контролер КПП, увидев нас, сказал: «Парни, я вас посажу на попутку, если принесете мне чайник водички. Мы с радостью согласились и схватив чайник ринулись к ближайшей водопроводной трубе. До трубы было метров 400. «Так

не пойдет — заорал он нам — вот ты, показав на меня — останься здесь». Послушно я поплелся к КПП. Вот так я впервые примерил на себе роль заложника. Вскоре Валентин принес чайник с водой и мы стали ждать попутку. Идти пешком босиком было безумием, ибо там была дорога со шлаком и болото слева, а справа угоры поросшие лесом, где даже тропы не было. Дело клонилось к вечеру, а машин все не было. Уже и из Юга не стало. И тут, на наше счастье подкатил козлик — ГАЗ-69 в грузовом исполнении. На переднем сиденье находился наш сосед по улице. Это был офицер-автомобилист (в эмблемах мы уже неплохо разбирались к тому времени). Звали мы его дядя Толя. Он вышел из машины и жестом пригласил на посадку в собачник. Там были две бортовые лавки, на одной из них восседала его жена тетя Зоя. Мы шмыгнули в машину и через 20 минут трясучей еды были уже на своей родной улице, носившей гордое имя — Свободная.

Теперь оставалась самая трудная задача — прибытие домой!

Тихо зашел в ограду (крытый двор) и первым делом глянул в конюшню. Там мирно стояла наша кормилица Малютка, старательно пережевывая то, что нащипала днем. Этот вид меня порадовал, и я поплелся в дом с виноватым видом, надеясь тайно, что повинную голову меч не сечет. Мама радостно улыбнулась мне, и, посадив за стол, накормила ужином.

Отец ругаться не стал, а спокойно сказал, что завтра мне будет штрафное дежурство.

На завтра я был более благоразумным и свою вахту отнес добросовестно.

Рога

Полк, в котором я служил, располагался в глухой лесистой местности недалеко от

п. Юго-камск. Заблудиться в тех лесах было проще простого.

Однажды потерялись два солдата рядовые Ли и Борисов. Были организованы широкомасштабные поиски. Личный состав прочесывал самые труднодоступные места.

Вот и в этот день 25 апреля 1975 года наше подразделение прочесывало полосу леса от

д. Ольховка в сторону жилого городка 22 БСП*.

Снег уже сошел, в лесу было сухо.

Растянувшись в цепь, мы продвигались по лесу. Один из солдат нашел лосинные рога.

Они были ветвистые и тяжелые. Вытащив их на полянку, солдат позвал офицеров подразделения и показал им свою находку.

Вдруг с возгласом: «Это мои рога, это я потерял!» из кустов выбрался командир подразделения майор Хлыненко В.Н.

«Ну, раз они Ваши, то носите на здоровье» сказал боец и вручил рога своему командиру.

Хохотали все.

.... А потерявшихся солдат нашли в 20 км. от части рядом с селом Рождественское. Больше они от бетонки** не отходили. До самого дембеля***.

* БСП – боевая стартовая позиция ракет;

** бетонка – бетонная автомобильная дорога, либо пешеходная дорожка;

*** «дембель» – солдатское понятие – увольнение в запас, конец срочной службе.

Алексей Тверитинов

Об отце

Трудно избежать субъективной оценки человека, который приходился тебе отцом. Но, чем дольше живу и чем лучше познаю жизнь, тем большее восхищение в моей памяти вызывает его образ.

Мой отец Дмитрий Михайлович Тверитинов (1913 – 1993) прожил нелегкую, но достойную жизнь. Начну с того, что хотя и существует мнение о принципиальной невозможности аристократизма в нашей стране в силу сложившегося социального строя, отец, чувствуя себя, как он говорил, «внутренним эмигрантом», все же был самым настоящим аристократом до мозга костей. Я это осознал далеко не сразу, а лишь спустя долгие годы, после того как отца не стало. Да и сам отец никогда и не подозревал в себе никакого аристократизма. Он просто им был по своей естественной сути. Лишь теперь я понял, что имел дело с настоящим живым реликтовым аристократом. В чем же суть этого свойства?..

У автора настоящего повествования есть свое мнение по поводу аристократизма, который часто ошибочно отождествляется с интеллигентностью. При, казалось бы, внешнем сходстве этих качеств, между ними существует огромная разница, вплоть до противоположности. Аристократ – человек, уважающий себя, а значит – и свой род, и свою страну, и свой народ, свою историю, корни, традиции. Он свято чтит религиозные ценности. Отсюда произрастают патриотизм и любовь к Родине, жажда ощущать её величие и славу.

Интеллигент же, как и подобает человеку умственного труда, наоборот, зачастую имеет критическое отношение ко всему вообще и, как думающий человек, сомневается абсолютно во всем. Еще совсем недавно в историческом девизе «За Веру, Царя и Отечество», он видел: в вере – архаический предрассудок и мракобесие, в монархии – тиранию и самодурство, в Отечестве – национализм. Иногда критическое мышление приводило его в непримиримую оппозицию по отношению к государству, доходящую вплоть до конфронтации к различным проявлениям общественной и политической жизни страны. Так, интеллигент, порою невольно, а иной раз и сознательно своими благими намерениями стимулировал разрушение государственности, подталкивая страну в адскую пропасть. Подобное мировоззрение с патриотизмом и

аристократизмом не может иметь ничего общего и содержит в себе немало далеких от симпатии веских оснований.

Не берусь судить – что во всем этом хорошо, а что плохо. Но эти личные выводы сделаны мной на основании исторических наблюдений, прослеженных вплоть до современных веяний.

Не перечисляя других, присущих аристократизму признаков, скажу только, что это качество отца проявлялось во всех сферах его жизни – от главного до мелочей: писал ли он научные статьи, пилил или колол дрова, философствовал ли, доказывая существование Бога, работал ли в саду и огороде, исполнял ли старинные романсы, аккомпанируя себе на гитаре и т. п. Кстати вспомнить, что именно необычайной музыкальностью отец и покорила мою мать – профессионального музыканта Лидию Васильевну, урожденную Надеждину, которая относилась к исполнению музыкальных произведений с повышенной требовательностью.

Живя в семье преподавателей, Дмитрий и сам был прекрасно образован. К примеру, в школу он пошел учиться сразу в 3-й класс, – так хорошо был подготовлен дома. Трудовую деятельность он начал с 17 лет учителем сельских школ после окончания Раненбургского ¹ педагогического техникума. Лишившись вскоре отца (1931г.), он стал основным материальным помощником своей матери, преподавая весь спектр школьных дисциплин средней школы, за исключением разве что физкультуры. Заочно Дмитрий окончил Тамбовский пединститут. Был учителем и завучем Кривополянской ² средней школы, затем инспектором Раненбургского РОНО.

---

¹ г. Раненбург Рязанской области, в настоящее время – г. Чаплыгин Липецкой области.

² с. Кривополянье Раненбургского р-на Рязанской области, с 1954 г. – Чаплыгинского района Липецкой области

*Дмитрий Михайлович Тверитинов.
1938 год.*

Добросовестный работник Ранenburgского РОНО был замечен и переведен в 1950-м году в Рязанский ОблОНО на должность инспектора школ рабочей и сельской молодежи. В 1953 году за успехи на этом поприще Дмитрий Михайлович был награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения» и орденом «Знак Почета». В 1956 году отец был переведен в Рязанский Институт Усовершенствования Учителей (ИУУ) на должность методиста по химии, а затем заведующим кабинетом педагогики. Директора подшефных Дмитрию Михайловичу школ с большим огорчением приняли его уход, считая его лучшим из инспекторов.

— Ведь он никогда не повышает на нас голос, а скажет хотя и тихо, но так веско и значительно, что нам становится стыдно.

Действительно, так и было — никто и никогда, ни при каких обстоятельствах не слышал от него ни одного грубого и, тем более, бранного слова. Трудно представить, чтобы отец на что-нибудь пожаловался, посоветовал или грубо выразил неудовольствие. Обычно в соответствующих случаях от него следовала тягучая сакраментальная фраза: «Ну, ничего».

Творческое отношение к инспекторской работе позволило отцу попутно собрать исходный диссертационный материал. Работая затем в ИУУ, он заочно

окончил аспирантуру и в 1963 году защитил кандидатскую диссертацию. В том же году мы переехали в Ульяновск, – отец был принят в пединститут на должность доцента кафедры химии, как прошедший по конкурсу.

В Ульяновске отец продолжил свои научно-педагогические опыты, организовав для этой цели в ряде школ специальные «экспериментальные» и «контрольные» классы. Он разработал и применил новую систему обучения химии, принципиально отличавшуюся от существовавшей, и доказал ее исключительную эффективность. Я сам был участником экспериментальных уроков по системе отца, которые у нас в 9-10 классах 33 школы проводила учительница химии Вера Ивановна Иванова, на себе ощутил мощное влияние этого нового направления в обучении. Его программа предусматривала развитие интереса у учащихся к предмету химии, самостоятельного и вдумчивого поиска подтверждений знаний на практике химических экспериментов (опытов). У меня даже вдруг на какое-то время проснулся интерес к химии, который я так тщетно пытался найти в себе раньше. И, как потом выяснилось, подобных случаев с учениками оказалось множество. Весь фокус этой методики заключался в соотношении категорий «знание» и «понимание». То есть цель ее состояла не столько в простом приобретении знаний, сколько в овладении глубоким пониманием предмета. Я даже как-то однажды принял участие в химической олимпиаде. Надо заметить, что и химические олимпиады, а также разнообразные химические кружки организовывались в Ульяновске под непосредственным руководством отца, за что он имел ряд благодарностей от администрации и признательность от общественных организаций.

Между тем, по результатам нового направления отцом была подготовлена докторская диссертация на тему: «Проблемы воспитания диалектического мышления в процессе обучения химии в общеобразовательной средней школе». Диссертация получила ряд положительных рецензий и отзывов. Однако до защиты дело не дошло. Возник ряд препон, исходящий от Академии педагогических наук. Видимо эта диссертация кому-то там сильно встала поперек дороги, что являлось обычной практикой того времени.

Дмитрий Михайлович занимался своим делом не ради какого-либо признания, а ради самого научного увлечения. И даже после того, как Академию педагогических наук ликвидировали, он не стал возвращаться к защите. Все свои идеи он, так или иначе, изложил в своих научных публикациях – книгах, брошюрах и статьях. Их больше шестидесяти. Но все они лишь грань, очерченная рамками его специальности. В целом же спектр энциклопедических знаний и начитанность отца были столь широки и глубоки, что я всегда мог получить от него исчерпывающий ответ на любой вопрос.

Но, к сожалению, в то время меня все же больше увлекали спортивные занятия, которые приходилось совмещать еще и с учебой в художественной

школе. Всё это не оставляло мне времени проникнуться деятельностью отца, чтобы пойти потом по его стопам. Зато отцу удалось привить интерес к химии моему племяннику Кириллу Дмитриевичу Надеждину. В результате Кирилл в 1994 году окончил химфак МГУ с красным дипломом. (Ему тогда был всего 21 год).

У всех членов нашей семьи отец всегда вызывал неизменное восхищение своим отношением к неожиданным поворотам судьбы и проявлениям жизни. Он мужественно и сдержанно переносил любые невзгоды, источая искреннюю доброжелательность ко всему миру и людям, находясь как бы над реальностью, над земными проблемами и над всякой излишней эмоциональностью. Я с детства чувствовал исходящие от него спокойное бесстрашие и твердую мужественность. О его легендарной невозмутимости в нашей семье сохранилось немало легенд.

Отец был полностью поглощен своей работой и, несмотря на состояние здоровья, никогда не брал больничного и ни разу никуда не опоздал. Причем он никогда и не спешил. Но почему-то всегда и во всем непостижимым образом оказывался первым. Все движения отца отличались природной неторопливостью. Сам он отшучивался на вопросы по этому поводу, ссылаясь на демонстрацию им химических опытов студентам, что как бы автоматически вырабатывает плавность и аккуратность движений. Речь отца так же отличалась сдержанностью и неторопливостью. Как-то его спросили:

– А почему Вы так медленно говорите?

– Видите ли, я работаю лектором, и мне платят не за количество произнесенных слов, а за часы, – отшутился он.

Мучаясь перед смертью, отец не только не высказал ни слова жалобы на свое здоровье, но и категорически отметал любые вопросы о самочувствии. Вместо всего этого он тихонько пел... Когда однажды пришедшая врач спросила его, как он себя чувствует, отец произнес:

– Хорошо. А как Вы себя чувствуете? – И, то ли, находясь в полузабытьи, то ли в шутку, добавил:

– Простите... Я без галстука...

Отец вышел на пенсию в 1986 году. А в 1987 году мои родители переехали в г. Троицк, Московской области.

Всего отец проработал на ниве просвещения 55 лет. В семейном архиве кроме написанных им книг остались три портфеля с грамотами и правительственными наградами, среди которых, кроме указанного выше ордена есть медали: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие» и многие другие. В 1983 году в связи с семидесятилетним юбилеем и более полувековым стажем работы Министерство просвещения СССР наградило отца нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР».

В 1993 году отец ушел из жизни, а вместе с ним безвозвратно ушел и неповторимый уникальный колорит его незаурядной и талантливой натуры.

*Дмитрий Михайлович Тверитинов с сыном Алексеем –
автором очерка. 1960-е годы.*

Анна Логинова Трушкова

Гадание

У моей мамы была приятельница, Галина Николаевна, очень веселая, неунывающая женщина. У нее было двое детей – Леночка и Андрюша, такие же подвижные и озорные. Сама она – врач - окулист, а ее муж – хирург. Они только что переехали в новую квартиру дома напротив, и потому занавесок на окнах еще не было. Дом располагался так близко, что из окна нашей кухни была видна большая комната их квартиры, где стоял рояль и играли дети. Девочка была одета в красный комбинезон, а мальчик – в синий. Мы еще не были знакомы, поэтому называли детей: «красненький» и «синенький». Позднее, когда дети выросли, они так же, как и их родители, стали врачами.

Галина Николаевна великолепно играла на рояле, а мой брат – виртуозно на баяне. Каждый вечер, сидя на балконе, он увлеченно играл любимые музыкальные произведения. Вальсы и популярные песни тех лет далеко разносились по всей округе, вселяя приподнятое настроение в жителей нашего двора. Именно любовь к музыке и сблизила наши семьи. В то время, когда мы познакомились и стали общаться, моей маме было 46 лет, а Галине Николаевне – не более 30. Но несмотря на разницу в возрасте, им было, о чем поговорить. Конечно, в основном разговоры были о детях. Когда она входила в наш дом, все вокруг будто озарялось ярким светом. Становилось радостно и весело. Помню, как нам привезли из Германии фортепьяно. Галина Николаевна легко забралась в открытый кузов машины, где стоял инструмент, и начала играть вальс из спектакля «Маскарад», а затем старинный русский марш «Тоска по Родине». Вокруг собралась толпа соседей, а она играла-играла. Музыка звучала то тихо, то громко, распространяясь по всему двору. Люди выглядывали из окон, с любопытством и восторгом слушая необыкновенный концерт.

Как-то раз Галина Николаевна приехала к нам на дачу со своей мамой, пожилой, интеллигентной женщиной. Предками ее были поляки. А главное, она обладала даром предвидения, поразительно угадывая судьбу по руке. Был воскресный день. Все вместе замечательно провели время на берегу Волги, среди цветущих деревьев сада. К вечеру, перед тем, как нам возвращаться домой, она предложила моей маме погадать. Та, не задумываясь, подала сначала левую руку, а затем правую.

Можно по-разному относиться к гаданиям – верить или не верить в предсказание – удивиться, если все, что сказано, сбудется, или решить, что все это выдумки, сказка. Так и было в тот раз. Она рассказала всю мамину жизнь, ее детство и юность. Мама кивала головой в знак согласия. Все, что было сказано, совпадало с событиями прожитых лет!

– А что будет дальше? – спросила мама, – можешь сказать?

– Будет удар, сильный, – сказала та. – От него ты оправишься. Потом через некоторое время (не могу сказать, сколько времени пройдет) будет второй сильный удар, который ты уже не переживешь.

Трудно было согласиться с такими словами, когда в жизни все хорошо устроено – спокойная семейная жизнь, любящий муж, послушные, здоровые дети, и сама еще полна сил.

В тот день она гадала всем. Мельком взглянула на руку старшему брату Юре, говорила, какой он умелый в делах, как уважают и любят его на работе (Юра в то время работал на УЗТС по комсомольской путевке, выданной районным комитетом ВЛКСМ сразу после окончания средней школы). «Все у него хорошо складывается в жизни, он – душа коллектива». Остановилась, задумалась и вдруг коротко, с трудом проговорила:

- У него будет короткая жизнь, – сказала старушка.
- Что значит, короткая? – испуганно воскликнула мама.
- Я говорю, что вижу... – еще тише повторила она.

Кому захочется поверить в такие слова? Мама не могла успокоиться, а Юра не придал им никакого значения. Да и что значат они в тот момент, когда ты юн и стоишь на пороге взрослой жизни, когда все впереди и нет никаких преград?!

Подошел Слава, мой второй брат. О чем она говорила ему, глядя в ладонь – не помню. Скорее всего, я просто не запомнила все, о чем она говорила – мне было тогда 8 лет. Но, что особенно врезалось в память и запомнилось, так это: «Он поздно женится, с женой проживет недолго и разведется. Потом женится второй раз и будет жить счастливо, но через некоторое время снова вернется к первой жене». Последняя фраза особенно поразила своей нелогичностью. Зачем, живя счастливо, вновь возвращаться? После таких слов гадание показалось неправдоподобным. Все отвлеклись от грустных мыслей и успокоились – ведь это всего лишь гадание, все будет хорошо, как обычно.

Но вот подошла сестра и протянула свою руку. Ей не хотели гадать, говорили, что рано еще. Моя сестра старше меня на 5 лет, значит в тот момент ей было всего лишь 13 лет. После непродолжительных уговоров старушка согласилась и, посмотрев на ладонь, сказала: «Ты удачно выйдешь замуж, с мужем будет общий интерес, все вокруг будут завидовать вам. Ты будешь окружена детьми. Но в 42 года овдовеешь».

И опять странное чувство волнения и беспокойства возникло у тех, кто был рядом. Как воспринять такие слова, когда тебе всего 13 лет? В этом возрасте все верят в счастливую жизнь. И, что бы ни говорили взрослые, буквально все подростки одержимы безоблачным будущим. И потому молодежь не придала большого значения ни этому гаданию, ни предсказанию судьбы. Одна мама с тревогой думала обо всем сказанном.

Мама вспоминала, что и я свою ручку тянула, чтобы погадали. Но мне сказали, что мала очень, и не стали гадать.

Прошло более 20 лет. Старшие братья женились и жили самостоятельно, сестра вышла замуж за своего однокурсника, оба педагоги. Вокруг них действительно много детей. У всех жизнь замечательно устроилась, и никто не вспоминал об этом гадании. То, что брат мой развелся с женой, стало неожиданным для нашей семьи. Ведь перед нами был пример родителей – жить дружно в согласии всю жизнь. И все же к этому факту отнеслись как к естественному ходу событий – все бывает в жизни. Слава женился второй раз, счастливо живет со своей женой, и не думает возвращаться к первой. Но вот случилась внезапная смертельная беда с Юрой. Он задохнулся при очередном испытании своего изобретения по очистке автомобильного угарного газа – был слишком уверен в его надежности. Эта трагедия больно ударила по всем близким.

В этот момент мы резко вспомнили то гадание и заговорили о нем, как о свершившемся пророчестве. Вот она – судьба! Неужели все ее слова станут реальностью? Стало тревожно. В семье наступило тяжелейшее время. Ушел всеми любимый, родной человек, мой старший брат, мамин первенец! А с ним ушло веселье, песни, музыка, что наполняло наш дом. Все как будто оцепенели. Переживания о случившемся долго не угасали. Сердце мамы не выдержало и через год случился первый удар – обширный инфаркт. Вслед за этим стали реальными и другие предсказания. Вскоре скорпостижно умер муж сестры, также неожиданно для всех. Во время службы в Челябинске он попал в зону отчуждения и схватил дозу радиации. Прошло 15 лет с того момента. Прошлого дало о себе знать. Сестра, уливаясь слезами, говорила: «Мне ведь только 40, а она сказала, что в 42 года я овдовею!» Предсказание оказалось с ошибкой всего в два года! Как тут не поверить в судьбу и вещие слова?!

Между тем жизнь потихоньку продолжалась. Мама оправилась от этого удара, но здоровье уже было подорвано. Она еле-еле возвращалась к нормальной жизни, начала потихоньку, выходить в скверик у дома на прогулку. В ней была поразительная жизненная сила.

– Не хочется умирать, – говорила она. – Хочется посмотреть на вас, какими вы станете через много лет. Вот бы одним глазком посмотреть, как сложится ваша жизнь...

Мама всегда с интересом общалась с нами, не надоедая при этом своими наставлениями. Ей присуще было настоящее материнское чувство заботы о своих детях. С ней было всегда легко.

Прошло почти 10 лет с момента трагедии. Мысли о потере сына, о его судьбе не оставляли ее ни на минуту. Приближался день рождения Юры, это видимо усилило ее воспоминания о том, как поздравляли и отмечали в семье дни рождения каждого. В этот день она почувствовала себя плохо, у нее случился инсульт. Это и был второй удар, который она не смогла пережить.

Никто из нас не обратил внимание на признаки тревожных событий в своей жизни. Ведь они были! Может быть, это гадание помогло бы часть печальных событий избежать, если относиться к жизненным ситуациям внимательнее. Говорят, от судьбы не уйдешь. И все же. Гадание стало своего рода предупреждением, – что может произойти и чего надо опасаться. В то время, когда в нашей жизни все было прекрасно, никто в семье даже не вспоминал о нем, и не отнесся к нему серьезно.

...Были и другие моменты, которые не улучшали настроение в семье. Но главной потерей в жизни, которую невозможно исправить и чрезвычайно трудно пережить, оказалась потеря самых любимых, близких людей.

Борис Бычков

Два друга

В одной деревеньке с детства крепко дружили два паренька. Вместе и играли, и на пруд рыбачить ходили, и на одной парте в школе сидели, и родителям в обеих семьях вместе на огороде и в саду помогали. Словом, как братья.

Когда же черная беда налетела, вместе родную землю от врагов обороняли и победили – ни одна сабля чужая, ни одна пуля их не достала – так они друг друга прикрывали.

Влюбились тоже в одну и ту же красавицу. Но женился на ней, конечно, только один. Всё – дружбе конец?

Дальше слушайте.

Работали оба много – от зари до зари – а всё бедными были. У того, который женился все родные давно к Богу отошли, но зато год за годом детишки рождались – кормить семью бооольшую приходилось – в четырнадцать ртов. А тот, что одинок был – родителей содержал (мать, отца, двух дедов и двух бабушек дряхлых). Вот так и жили.

Но как-то год неурожайный выдался. По всей деревне по два мешка зерна на двор пришлось. Поздним вечером сел один из друзей на крылечко и задумался: «Как же друг до весны протянет? Моим-то детям и чужие люди не откажут – кусок хлеба в протянутую руку в случае чего дадут, а ему каково со стариками? У них и сил по миру идти нет. Отнесу я ему , пожалуй, один мешок». Решил и ночью понес. А утром глянул – в сарае снова два мешка! Что за чудо? И так из ночи в ночь.

Второй друг у себя в избе сидя, тоже задумался: «Как проживет до весны многодетный? Моим родителям я сам последние крохи отдам и в наймах еще заработаю. Как-нибудь протянем. А у него малые, как птенцы прожорливые – только рты раскрывают – кормить надо. Отнесу-ка я ему один мешок». А утром глянул – мешков снова два

Так и носили они по ночам мешки и удивлялись, что их меньше не становится. Но однажды, когда ни луны, ни звезд не было, шли они навстречу друг другу, сгибаясь под тяжестью мешков, только под ноги глядя, да и столкнулись лбами. От удара крепкого на лбах по «шишке» выскочило и дух перешибло.

Утром, при солнышке, очнулись, глянули, а они под дубом тысячелетним лежат и рядом – мешки с зерном. Поняли, что это они, заботясь, друг другу зерно носили. Обнялись, помолились вместе. Один просил Господа, чтобы безбрачный друг пережил лихой год и ,как можно дольше своих родителей поддерживал; чтобы ему тоже семейное счастье скорее улыбнулось.

А второй благодарил Бога за то, что у него такой товарищ преданный; чтобы детки его выросли на отца во всем похожими; он же сам клялся до конца дней помогать другу.

Надо сказать, что дуб тысячелетний – заветным деревом был. Его сам Всевышний вместе с архангелами посадил и наказал обо всем, что в округе происходит ему сообщать.

Где это было? Уж и не помню. То ли под Тулой или Орлом, а может возле Архангельска, Пскова, Новгорода или Твери; возле Омска, Красноярска, Новосибирска, Хабаровска или в самом центре под Москвой. Тем и крепка земля наша русская – множеством таких деревенек, молитвенным словом, обращенным к Господу; заветными деревьями – яблоньками раскидистыми, тысячелетними дубами, белоствольными березками, вековыми соснами и елями, цепляющими облака. Даже если нет поблизости храма златокупольного, но вокруг русские сады или леса – они ,как антенны связывают окружающий мир с царством господним.

Крепка Русь мужиками верными, добрыми , надежными , неброскими , скромными. Крепка взаимной помощью и поддержкой.

Ну и кто нас одолеет, когда такие друзья есть?

Влюбленный забор

Он с самого начала сроднился с корнями тех деревьев, кустарников, цветов, что когда-то были на месте коттеджного поселка. Их, которые выращивались здесь десятками лет, лихо и безжалостно вырубili, выкорчевали, выкопали, чтобы быстрее застроить землю огромными кирпичными и унылыми, серыми бетонными коробками и подороже продать. Все виллы были обнесены высоченными оградами.

Только на окраине, где в небольших домиках проживала прислуга, ещё оставались скромные штaketники или горбыли ограждений. Одним из них был и забор. Какой-то мальчишка нарисовал на нем забавную рожицу: два круглых глаза, нос «картошкой» и большой растянутый в улыбке рот. Уличный рисовальщик обладал твердой рукой и неуёмным темпераментом, способным разнести по камешку крепостную стену; растопить арктические льды или , как в нашем случае, пройти рисунком сквозь древесные волокна и выйти с другой стороны такой же озорной физиономией.

Надо сказать, что наш герой оказался необыкновенно влюбчивым. Возможно, к этому располагали и улицы, сохранившие с прежних времен весьма романтические названия: Акациевая, Сиреневая, улица Роз, аллея Первых Поцелуев, Георгиновый перекресток, короткий тупик Дачный роман, который на краю поселка упирался в просеку, густо заросшую кустами дикой смородины; хороша была просто Цветочная на пересечении с Родниковой. Забор с удовольствием разглядывал каждую представительницу прекрасного

пола, что время от времени появлялись на участке, ставя им свои оценки., а второй половиной, обращенной на улицу, он не пропускал ни единой из них своим пристальным вниманием.

Стоило только на травянистой дорожке появиться стройной, гибкой девичьей фигурке с хорошеньким личиком и его глаза от мгновенного восхищения становились ещё больше, губы посылали сотню воздушных поцелуев, а под ноги очередной красоти с него летели бутоны или распустившиеся цветы.

Блондинок он, как правило, одаривал пионами или ветками душистого жасмина, волооким брюнеткам посылал приветы коричневыми тюльпанами, роскошными темными мальвами или загадочными черными орхидеями.

Так продолжалось до тех пор, пока его хозяин (он работал неподалеку – в местной автомастерской) привел молодую жену. Она была так хороша, что забор влюбился в неё, как говорится « с первого взгляда».

У неё было нежное имя – Евгения – Женечка, Евгеша, Жека. Ясное , чистое сопрано её даже соловьев приводило в смущение и они лишь робко сопровождали её пению и только иногда - ранним утром - могли радостно поприветствовать заливыстыми трелями. Прелестные пухлые ручки Женечки вечно находили занятия и легко справлялись с любой работой.

Прошло несколько месяцев и забор заметил, что тень грусти всё чаще омрачает её прекрасное лицо, словно скопированное с полотен мастеров итальянского Ренессанса, а из агатовых глаз тогда выкатывается не одна хрустальная слезинка. Первое, что пришло в его голову, была тревожная мысль – уж не заболела ли Евгеша? Но разгадка была куда более простой и до неприличия неприятной. Он всё чаще становился немым свидетелем грубых сцен, которые закатывал хозяин- Женечке. Дело в том, что Рома оказался невероятно глупым и необузданным ревнивцем. Для очередного потока брани особенного и повода-то не требовалось. Достаточно было просто восхищенного взгляда, улыбки встречного возле колодца или радостного щебетания всего летающего певческого населения сада и Рома приходил в негодование и делал Евгеше выговор, что все восхищаются и любят только её, а он на «шестнадцатом месте». И вообще – пора бы ей прекратить обращать на себя внимание – всё же она замужняя женщина и должна быть очень строгой к окружающим и особенно малознакомым, а не одаривать людей улыбками налево и направо. Причем, произносил Роман эти нравоучительные тирады со злобными интонациями и какими-то саркастическими ухмылками. А однажды, войдя, что называется «в раж» и вовсе заявил - если она не перестанет быть в хорошем настроении, распевать свои глупые веселые песенки и будет принимать хотя бы один цветок в дар от неведомых ему поклонников, он прогонит её. Всё происходило потому, что Рома никак не мог добиться чего-либо заметного в жизни, был попросту слаб духом и нищ душой. Вот и

завидовал всем, а заодно и подозревал всех в дурных поступках, не делая исключения даже для светлой и легкой Женечки.

Вскоре он стал приходить домой «навеселе» – такое часто бывает с неудачниками. Евгеша терпела и переживала – именно тогда появилась и первая слеза в её глазах, а в смоляных волосах блеснула первая седина. Молча страдал и наш герой – только страдал от негодования – как может этот самовлюбленный бездарный пьяница-хозяин так мучить преданную ему прекрасную женщину, берегиню дома?

Последней каплей гнева нашего героя стало очередное появление Ромы, дышащего винными парами. И когда хозяин заметил на крыльце огромный букет бордовых гладиолусов (всего-то пару минут назад подброшенных заботливым проказливым весельчаком для поднятия настроения хозяйки) – глаза его налились злобной мутью и – о Боже! – он замахнулся на Жеку. Такого не могло стерпеть даже деревянное сердце.

«Надо тебя проучить!», – мелькнула безрассудная мысль и двумя штакетинами он крепко огрел безмозглого ревнивца, отчего привел Рому в настоящую ярость. Хозяин выхватил спички, чиркнул и поднес загоревшуюся к старому, высохшему забору, который запылал сразу- лето выдалось жаркое и сухое.

Может быть Роману показалось, что из шипящих, танцующих языков высокого пламени знакомая озорная рожица уже превращаясь в головешки и пепел прошептала:

«Не обижай Женечку, береги, она же любит тебя - выдающегося дурака-ревнивца! И кто теперь будет защищать её и радовать цветами?»

Верно люди говорят, что иногда необходимо ударом «поставить мозги на место», но с того момента Рому словно подменили

Недолго пришлось ему просить прощения – золотое сердце певуны Евгешы было на редкость отходчивым. И вскоре они вдвоем стали часто проводить время в любимом саду, за которым Рома стал ухаживать с невероятным рвением, на диво и зависть соседям и владельцев коттеджей, выращивая потрясающей красоты цветы, первые бутоны которых он дарил своей ненаглядной.

Он оставил работу в автосервисе, зато во славу Женечки через несколько лет стал выдающимся селекционером и флористом. Но никто, даже из близкого круга не догадывался, почему он вдруг восстановил старый заборный штакетник и разрисовал его забавными, вечно ухмыляющимися рожицами- все думали какая-то странная блажь пришла на ум знаменитому садовнику. И хотя все они были абсолютно разными и ничуть не походили на первую, та, ради которой Рома старался - всё оценила, поняла и была очень довольна.

Всё решила ...голова (эпизод 1918 года)

Он не единожды пытался разговорить отца на тему, как тот пришёл в Красную армию? Фамильные корни - по отцовской линии - из священнослужителей, дворян; знание двух иностранных (французский, немецкий); найденные в малоприметном боковом ящичке бюро бумаги, свидетельствовавшие об успехах при выпуске из Московского кадетского корпуса; Михайловского училища и ...суконная «будёновка», да звание комэска. Явная нестыковка.

- Только не стоит приукрашивать,- не выдержал как-то очередной серии вопросов Фёдор Иванович. - Был достаточно молод, идеологически неопределён; «шатался» так сказать. В сентябре 17-го пришёл в краткий отпуск из-за контузии, задержался в Москве, а тут революционная буря подхватила. Знающего народу у большевиков не хватало, случайно попал в Красную гвардию. Затем западный фронт - бои против немцев и Юденича. Через несколько месяцев перешёл к своим (в один из добровольческих белых полков): надоело смотреть и слушать о расстрелах многих знакомцев. Недоверие к «золотопогонникам» довлело часто над разумом.

С весны 1918 года был на юге - сначала в районе Царицына, чуть позже на Дону. Ни душа, ни сердце успокоения найти не могли. Кровь и жестокость присутствовали в полной мере с обеих сторон. Гражданская война тем и выворачивала «наизнанку», что брат на брата; сын на отца ,часто не задумываясь замахивался, только потому что изначально по разные стороны были.

Хочу заметить, что «красные», в основном, только к стенке ставили, а вот наши, «белые» всё больше вешали - подчас могли так все фонари на целой улице украсить. И особой, какой-то садистской жестокостью отличались женщины с нашей стороны . Вот один из примеров - походная жена штабс - капитана Черемисина. Любила, стерва, пленному иной раз по глазам нагайкой «с шайбой» хлестнуть или кавалерийской пикой раненого добить, долго смотря, как из пронзённого тела кровь хлещет.

Надоело всё «до чертей». И отсутствие порядочного мыла, и вшивость (как во фронтовом окопе) и частые вспышки холеры, тифа; и бесконечные подозрения с обеих сторон, и доноительство, и мародёрство, и участвовавшие случаи выстрелов в спину.

Особенно возмущали ничем не оправданные проявления садистской жестокости и цинизма.

...Фёдор Иванович позволил рассёдланной Астре поваляться на траве, предварительно хорошенько протерев её соломой. Снял седло, сам стал рядом, готовый при первом выстреле вновь заседлать лошадь.

Фёдор Иванович стоял почти в центре группы из четырёх человек (сговаривались насчёт вечерней пульки), когда «краем уха» зацепил разговор,

рано начавшего сидеть, ротмистра Юдинкова с двумя молодыми кавалеристами. Один всё удивлялся, что не встречал на поле боя отрубленных голов.

- Неоднократно видел расколотые черепа, «разваленные» до седла тела, а валяющихся голов ни разу,- сетовал он.

- Всё потому, батенька,- назидательно произнёс Юдинков, - что мы рубим пехоту сверху, с силой. А здесь требуется удар «мягкий», скользящий. При случае, напомниме.

Взбивая пыль, на залитую солнцем площадь влетела пролётка. Кроме кучера, в ней сидело ещё трое : в центре , в изодранной гимнастёрке и с кровоподтёками на лице, высокий мужичёк; по бокам от него , с примкнутыми штыками на трёхлинейках двое наших солдат (явно конвой).

Почти сразу из большого каменного дома на крыльцо, торопясь и немного прихрамывая от недавнего ранения , но резво «выкатился» полковник Архаров.

- Это что такое?

- Да, вот – велено в штаб доставить, к Вам, ваше благородие!

- Комиссар?

- Так точно,- отозвался конвоир.

- Некогда. Мне пролётка нужна. Повесить,- буднично распорядился Архаров и плюхнулся на сиденье, скрипнувшее рессорами.

Архаров ткнул кучера в спину, Пролётка с места взяла скорость.

Комиссар стоял на солнцепёке с трясущимися руками. Один из конвойных отправился в штаб, видимо за верёвкой и мешком, чтобы выполнить приказ полковника. В это же время к «красному» подошёл Юдинков. Он не торопясь достал серебряный портсигар с монограммой, протянул комиссару.

- Угощайтесь и успокойтесь.

Пленный взял две папиросы: одну сунул за ухо, вторую быстро и жадно закурил.

Юдинков сделал три шага назад. Раскуривая, комиссар стоял к нему спиной, прикрываясь от лёгкого дуновения июльского ветерка. Ротмистр неожиданно для всех выхватил саблю и нанёс по шее пленного комиссара сухой скользящий горизонтальный удар. Голова упала и мягко откатилась в пыли. Фёдору Ивановичу и смотреть бы на голову продолжать, а он, словно замороженный, не мог оторвать взгляд от шеи, из которой через несколько мгновений вылезло горло, откуда стала хлестать чёрная кровь. Тело зашаталось и рухнуло оземь с глухим звуком.

- Вы его , как петуха непокорного,- заметил вскользь вольноопределяющийся Фроликов, у которого даже пропало желание продолжать обсуждение предстоящей баталии за карточным столом.

Ротмистр, без суеты подошёл к распластавшемуся комиссарскому телу и оттер , не успевшую «запечься» на клинке кровь, о его брюки.

Затем Юдинков торжествующе огляделся и сказал, обращаясь к молодёжи:

- Ну, видели , как надо рубить? С одного удара – чик – и вон она, голова. Пойди, скажи напарнику, что ничего более не требуется – ни верёвки, ни мешка,- сказал второму конвоиру.

- Милостивый государь, Вы поступили подло. Зачем же нужно было, словно надежду давать, угощать комиссара папиросой? – возмущённо вскинулся Фёдор Иванович.

- Не кипятитесь, как курсистка. Какой пример молодёжи? Сделал я всё верно: во- первых правильный удар показал, обучил. Во- вторых , комиссару мучиться в мешке да в петле не пришлось. А то, что закурить дал – это ему нервы успокоило. Может Вы меня ещё «к барьеру»? Извольте, готов.

- Полно, господа! Жизнь нынче – копейки не стоит и не такие фортели показывает,- примирительно произнёс артиллерийский капитан Солодков,- И, Фёдор Иванович, голубчик, не забывайте – завтра наступление. Не дай Бог! ежели за спиной кто- либо не из своих окажется. Доброхотов много развелось. Ещё и в контрразведку заявят. Мы- то Вас знаем, а там остолопов и «сადюг» хватает.

В тот вечер застрелился один из преферансистов – подпоручик Николаев. Выставил на всю компанию полдюжины «Смирновской» и два шутовских коньяка. В прощальной записке объяснил, что кругом слишком много грязи и подлости, «душно ему», ушёл к себе в комнату и застрелился.

Фёдор Иванович после похорон, трижды приставлял наган к виску, но на курок так и не нажал. Ему всё мерещились агатовые глаза Зиночки, которую он оставил в Екатеринодаре . Там теперь красные.

Через неделю стал помощником командира эскадрона 1-й Конной.

...Вечером чаёвничал на просторной веранде у старого знакомого ещё по Москве – инженера Розанова. Зинаида Гавриловна сидела напротив.

Розанов настойчиво добивался ответа на вопрос о том, как он всё же решил перейти. Фёдор Иванович порядочно устал от однообразия разговора и, подводя черту, весомо, ровно сказал:

- Видите ли , Россия – матушка всегда воюет. То со Степью, то с Западом, то с османами, а то и со всей Европой.

Столетиями дружина становым хребтом была, а затем мы - офицеры.

Но воевать и побеждать можно и орды, и европейские армии. Всё, батенька – извольте заметить - чужое. А как со своим народом сражаться?

Что получается? Пока мы одну офицерскую «железную» роту формируем, глядишь у «красных» два новых полка появилось...

Не хотят люди, чтобы мы , «белая кость» , опять во главе страны встали. Либералам и подавно ни на грош не верят. Особенно рабочие и крестьяне.

Интеллигенция в вечных метаниях, которые часто к откровенному предательству ведут. Большевики, оказалось, лучше всех знают, чем на свою сторону привлечь: землю пообещали. Долго, конечно, крестьянину ждать придётся. Могут и не дожидаться.

История рассудит...

Мне теперь обратной дороги нет. Присягу принял. Честью поклялся.

Последний удар «Яка»

Як довольно спокойное животное. Но если враги доведут его до гнева, он способен своей тушей весом в тонну один разметать двух-трех леопардов. Особенно, когда речь идет о защите его территории.

«Ты только останься в живых. Я всё завершу сам – мы же с тобой одно целое – ты сам так говорил десятки раз. Быстрее отодвинь колпак и наберись сил, чтобы вывалиться за борт. А уж последний удар «Як-3» – «Яков Иванович», как уважительно ты говорил мне нанесу сам.»

Николай из последних сил старался выбраться из кабины истребителя.» Бой всё-таки был удачным», - прикидывал он – и Мессер-109 подбил и один Фоке-вульф 190-й с 7 нарисованными крестами на фюзеляже (значит ас уверенно подумал Николай и оценивающе глянул вниз. После увиденного он и начал диалог со своим «Яковом Ивановичем»

«Смотри, - сказал он ему, - внизу узловая станция и как будто специально среди составов эшелон цистерн с горючим – жирная добыча! Но только у нас боезапас кончился. Может быть войдем в «пике» и тараном ударим по эшелонам? Нам, старина, всё равно погибать – подбиты. Так устроим фашистам фейерверк напоследок. Подороже свои жизни продадим.»

«У меня условие, - отозвался Яков Иванович, - выпрыгни, спасись. Ты же обещал Лёле своей живым остаться и ещё с ней детей нарожать. Так вот – выпрыгивай, спасай жизнь, и меня всегда помни. А я уж точно в цель пойду. Взрыв цистерн и уничтожение составов отвлекут фашистов и ты спасешься – только тяги и элероны крепчекрепи и направь так, чтобы я не зря старался.

Ещё хочу напомнить тебе, о том, кто нас в путь провожал, когда из заводского ангара меня выкатили. Помнишь того попа, у которого сын подо Ржевом погиб, а он сам в кузнечный цех пришел? Он каждый новый самолет кропил и освящал, а пилотов особой молитвой благословлял - наверно, поэтому наши и гибли меньше. Поклянись, что живым будешь – к Господу придешь и детей приведешь.»

«Яков Иванович, товарищ боевой, я тебя никогда не забуду! И, клянусь, в Бога поверю, если выживу. Прощай, дружище, - уже вываливаясь из горящей машины прохрипел Николай.» Он потом увидел, как его «Яков Иванович» молнией ударил в самое скопище фашистских военных платформ,

превратив эшелоны в огромное пылающее месиво, где от страшного жара плавился металл новеньких «Тигров», «Фердинандов», в последних огненных судорогах скрючивались, так и не поднявшиеся в воздух для бомбовых ударов гитлеровские «Юнкеры».

Николай действительно выжил в этой фантазмагории и потом трое суток добирался до своих.

Пока дожидался новой машины, вспомнил Испанию и свой первый юркий «ишачок»; позже были и другие истребители – даже на лэндлизовской «Кобре» полетал, но «Як-3» свой - «Якова Ивановича» - всегда чувствовал особо трепетно - насколько он к бою готов- все ли узлы смазаны, полны ли баки, полностью ли заправлены пушка и пулеметы. И тот его не подводил – одним целым были. Однажды техники после боя 18 пуль из тела машины вытащили, но его-то - Николая – «Яков Иванович» бережно до своей впп дотащил.

Получил, наконец, новую машину Николай и здорово на ней дрался на Курской дуге, а в память о «Якове Ивановиче» 9 звёздочек на борту нарисовал. Ровно столько, сколько он к тому времени фрицев подбил.

После войны его Лёлочка в 47-м первой родила Любу, а там пошло - поехало.

Примерно раз в год Герой Советского Союза Николай Демидов подходил к забору, разделявшему его и наш дачные участки и громко кричал моему отцу:

«Фёдор Иванович! Заходи вечером – Лёля ещё наследника родила, Петром решили назвать.»

Затем на свет Божий появились Борис, Павел, Александр, Алексей, Антон.

Словом почти футбольная команда – моего сына Дениса – они всё вратарем ставили. Братья Демидовы благодаря отцу выросли на редкость дружными, сильными, спортивными, но ни один из них не выбрал военной карьеры и в войну не играл – не поощрял этого папаня, а вот прихожанами они стали верными и щедрыми.

Когда же в застолье звучали тосты, Николай один из них обязательно поднимал за «Якова Ивановича» и вспоминал данные ему обещания.

Лиса и рак

Выполз как-то утром рак – Кривая клешня (так его прозвали, когда мальчишка- рыбачок бросил в него камень, попал в клешню и повредил). Выполз из-под коряги речной на берег. Ничего не видно. Туман. Взял рак туман и засунул в карман. Воздух чистым и прозрачным стал. Сразу видно и солнышко улыбочивое, и листочки резные, и лису с длинным пушистым хвостом.

Заметила она рака и говорит:

«Давай дружить. Будем друг - другу помогать, выручать. И трофеи охотничьи так легче добывать. Вон ты какой ловкий – раз и убрал туман. И у меня немало хитростей припасено».

Согласился рак. В ту пору виноград созрел. Вот лиса и говорит раку.

«Пойдем на виноградник. Сладких ягод нарвем».

Рак подумал и ответил:

«Я виноград не ем. Ты мне гнилые ягодки принеси или мышку дохлую. Только виноградник сторож охраняет – вдруг нас заметит? У него и ружье, и палка тяжелая. Ещё прибьет чего доброго».

А лиса на своем:

«Мы договорились помогать друг – другу. Пошли, не бойся».

Пришли они на виноградник, а там точно – сторож с ружьем, палкой большой, да ещё и собака с ним. Но плутовке так хотелось сочных ягод, что она всё- таки полезла в живую изгородь с лозами и давай гроздья тяжелые рвать.

Заметила её рыжую шкуру собака и залаяла. Схватился сторож за ружьё, но с первого выстрела не попал, а во второй раз выстрелить не успел – ничего видно не стало: это рак из кармана туман, густой как молоко выпустил. Лиса благополучно и убежала. Сильно она испугалась – три дня про виноград не вспоминала. А потом, как все ягоды съела, снова к раку:

«Пойдём за виноградом».

----- 1 -----

А рак говорит, что сторож её застрелит, а его палкой пришибет.

«Так что делать? Уж больно сладок нынче виноград. Придумай что-нибудь, Кривая клешня».

«Натаскай мне гнилых виноградин. Я полакомлюсь и в дело их пущу».

Вскоре принесла лиса корзинку гнилья. Запах от них шёл противный, но рак порядочную горсть слопал, а остальные велел лисе на тропе возле виноградника разложить.

«Зачем?».

«Потом узнаешь».

Сделала лиса, всё как рак велел. На тропинке большое пятно гнилыми ягодами выстелила, а сама стала опять сочные крупные гроздья срывать.

Собака увидела её, залаяла. Воровка наутёк и припустилась. Собака за ней мчится. Сторож тоже опомнился и ну догонять. Лиса гнилые ягоды перепрыгнула, а собака на них поскользнулась. Сторож на неё налетел и тоже кубарем покатился – все штаны в гнилье измазал. Лиса и в этот раз увильнула.

Целую неделю лиса с испугом вспоминала это страшное приключение. А потом пришла к раку и опять за своё:

«Пойдём на виноградник».

Рак сначала ни в какую – упирался. Но лиса уговорила:

«Я тоже уловку придумала. Поедешь на моей спинке. Сверху далеко видеть будешь. заметишь сторожа или собаку - дашь мне знать, мы и скроемся быстренько».

А сторож за неделю вокруг виноградника выкопал канаву. Лиса её увидела ,да как подпрыгнет высоко. Сама она в винограднике очутилась, а рак не удержался и свалился в канаву. Стал он её звать на помощь, даже свистнул два раза (дело-то было в четверг, после дождичка, как раз когда раки свистеть только и могут). Но рыжая так увлеклась сбором винограда, что ничего не слышала и про товарища забыла.

----- 2 -----

Зато пронзительный рачий свист разбудил сторожа и собаку. Та залаяла и спугнула лису. Рыжая было совсем в бега готова припуститься, предав и бросив рака в канаве. А он взмолился:

«Ты хоть попрощайся со мной – хоть хвостом махни».

У лисы мысль промелькнула : « попрощаюсь, а то ещё сороки на весь лес ославят, что я раку не помогла». Протянула хвост в канаву и хотела удрать. Но рак – не будь простак – так сильно и больно ущемил её клешней за кончик хвоста, что трусливая предательница изо всех сил взметнула свой хвост. Рак взлетел высоко в в воздух, описал большую дугу и плюхнулся прямо в реку. Быстро заполз под корягу и с тех пор живёт отшельником.

А лиса? Она от испуга и боли всё перепутала, развернулась и побежала обратно. Прямо на сторожа и выскочила. Он тяжелой палкой в неё запустил, зашиб сильно ,но не до смерти- на воротник сторожихе и в этот раз не досталась. Долго потом раны в норе зализывала. Зато на всю оставшуюся жизнь запомнила, что друзей в беде не бросают и не предают.

ПОРОСЁНОК

Жила – была свинка, у которой на месте носика был маленький пяточок и хвостик тоже был маленький, крючечком. А она очень мечтала прославиться, да так, чтобы о ней написали длинную – предлинную сказку и чтобы хвостик у неё был, как пушистый длинный хвост лисы, а нос такой длинный, как хобот у слона.

Но тогда это была бы совсем другая сказка.

А у неё всё было, как положено маленькой свинке: маленький хвостик крючечком, и симпатичный розовый маленький пяточок на месте носика.

Славный маленький поросёнок.

Вот потому и сказка у меня получилась короткая, маленькая.

Борис Колесов

Командировка

В сентябре Алексея послали на две недели в совхоз. Дело это было обычным: в Стране шла битва за урожай, необходима помощь города селу и так далее. Но Алексею на конец года поставили защиту, и надо было работать, подчищать, править текст, а его — в совхоз. И вот, попрощавшись с женой и пятилетним сыном, расстроенный Алексей отправился институтским автобусом в какой-то медвежий угол, километров за двести от города. В этом совхозе Алексею уже приходилось бывать, и в общем-то он ему нравился. Немногочисленные деревенские постройки очень вольно расположились на небольшом возвышении, строго не обозначив даже главной улицы. Внизу тихо звенела речушка, а поодаль виднелся редковатый, неброский лес. Старые деревянные дома располагались в основном внизу, около речушки, а новые стояли поближе к центру. Эти последние строились по одному проекту и выглядели все одинаково: побеленные прямоугольные коробки под серой шиферной крышей и с участком, огороженным штакетником. Просто и дешево. Жизнь в деревне протекала спокойно, без гульбы, шума, звона.

Алексея вместе с несколькими такими же, как он, командированными из разных институтов Научного центра, поселили в пустой комнате унылого одноэтажного здания, где располагалась вся совхозная администрация: правление, бухгалтерия, столовая и что-то еще. Алексей с дороги устал, да и события последних дней все еще толклись в голове, так что в тот день он не особенно вникал, где, что, с кем. Поселили и ладно. А на следующее утро агроном повел Алексея на ток, где ему предстояло работать. Агроном был еще совсем мальчишкой, год назад окончившим сельхозинститут. Невысокого роста, щуплый, в очках и с лохматой головой, он еще только утверждался в жизни, и на работе, и вид имел неуверенный и суетливый. На току стайка студентов, человек шесть, заканчивала смену. Это была их последняя смена и сегодня они уезжали домой. Они с шумом и криками толкали грохочущую веялку, надвигая ее на большую кучу пшеницы, и размахивали широкими деревянными лопатами. Агроном кратенько рассказал Алексею, что ему делать, пообещал прислать помощь и ушел. Ушли и студенты, выключив веялку. Алексей остался один.

Ток представлял собой ровную асфальтированную площадку, на которой кучи привезенной с поля пшеницы лежали плотно, одна к одной, образуя правильный ряд длиной метров в двадцать-тридцать. Эту пшеницу и предстояло очистить, пропустив через веялку. Кроме веялки, на току еще имелся электрокар с ковшом впереди для перемещения зерна, транспортер-погрузчик, несколько фанерных лопат, метла и ломик. Алексей нашел у забора какую-то доску, подsunул ее под раму веялки и действуя ломиком, как рычагом, начал надвигать веялку на кучу. Веялка, тяжелая и высокая, стояла, однако, на

маленьких металлических колесах, и усилий Алексея оказалось достаточно, чтобы сдвинуть всю конструкцию с места. Потолкав ее с разных сторон, Алексей установил веялку в нужное положение и включил рубильник. Веялка загрохотала. Вся сложная внутренность ее пришла в движение, сита в несколько рядов заходили взад-вперед навстречу друг другу, узкая транспортная лента, стелющаяся по земле впереди веялки и поперек ее, своими захватами загребала зерно и вываливала куда-то в середину агрегата. Дальше зерно проходило сложный путь, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз по многочисленным ситам, где вынуждено было прокатиться и потрястись на каждом из них, и снова поднимаясь вверх. Наконец, зерно, уже очищенное, ссыпалось вновь на площадку тока, но уже позади веялки. Алексей взял лопату и стал подгребать с боков зерно, не попадающее на транспортер, время от времени подталкивая веялку вперед. Работа ему нравилась, и он спокойно и неумоимо расхаживал вокруг трясущейся и грохочущей веялки, следя за тем, чтобы процесс не прерывался и не замедлялся. Отсутствие кого-либо рядом совсем не беспокоило его. Скорее наоборот, оно его устраивало: некому было давать советы или делать замечания, никто не раздражал его неуместными действиями. Ближе к обеду на току появились две местные пожилые женщины. Они взяли метлы и стали копошиться в углу тока, вдалеке от Алексея, непрерывно болтая между собой. Поработав с полчаса, они заявили, что им нужно идти кормить внуков и исчезли. Больше Алексей их не видел, ни в тот день, ни позже.

Алексей тоже проголодался и, выключив веялку, пошел в столовую. Кормили в столовой недорого и сытно. Приготовлено все без затей, но вкусно, из свежих деревенских продуктов. На порции не скупилась. Так что, Алексей, плотно и с удовольствием поев, понял, что с этой стороны проблем не будет, и вернулся на ток.

На току по-прежнему никого не было и Алексей, запустив веялку, в привычном уже ритме, практически не останавливаясь, проработал до самого вечера. К концу дня он немножко устал, но это была приятная усталость здорового молодого организма, которому нормальная физическая работа выпадает редко. Возвращался же в общежитие с некоторым беспокойством. Дома хорошо выспаться ему удавалось редко: в голове постоянно крутились какие-то проблемы, заботы. И он боялся, что здесь окажется еще хуже: незнакомая компания, могут галдеть допоздна, комната, наверное, не проветривается. Но ребята оказались веселыми и не глупыми, весело поболтали о современной хипповой музыке, и Алексей, хоть и не был ее поклонником и темой в деталях не владел, слушал с удовольствием и незаметно уснул.

Проспал он глубоким, младенческим сном до самого утра. Открыв глаза, почувствовал приятную ломоту во всем теле. Вскочил, сбегал на речку умыться, позавтракал в столовой и отправился на ток. На току произошли небольшие изменения: пшеницу, переработанную за вчерашний день, увезли, зато с поля привезли новую. То есть ночью деятельность на току не прекращалась. Алексей

это мысленно одобрил и принялся за работу.

Стояла сухая, теплая осень. Воздух чист и наполнен слабым ароматом свежей пшеницы. С территории тока, занимавшего самую высокую точку села, в прозрачном, чуть колышущемся воздухе, далеко просматривалась окрестность. Лиственный лес, раскрашенный в неяркие желто-багрово-зеленые тона, уходил в горизонт, постепенно превращаясь в сплошную серую полосу. В короткие паузы, когда веялка выключалась, наступала редкая, почти невозможная в городе, тишина. Алексей останавливался посреди тока с лопатой в руках и чутко прислушивался к таинственным шорохам, потрескиваниям, к слабым звукам, доносившимся из деревни.

Потянулись дни, похожие один на другой. Каждый день Алексей работал как бы в беспамятстве, ни о чем не задумываясь и не задавая вопросов. И каждый день был ему в радость. Ему нравилось работать с зерном: оно было сухим, чистым, теплым; его можно было взять в ладонь, растереть, даже положить в рот и разжевать. Да и все остальное как-то удачно сошлось в эти дни: погода, полная независимость от всех и, наконец, все, что нужно было делать на току, он мог и делал самостоятельно, без чьей-то помощи. Целый день он был в движении: толкал грохочущую веялку, подгребал пшеницу, подметал площадку, убирал накопившийся мусор, разъезжал на электрокаре, подправляя линейку зерна. Иногда приходили грузовики, чтобы забрать очищенную пшеницу. Тогда Алексей подкатывал свой транспортер-погрузчик и загружал их. Пару раз забежал агроном, и, пряча глаза, сбивчиво что-то бормотал про горячую пору, нехватку людей и прочую ерунду. Алексей только улыбался. Невдалеке от тока в отдельном корпусе стояла сушилка — большая и сложная конструкция с внушительными вращающимися барабанами. На ней работали несколько человек. Однажды сушилка загорелась. Алексей бегал помогать тушить ее. Потушили, но что-то внутри сушилки успело сгореть.

В эти дни Алексей был полностью отрезан от всякой внешней информации. Ничто не тревожило его сознания, ничто не вызывало напряжения душевных сил. По вечерам, перед сном, он с интересом слушал то, что обсуждают соседи по комнате, иногда и сам вступая в разговор. Обычно спор возникал вокруг какой-нибудь книжки, фильма или популярного исполнителя. Ребята спорили азартно, но колкостей избегали.

Две недели Алексей в одиночку «держал» ток, не допуская срыва в его работе. Ему, молодому и выносливому, это оказалось по силам. В последний рабочий день в бухгалтерии сделали расчет и начислили Алексею 40 рублей заработка. Алексей немножко удивился, но спорить не стал. Встретившийся по дороге агроном с виноватым видом начал рассказывать Алексею о том, как он ругался в бухгалтерии, доказывал им, что Алексей работал один за целую бригаду и нужно заплатить больше, но у бухгалтерии были свои резоны и лимиты, не позволявшие ей перейти за обозначенную сумму. А еще агроном был в растерянности, не зная, кого теперь послать на ток. Алексею стало жалко парня, но помочь ему он ничем не мог. Собрав сумку, Алексей сел в автобус. По дороге он вдруг подумал, что провел лучшие две недели в своей жизни.

Валерия Редкокашина

Очищение

Кто она в сущности?

Неважно.

Молодость, здоровье, счастье...

А было ли хоть что-нибудь?

Не глухая, но все же провинция. Осень. Музыкальное кафе. Сотрудница банка Нина на месте. Образование высшее экономическое и школа музыкальная, а еще съемная жилье с мрачными мыслями.

Зал плавно наполнялся публикой. Профессиональные музыканты, непрофессиональные, просто ценители...

А вот и он. Действительно талантливый, действительно... красивый руководитель музыкального ансамбля при том самом кафе. Имя - Михаил. Нина также числилась в составе коллектива, хотя играла посредственно. Кстати, на гитаре. Инструмент сей она освоила сама. Рояль еще со времен музыкальной школы приелся. А все мама.

Сначала доченька любимая должна была непременно овладеть музыкальной грамотой, затем получить серьезную профессию. Когда же Нина готовилась защищать диплом по финансам и кредиту, мамина жизнь угасла... в ванне, заполненной до краев кровавой водой.

Репетиция началась. Один музыкант, второй, Нина...

Собственное сочинение, кстати говоря. Спокойное, философское, безнадёжное и все же..

Понеслись замечания, точно приговоры.

-Надеюсь, вы прислушаетесь к замечаниям, - холодно бросил Миша.

Легко ему говорить. Сколько ему...Ах, да! Переломный возраст - сорок лет. Образование опять же высшее, на сей раз юридическое. Музыкальную школу, в свое время, не окончил, а после тридцати пяти вернулся на музыкальное поприще. Адвокатскую практику при этом оставил, ушел во фриланс и начал сочинять оригинальные мелодии. Так постепенно и примкнул к тому культурному приюту несколько лет назад. Нина же пришла совсем недавно.

Ей тридцати пять.

Вечер остался позади. Она в одну сторону, он...Как оказалась, в ту же. Почти молчаливая поездка в трамвае поначалу. Потом слово за слово и...

Новый вечер. Снова он...Великолепный.

Суета, подготовка...Нет!

Не менее великолепная, юная девушка рядом с ним. Стройная, но не тощая, в отличии от Нины. Волосы длинные, пышные. Нина же в свое время

вынуждена была коротка подстричься. Не хватило терпения на кудри непослушные.

-Асенька...- произнес он нежно.

Асенька...Асенька...Нежные объятия...смех...Картина!

Нина, конечно, давно обратила внимание на картину, висевшую в кафе над роялем. Летний день, Фонтан с кувшинками, возле которого милейшие мальчик с девочкой. Как оказалось, творцом сего произведения была именно. Асенька - многообещающая студентка художественного училища..

Мальчик, девочка, кувшинки. Что будет дальше, кто знает. но сейчас...

Что же?.

О чем-либо подобном Нина лишь фантазировала на протяжении всей жизни. Легкие поцелуи в старших классах, не слишком страстные объятия в студенческую пору - вот и весь интимный опыт. Мама ведь то и дело мучилась из-за отца. Выпивал, изменял. Причем, порою с ее же подругами. В конце концов, одна из них сообщила, что ждет ребенка - мальчика. Между тем, Нина была до этого единственным его ребенком. И ведь обожал он ее. Кино, зоопарк, летний отдых по возможности. Но, конечно, и о сыне время от времени заговаривал. Мать же только слезы роняла втихую. Да-да, никаких истерик, упреков и сцен ревности. Только кровавая вода...

Нине не удалось сыграть в тот вечер. Да она и не стремилась. Сначала руки, как и все тело, онемели, затем...Затем грудную клетку точно разрезали огромными кусками стекла, заполнили ее грудой камней и зашили. Как такое могло произойти? Она не должна была влюбляться и любить, тем более так...Как мама...

А он играл. Как всегда, идеально. Незамысловатая мелодия заполнила пространство, заставив Нину исчезнуть.

Удивительно! Оказывается, где-то преобладал истинный покой, а значит, и истинное, ничем не омрачаемое счастье. Счастье без мыслей, эмоций и прочих удручающих фантазий.

Не хотелось ей сыграть роль коварной разлучницы в этой мелодраме. Тем не менее, просто уйти не вышло. Ноги, будто, вросли в мерзлую землю. Так и стояла Нина у кафе, пока они не вышли. Поцелуи, цветы...ей...и...

Разлетелись-таки голубочки в разные стороны. Тут и к Нине вернулась свобода движения.

Нагнала.

-Ой...Миша...Здравствуйте, еще раз.

-А! Здравствуйте, еще раз, - прозвучало в ответ. Вроде, не раздражен.

Постояли в сквере, пока он курил. Говорили об искусстве, музыке. Затем остановка, маршрутка на сей раз, потом...

Игра, ожидание, совместная поездка домой. Впрочем, теперь кое-что вышло иначе.

Отыграла Нина неплохо. Невзирая на волнение, ошибок существенных не допустила да и за само сочинение похвалы удостоилась. "Холодная", но красивая музыка. Крайний Север. Снег. А героиня налегке идет по снегу, неся в руках холодное зеркальце... Зеркальце точь-в-точь, как у нининой мамы...было...Давний подарок мужа. Вернее, тогда еще жениха. Именно это зеркальце раздробила она на мелкие осколки и отправилась в ванную.

Супруг страдал. Даже пить начал еще больше, а о своем якобы брате Нина никогда ничего не слышала. Отец без конца занимал деньги и отнюдь не всегда у приличных людей. Так и остались без квартиры. Вскоре он умер.

-Мелодия удалась, - заметил Михаил с улыбкой на лице, когда они уже стояли на остановке. Было ли у него что-то общее с нининым папой. Да...высокие оба, задумчивые...Вот только этот, к счастью, справился...

Вернувшись домой, Миша не отправился спать, а сел работать. Музыкой он занимался ежедневно. Благо, ничто не отвлекало. Родители жили отдельно. С подругой сходиться пока не торопился, хотя и чрезвычайно...

Любил?

Вне всякого сомнения, Ася внесла разнообразие в его жизнь. Отношения их длились около года. Почти двадцатилетняя разница в возрасте не смущала. Напротив. Ему омоложение. Ей - жизненный опыт и надежность. Нежность и восторг так и переполняли Михаила. В подобной эйфории он пребывал лишь в ранней молодости. Впрочем, недолго. Любимая однокурсница сошлась с обеспеченным преподавателем. Ничего путного из этого не вышло, но Миша не простил. Решил, что лучше уж быть одному. Так и обходился мимолетными романами, а еще безынтесной работой и алкоголем. Впрочем, избавился от пагубной привычки самостоятельно, всерьез занялся любимым делом ну и...удостоился обрести...

Так что же все-таки? Нежность? Понимание?

Ася была скромной, интеллигентнейшей и...такой понятной. Иное дело - недавняя знакомая Нина. Сплошная загадка.

Шло время, а ничего не менялось. Столько народу вокруг него и почти со всеми он на ты, кроме Нины. Кому-то лайки в соцсетях ставит едва ли не на каждый снимок, а ей...

Словом, тяжесть с болью усиливались. Нина уже и зеркальце новое приобрела в торговом центре...Просто...ради нового зеркальце. Нет-нет. Она - не ее мать, просто...

Необходимо во всем признаться. Признаться и более не выжидать его после концертов.

В тот вечер выступление Нины успехом не увенчалось.

-Сыро, - резюмировал он.

Сыро...Сыро...Ничего.

Кафе закрылось, но публика с музыкантами расходиться не торопилась. Впрочем, как всегда. М-да! Не только Ася стояла между ними, но и вся эта толпа.

-Миша! - прокричала Нина. - Миша, можно вас на два слова!

Удостоил вниманием. Уже хорошо.

-Какой у вас вопрос?

Сухой, а быть может и раздраженный тон. Отец в основном так общался с мамой незадолго до ее самоубийства.

-У меня не вопрос. Мои слова в комментариях не нужны. Я это...просто так...Я вас люблю. Все!

Повернулась, пошла быстрым шагом и все же успела услышать:

-Ой, да ладно!

Ладно...

О дате следующей репетиции он сообщила по эсэмэс, хотя до этого всегда звонил. Хотел набрать номер, но не сумел. Слова Нины не выходили из головы. Загадка отгадана.

Не только ее настигла любовь, но и его едва ли не впервые в жизни. Страсть, нежность...Увы, все это из другой сферы, но...

Разве возможно так просто взять и сказать близкому человеку, что полюбил другую? С ним-то в свое время поступили именно так.

Зима завершилась, личный холод Нины усилился, а зеркальце она всегда носила с собой. В конце концов, удалила Мишу из друзей в соцсетях и написала следующее сообщение на сотовый:

"Прошу более не звонить. Я не появлюсь до тех пор, пока не забуду Вас".

"Может так оно и лучше", - решил он про себя. Любовь переполняла, но Ася...Ася, словно, что-то чувствовала и так жалобно смотрела на него. Словно беззащитный ребенок на нерадивого отца, который намерен оставить семью. Вот мишин отец, в свое время, не оставил. Мать берег изо всех сил, хотя и...любил другую.

Терпения у Нины хватило на пропуск буквально пары выступлений. Банк, хозяйство, коммунальные счета и...

Продолжение той удачной мелодии. На глазах у неприкаянной, окоченевшей девушки снег стал превращаться в стекло. Так, постепенно путница увидела свое отражение и принялась топтать его. Все топтала, топтала. Ведь любимому своему она была не по нраву такой. Трещины...боль...холод...

-Кто ты?! - вдруг прокричала она. - Кто?!

...Кто...Так постепенно растоптала и исчезла...

Исчезла и...Сделалась счастливой...

Явившись на очередной концерт уже теплым апрельским вечером, Нина исполнила произведение от начала до конца.

Тишина, аплодисменты, а он...

- Это лучшее из того, что вы исполняли здесь.

-А может быть...- последовали советы от коллег - все-таки концовку немного переделать. А то...

-Не нужно здесь ничего переделывать! - отрезал Михаил.

Тут дверь кафе отворилась и вошла Ася. Цветущая, спокойная.

Нина вернулась одна в чужую квартиру, бросила гитару на кровать, набрала ванную и, отправившись туда, зачем-то взяла с собой зеркальце. А на столе стояла в рамке мамина старая фотография. В ту пору она как раз была беременна. Сквозь время женщина смотрела в след своей уже взрослой дочери и, как будто, пыталась сказать:

-Ниночка, не делай этого! А вдруг он вот-вот признается, что жаждет встречи с тобой. Что думает о тебе куда больше, чем о своей юной невесте. Вдруг отправится на гастроли и возьмет с собой тебя, как талантливого музыканта.

А, быть может, ты разгребешь внутри себя свой непроходимый снег. Очистишься от камней, от стекла. Уберешь из головы его образ, образ отца, мой и просто будешь счастлива...

Просто будешь...

2019 год

Виктор ПАНЬКО***Вздох облегчения***

Мужчина, на вид старше среднего возраста (чтобы не утруждать себя и читателей какими-то экзотическими именами, назовём его - Иван Иванович) шел по вечерней деревенской улице.

Наш герой неспешно шагал, не обращая особого внимания на окружающее: нескольких ребятишек-дошколят, устроивших соревнование на велосипедах, собачонку, перебежавшую дорогу далеко впереди и какого-то незнакомого человека, идущего ему навстречу.

Так или иначе, Иван Иванович пропустил нечто важное, происшедшее на этой пыльной сельской улице.

Но тут-то и произошло событие, которое послужило кульминацией для нашего небольшого, но, автор надеется, весьма поучительного повествования. Совершенно неожиданно его взор, глядящий под ноги, вдруг натывается на некий сверточек, или, вернее сказать, рулончик. «Сверточек», если учесть, что это слово связано со словами «свернуть», «сворачивать», тоже будет сказано правильно. И «рулончик» - тоже правильно. Короче – он видит нечто свернутое в рулончик. Что-то такое цветное, блестящее, художественное, на котором угадываются контуры некоего мужского портрета. Сердце у Ивана Ивановича начинает биться интенсивнее, а из памяти мгновенно стираются все неприятные переживания. Мозг еще не определил, но интуиция подсказала безошибочно: «деньги».

Гамлетовского вопроса: «поднять или не поднять» перед ним не возникало. Не потому, что Иван Иванович не читал Шекспира, он был довольно начитанным человеком, а потому, что пройти спокойно мимо не принадлежащего тебе свертка с деньгами – разве не было бы в нынешних условиях величайшей глупостью всех времен и народов! Правда, говорят, что когда-то, в четвертом веке до нашей эры, в Древней Греции действовал закон Солона, который гласил: «Чего не клал, того не бери, иначе – смерть!». Но Иван Иванович об этом законе не знал. Да к тому же времена давно-давно поменялись, и у нас совсем другие законы. А если бы и знал, - что общего имеем мы сегодня в Республике Молдова с Древней Грецией и каким-то Солоном?! Да и всем известно, что каждому из людей присуще такое свойство, которое называется любопытством. Если бы человек не обладал любопытством – мы бы не имели сегодня ни одного научного открытия, ни одного изобретения!!! Без любопытства невозможен никакой прогресс! Жили бы мы до сих пор в пещерах и не едали бы бананов эфиопских, помидоров израильских и чеснока, завезенного в Молдову из далекой Индии!

Промелькнули ли у него в мозгу такие размышления или нет, но Иван Иванович, несмотря на свой почтенный возраст, воровато оглянувшись по сторонам, медленно наклонился, как будто бы желая завязать шнурок на своих пляжных шлепанцах, осторожно поднял сверток и сунул под рубашу, придерживая его дрожащими от волнения пальцами.

«Никто не заметил. Посмотрю, что такое, а там видно будет» - подумал он и прибавил шагу, стараясь быстрее скрыться за поворотом, не будучи на все сто процентов уверенным, что его поступок остался незамеченным.

Выбрав укромный уголок на соседней улице, он начал рассматривать свою находку. В свертке было штук двадцать крупных ассигнаций – российские рубли и украинские гривны – все большого достоинства, которое измерялось тысячами единиц. «Десять тысяч гривен... Это же сколько будет на наши леи?... Когда-то за гривну давали четыре лея. А теперь? – подумал он. – Пусть даже – один к одному. Десять тысяч ... это почти моя годовая пенсия. А еще – российские рубли .... Да тут – целое состояние! - подумал он радостно. - Банки теперь принимают и рубли, и гривны. Узнать курс.... Купил бы себе угля на зиму, ремонт бы закончил сарая...».

Но радость его была не слишком продолжительной. Если бы за ним в это время кто-то наблюдал, то на фотографиях или видеокадрах, запечатленных секретными агентами, можно было бы наблюдать все оттенки эмоций, какие только можно себе вообразить, от бурного веселья и до глубокого уныния, причем, чем дальше – тем уныние становилось глубже. Видно было, что в душе у него происходила нешуточная борьба. Его личность как бы раздвоилась, и вместо одного Ивана Ивановича стало их двое. Появились два внутренних голоса, две логики, два советчика, каждый из которых нашептывал третьему, действительному Ивану Ивановичу, свои мысли и чувства, своё понимание ситуации.

«Что же ты еще раздумываешь,- убеждал его первый голос. – Прячь деньги в карман и шагай быстрее домой. Завтра поезжай в райцентр в банк и поменяй на леи. Закажи два листа шифера для ремонта крыши сарая, пять банок краски и купи килограммов шесть толстолобика по десять леев, он как раз теперь дешев и пригоден для приготовления селедки».

«Заткнись! – возмутился на эти слова первого Ивана Ивановича второй. – Селедка – это порода рыбы – «сельдь». А толстолобик – это совсем другая порода рыб. И толстолобик не может быть сельдью точно так же, как вор и обманщик не может быть честным человеком!».

«При чем тут вор и обманщик? – обиделся первый Иван Иванович. – Ты что, не видишь, что вокруг делается? Кто в наше время может отличить вора и обманщика от честного человека? Разве что – «Антикоррупция», но и ту народ почему-то, забывая частицу «анти», называет «Коррупция». Стоишь в очереди, время затягивается. Хочешь узнать причину, а люди говорят: к начальнику зашел какой-то чиновник из «Коррупции».

Я уже не говорю о бонах народного достояния или о лопнувших сбережениях в Сбербанке, после которых твои четыре бычка по именам Борька, Мишка, Тарзан и Гоша общим весом в три тонны мяса стали равноценны одной буханке хлеба весом в шестьсот граммов отрубей. А тут человек нашел какие-то пустяковые деньги и не знает, что с ними делать. Пусть бы спросил Абрамовича...».

«Какого это Абрамовича?»

«Мало ли в мире Абрамовичей? Пусть спросит одного из них...».

«А где же совесть? Где честное имя человека, который, за исключением нескольких килограммов черешни в далеком детстве, ничего не украл, если не считать пару центнеров яблок из колхозного сада... . Всю жизнь учил школьников быть честными и примерными во всем, а теперь – не знает, что делать с найденными деньгами. И – такая большая сумма! Если бы там пару десятков леев, то было бы еще ничего. А тут – тысячи! Обязательно кто-то хватится. Начнет искать. Поднимется шум, Заявят участковому. Как, все это слыша, можно будет смотреть в глаза окружающим?».

«Что ты выпендриваешься? Некоторые люди занимают высокие посты в государстве и гордятся тем, что они когда-то в детстве крали у соседей черешни и яблоки! Не стесняются говорить об этом по радио и телевидению, подтверждая этим самым, что они тоже кое-что читали из произведений о детстве Иона Крянгэ. А тут что – смотрит на тебя телекамера? Или ты находишься не брифинге перед микрофонами желтой прессы? Никто ничего не видел – и слава Богу. Народная мудрость живуча столетиями. Сравни, какой глубокий смысл таится в пословицах: «Не пойман – не вор», «Что упало – то пропало». Из этих перлов народной мудрости делай вывод: виноват не тот, кто украл, а тот, кто не поймал вора или - потерял имущество, или - не смог его сберечь. Об этом же говорят и другие пословицы: «Пиши – пропало»... «На то и щука, чтобы карась не дремал»... .

«Может быть, ты и прав, говоря о народной мудрости, - парировал второй, - но почему ты тогда не вспомнишь такую пословицу: «Раз укравший – вор на всю жизнь» или «Береги платье снову, а честь – смолоду». И разве не понятно, что если кто-то неожиданно для всех за одну ночь сильно разбогател, то другой или другие в это же время должны сильно обеднеть. А быстро разбогатеть можно в очень незначительном числе случаев. Если не считать выигрышей в лотерею. Для этого надо или что-то продать, или – кого-то предать, или – кого-то обокрасть.

Может быть, ты думаешь, что деньги из этого свертка выиграны тобой в спортлото? Или ты отгадал правильно несколько букв в «Поле Чудес» и заработал этими своими усилиями столько денег, сколько не зарабатывают двадцать комбайнеров, убирающих на полях пшеницу в сорокаградусную жару? А, может быть, ты стал известным футболистом и тебя купили за двенадцать миллионов долларов, и у тебя зарплата – один миллион в месяц?

Или ты – автор хитроумной финансовой пирамиды, облапошившей десятки тысяч подобных тебе пенсионеров, а также – домохозяек и мелких торговцев, в которых превратился наш некогда могучий и грамотный рабочий класс, а так же заодно и некогда социалистическая интеллигенция?».

- Ну, хватит! – вскрикнул Иван Иванович, сунул сверток в карман и поспешил к тому месту, где совсем недавно нашел деньги.

Улица была пуста. Впереди гоготали гуси. Справа пару раз тявкнула черная собачонка. Пахло жареной картошкой с луком.

Иван Иванович беспомощно оглядывался вокруг в надежде увидеть хоть кого-нибудь, но – тщетно.

Он уже потерял всякую надежду исполнить задуманное, как вдруг из соседнего огорода выглянула девушка лет пяти с маленьким велосипедом. За нею шел юноша лет двадцати.

- Девочка, тут были ребята недавно, вы ничего не потеряли?

- Нет, дядя, мы тут играли...

- А у вас не было таких цветных бумажек... с портретами?

Бумажек?..

- А-а-а, это – деньги, - вступил в разговор парень.- Были. Наверно, они выпали у тебя, Света, из кармана, когда ты ехала на велосипеде.

Девочка стала искать деньги в заднем кармане джинсов, но, не обнаружив там ничего, развела руками.

- А что за деньги там были? – спросил с надеждой Иван Иванович. – Сколько?

- Сорок тысяч русских рублей и восемнадцать тысяч украинских гривен, - стал припоминать юноша.- Большими купюрами... Целый пакет...

Все сходилось.

- Так что же вы так неосторожно.... Ездили на заработки?

- Да пришлось....

- А чего же дали ребенку?.... Такую сумму....

- А, - махнул рукой парень, - их много, но они все – недействительны. Деньги там поменялись, и в России, и в Украине. Так что с ними теперь – только играть.

- Да ведь они не так давно-то и выпущены. 1993-й год. Можно подумать – еще ходят.

- Если бы ходили...

- А не лучше ли их сдать в школьный музей? Все-таки интересно.

Посмотрим.

- Ну, мне главное – я вам их вернул!

Сказал Иван Иванович эти слова, протягивая свёрток, с большим облегчением, вздохнул и улыбнулся.

Как будто он благополучно донес домой из ларька полученные им на две земельные квоты двадцать килограммов сахара. И как будто настала пора снять с плеча этот, в общем-то, не такой уж и большой, но для его возраста – приличный, груз и расправить уставшие мышцы.

Элина Фрайман

Фантазмагория или Предсмертный бред убийцы Введение в суть происходящего...

В одном отделении психиатрической клиники города X доктора, предположительно отыскивали серийного убийцу по имени (не уточняется, так как является тайной следствия, раскрытие которой грозит провалом для него). Однако лишь одна вещь мешает и докторам, и следствию доказать, что перед ними - тот человек, которого они искали. Дело в том, что поступивший пациент N (он же и главный подозреваемый) находится в состоянии комы. Поскольку каждое дело, как известно, имеет свой срок, то доктора решились на некоторое превышение должностных полномочий, дабы доказать, что поступивший пациент является серийным убийцей, разыскиваемым много лет. Они решили выводить пациента из комы при помощи электромагнитных импульсов (которые едва-едва были освоены наукой и только начали своё использование)... врачи были проинформированы, что участие является сугубо добровольным и эффекты от вывода из вегетативного состояния могут быть самые непредсказуемые... однако мало кто мог знать, что такие! Пациент N стихами начал рассказывать историю своей жизни и при каждой попытке вывести из комы в стихотворной форме рассказывает о своих преступлениях. Только правда ли это? Действительно ли доктора и следствие оказались правы и нашли нужного человека? И самое главное - удастся ли им доказать его виновность и призвать к ответственности за такое количество жертв? Неизвестно, ибо в данном случае, как и в любой хаотической системе, развитие событий может быть самое неожиданное...

Интро 1 - Когда я...

Когда я не беру всё под контроль, не значит, что я признаю судьбу.

Когда молю об очищении, не значит, что я верю в бога.

Когда я ненавижу войны, гнёт, не значит, что я не приму борьбу...

За гранью искупления - мне лишь в котёл дорога.

Когда я прошу прощения, не значит, что я признаю вину.

Когда я говорю "прощаю Вас", не значит, что забуду все обиды.

Когда я молчу, не значит, что не вижу глубину...

Когда умру, не будет вдруг ни слёз, ни панихиды.

Когда я радуюсь, не значит, что всё хорошо.

Когда не обращаю я на ложь внимания, не значит, что ей верю.

Когда спокойно говорю, не значит, что сознание "свежо"...

**Элина Фрайман «Фантазмагория или Предсмертный бред убийцы
Введение в суть происходящего»**

Прошу из моей смерти Вас не делать страшную потерю.
 Нет смысла ни просить об избавлении,
 Ни ждать спокойствия, от крови станет что рассудок стёрт,
 Ни говорить сейчас об освобождении,
 Когда от преступлений твоих вздрогнёт даже чёрт.
 Когда согласишься в зеркало, увидишь отраженье,
 Обезображенное гневом мести, страшное врагам,
 Поймёшь, что не рассчитываю на прощенье...
 Скорее же - историю когда мою услышишь сам...

Видение 1 – Фантасмагория

Фантасмагория..
 Подойди ближе. Ну, не бойся - сядь со мной.
 В печали, горе я -
 Успокой, уйми накал страстей такой...

Садись же прямо рядом и послушай мой рассказ
 Про убийственную, страшную любовь,
 Про власть и красоту стеклянных серых глаз,
 Про муки нестерпимые, про стыд и кровь...
 Что, ты уже боишься? Ты удивлена?
 Когда твой ритм похож на жизнь серийного убийцы,
 Когда та состоит из нарушений и г*вна,
 А оборотень сходит вдруг с ума от кровопийцы.
 Не сюрприз, надеюсь, что я за тобой слежу,
 Что ты ко мне неровно дышишь, не секрет...
 Что ж, как злодеи добрых привлекают, покажу...
 К тому же, никого поблизости здесь нет!

Фантасмагория..
 Взгляни же внутрь меня, мне душу оголи свою.
 Вождение, эйфОрия..
 Покажи мне твою суть - я покажу мою...

Правда в том, что на меня не стоит полагаться:
 Кто кидался грязью, тот не может чистым быть -
 Вот и приходится мне от людей скрываться...
 Безопаснее всего тебе теперь меня забыть!
 Так, ты рядом со мною наслаждение получаешь,
 Едва ль не как себе мне доверяешь,
 Что лучшего с тобой и не могло случиться, ты считаешь...

**Элина Фрайман «Фантасмагория или Предсмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

Жаль тебя: с кем вместе, плохо представляешь!
 Я не желаю тебе зла, но столь невинна
 Жертва - и устоять как от соблазна там?!
 Когда добыча, так слаба и беззащитна,
 Сама охотно припадёт к рукам?
 Пускай даже к тебе нагрянут гости -
 Меня они ни в чем не станут обвинять,
 А от тебя уж не останется и кости...
 Ведь так ты обо мне не будешь объявлять!

Фантасмагория...
 Вот суть рассказа о безумной той любви,
 Забытая навек история
 О страсти, исступлении, крови...

Аутро 1 - Убийственная любовь

Чистота, невинность та,
 Что теряю я контроль.
 Подойди и ляг со мной:
 Увидишь, как приятна боль
 Потому что я тебя хочу...

Меня целуешь - очень зря.
 Влюблены совсем серьезно.
 Страстно стонешь с наслажденья -
 Становится затем уж поздно,
 Ведь я тебя тоже хочу...

Я достаю внезапно нож,
 Чувствуя твой страх и дрожь.
 Вопли, крики не нужны:
 К утру останки быть должны...

Твои родители меня,
 Даже кровать застав в крови,
 Ни в чем не смогут обвинять:
 Они не знали той любви,
 И что я ТАК тебя хочу...

Видение 2 - Гори огнём

Вставай! Тёмная ночь - то, что надо:
 Давно моментик пора обсудить.
 Давай! Разве Жюстина будет рада
 Столько вам позволять себя бить...

Я прячусь в шкафу, а потом на балконе,
 Надеюсь, что ты меня там не найдёшь.
 Я слёзы забуду как о пустозвоне,
 Лишь только внезапно ты рядом пройдёшь.
 Кричать и на помощь тут звать бесполезно,
 Пощады зря тоже в том случае ждёшь:
 Ибо что потом будет со мною, известно,
 За волосы только меня ты берёшь...
 Ничего не сказав мне и без объяснений,
 Попрочнее ремень, что из кожи, возьмёшь,
 Ты с ярости, собственной боли лишений
 Меня со всей силы, нет - дури побьёшь...
 Оставив реветь на полу у кровати,
 Ты тихо и быстро, как злой дух, уйдёшь...
 Когда же очнусь я от гнева некстати,
 Ты меня при желании всё не поймёшь!

Проснись! Так, раньше нужно было вспомнить,
 Что каждый, кто станет тобой, пропадёт.
 Оглянись! Пока с тобою будем спорить,
 Кто-нибудь в те минуты умрёт...

Не попавшись тебе на глаза до той ночи,
 Сундук я открою таинственный свой.
 Произвол не имея сил выдержать, мочи,
 Коробок беру спичек с собой.
 Прокравшись вдоль по коридору успешно,
 Я в комнату ту ни ногой:
 По снегу побегав немного беспечно,
 Не нарушу я спящих покой.
 "Почему никогда вы мне не помогали?
 Так исчезните ж с домом долой!" -
 Прошепчу напоследок с холодной я дАли,
 Коробок я использовав злой...

**Элина Фрайман «Фантасмагория или Предсмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

В чём дело? Не в силах смириться,
 Что заслужены пытки тобой?
 Нет удела, мог бы что с тем сравниться?!
 Так гори же огнём, что дом твой!

Видение 3 - Истекаю кровью

Поймёшь ли, как быть можно молчаливым
 И засыпать при этом со слезами на глазах,
 Насколько можно показаться Вам "счастливым",
 Все спряча шрамы и порезы на руках?

Объясни мне... ты зачем сюда пришла?
 Посмотреть меня пришла? Как истекаю кровью?!

Так, погляди! Я докажу, что не всегда всем улыбаюсь...
 Себя таким я покажу, каким навряд ли и понравлюсь -
 Тебе, наверняка... нет, я не издеваюсь -
 Просто молча посмотри, как истекают кровью...

Откуда тебе знать, как сложно быть учтивым,
 Тут прячась ото всех что день в обиняках,
 Каким порой возможно оставаться терпеливым -
 И не имея ничего (лишь тело в синяках!)?

Так, ты скажи мне наконец: зачем пришла?
 Шоу поглядеть пришла "Как истекают кровью"?!

Так, посмотри! Я покажу, как резко изменяюсь,
 И из ребёнка как в убийцу превращаюсь,
 В какой манере я от боли избавляюсь,
 Сиди и наблюдай, как истекают кровью!

Видение 4 - Иду за тобой

Шум шоссе. ТУфлей топот. Тепло.
 Смех, гогот тех, кому больше повезло.
 Асфальт ещё горячий, и до ужаса светло -
 Ничто конца такого предвестить бы не смогло.

Не составит трудности в толпе найти тебя:
Осознать пора бы суть предательств и вранья.
Расплаты ждёшь отсрочки ты, оставив так меня?
Идёт месть за тобою, ну, а местью стану я!

Утро проходило в сплетнях на чужой земле...
Часы дня утекли сквозь карты в письменном столе,
Твои же вечера прошли в утехах и бухле.
В снах ночи проходили? Что ж, эта будет в мгле.
Да, ты ради наживы рискнёшь всяким и любым:
Настолько "добрый" может стать дешёвым и пустым.
Твой свежий внешний вид внутри окажется гнилым...
Увидя твою кровь лишь, сердце вновь будет живым!

Интро 2 - Лишь тёмной ночью

Лишь тёмной ночью
Покинем город мы пустой.
Лишь тёмной ночью
Оставим в нём полудня зной.
Ты тёмной ночью
Сквозь улиц дым, машинный вой
Дверь в свою душу мне открой...

Лишь тёмной ночью
Поймёшь: любовь быть может злой.
Лишь тёмной ночью
Услышишь ты души крик мой.
Лишь тёмной ночью
В лесу, что круглый год глухой
Ты свою сердце мне открой...

Лишь тёмной ночью
Могу быть, становлюсь собой.
Лишь тёмной ночью
Сойдёмся вместе мы с тобой.
Лишь тёмной ночью
Во мгле чёрной и густой
Свою душу мне открой...

Видение 5 - Кружа возле заветного дома...

Кружа возле заветного дома,
 ВОроны небосвод заполняют,
 Багровый, выстрел как Купидона...
 Часы полночь неловко звенят.
 Луна красная на посту словно.
 Банкомат даме выдал банкнот.
 Противоядьё, что в спасении виновно -
 Последняя аптека продала последний антидот.

Я знаю, что ты дома.
 Хорошо. Свежо.
 С тобою кто-то есть? То не чужо ("Тихо!").
 Ещё недавно мы
 Клялись в любви, на крови -
 Под крики гостя имя назови ("Молчи!").
 За изменников дела
 Не плачу, не молчу.
 Я знаю, больно, но я так хочу ("Заткнись!").
 Право тут не решение
 Ничьё, а ружьё...
 Так, отрывайся, впусая во-ро-ньё!

Свидетелей, следов не может быть,
 Когда любовь продолжит дальше жить...

Ты реальности в жизнь не узнаешь,
 Ведь ты крови вида боишься,
 Похвалу к себе лишь принимаешь,
 Страх преодолеть не стремишься.
 Реальность же вот - за окном.
 Под себя прогнёт всех словно Халк.
 Начнёт, стоит лишь бросить дом,
 А твой труп не найдёт катафалк...

В субботы ночь по плану
 Сворачивать, умерщвлять.
 Я здесь ещё раз в оборот нас взять ("Тихо!").
 Гость отлучился, в власти
 Ты моей - скорей:
 Давай же вспомним мы огонь тех дней ("Молчи!").

**Элина Фрайман «Фантазмагория или Предстмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

Внутри ворвался жар,
 Сломал замки, вопреки
 Судьбы законам, жизни коротки ("Заткнись!").
 Кто-то стучится:
 Твой гость идёт, не поймёт.
 Что?! А кровь твоя течёт!

Свидетелей, следов не может быть,
 Когда любовь продолжит дальше жить...

Аутро 2 – Жалость

В ликёре кровать,
 И от боли не встать -
 Нет смысла скрывать,
 Что тебе наплевать.
 Ты можешь хотеть
 Так и дальше реветь,
 Только правду ответить:
 Что ты хочешь иметь?

Пока ты, умоляя, зовёшь,
 Знай: слезами меня не возьмёшь...

Слушай: мне не нужна твоя жалость -
 Уж ругай, а не пусто хвали.
 Злость, а не фальшивая радость,
 Мир захватит весь в "красках" Дали...

Лицо покажи
 Своё, полное лжи -
 Просто дальше держи
 За спиною ножи.
 Тут же масок среди
 Саму суть разгляди:
 Эй, твой "бал" позади!
 Взяв корону, уйди...

Можешь плакать "моя жизнь - г*вно",
 Но вот мне, как и всем, всё равно!
 Не получишь ты от меня жалость -

То притворство ужаснее муки.
 Лицемерие - худшая пакость...
 Убери от меня свои руки!

Интро 3 - Последний глоток боли

Выйдешь на балкон вдруг перед самым сном
 И с него глядишь, как будто стоя на обрыве,
 Не имея ничего: лишь кружку кофе с молоком,
 Пистолет и нервы - те, что чудом не на срыве...

Расположившись меж влечением и смертью,
 Я получаю вновь удар как грозной плетью:
 Какого чёрта означает "порыв страсти",
 Когда любовь сродни товару продают на части?

Последний глоток боли и последняя попытка мести,
 Последняя та кружка кофе и последний выброс эндорфина
 В обществе, погрязшем в грязи, потребительстве и лести,
 Масках, лжи, не просыпаясь в миг без кофеина...

Пробыв сознательную жизнь без "постоянного",
 Тут понимаю, что среди других ничем не выделяюсь
 И раскрыв глаза от того чувства окаянного,
 Из города на угнанной машине разгоняюсь...

Видение 6 – Homesickhome

К сожалению, мечтаю лишь о том,
 Чтобы родиться не в том месте, не в то время,
 Где было суждено, не называть то место "дом"
 Чтoб не нести отбросов, смрада бремя...

За суетой столицы, за рабочей беготнёй,
 Автобусы едва где ездят и не ходят поезда -
 Один посёлок там сравнивали в раз с землёй
 По "справедливому" решению суда.
 Затем отстроили тому ж суду в угоду -
 Грязь мегаполиса теперь здесь оставляют,
 Яд, выбросы отдали нашему заводу -
 Что он, что жители тут атмосферу отравляют.
 Здесь на посёлок весь одна лишь школа,

**Элина Фрайман «Фантазмагория или Предсмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

Два магазина, а дома стоят на честном слове -
 Тюрьма его перину словно распорола,
 Здесь никого не испугаешь видом крови.
 Там, где намеренья благие все гниют в помойке будто.
 Там, где живут по воровским законам словно звери,
 А у людей и на душе, и в жизни пусто -
 Кого ещё, как не меня, оттуда вы увидеть захотели?

Оглядывая "дом" без жалости через стекло то ветровое,
 Я проезжаю дальше - и нигде не задержусь.
 Пусть даже и не нужно мне другое,
 Но в это место, уж поверьте, я и в жизни не вернусь...

Видение 7 - Проверка прочности

Почувствуешь сарказм в одном моём дыхании?
 А раздражение, когда к тебе я подойду?
 Ты не можешь меня больше игнорировать...
 "Проверка прочности" - издёвка уж в самом названии,
 Если меня не уберёшь, то я и не уйду,
 Ведь я люблю таких, как ты, испытывать...
 Напомню я, что наша жизнь пуста,
 Что тех, кого не будет рядом в горе, океаны,
 Ведь твоё эго так легко задеть...
 Я собираюсь надавить на твои слабые места,
 Разворошить твои больные раны,
 Увидеть только чтоб, как корчиться ты будешь и реветь!

Давай же, целься и спускай курок -
 Свой только так усвоишь ты урок,
 Что я - не ты, и я не увернусь.
 Стреляй же - убедись: тебя я не боюсь...
 Когда же от потери крови вдруг согнусь,
 Ты заметишь, что я лишь смеюсь!

Ты твёрдо веришь, что проснёшься завтра,
 Что будешь, как и прежде, ты рассвет встречать?
 Что ж, твою спесь я вызываю на дуэль...
 Я покажу, что горькою бывает правда.
 Тебе так умереть уж слишком просто: тут нам нечего терять...
 Заставить сдаться и склонить колени - моя цель!
 Давай же, целься и кончай со мной:

**Элина Фрайман «Фантасмагория или Предсмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

Из нас не будет жить один, пока живёт другой,
 А кто останется, дадим проверить нОжу.
 Давай, стреляй - ты и того не можешь.
 Я действую, пока ты убежать всё хочешь.
 Да, верно: что и раньше, делать я продолжу...

Видение 8 - Игра на смерть

Вот и пробил ваш час... Я приветствую вас
 В игре, из которой нет выхода.
 Вместо того, чтоб судить, можно было б убить
 Просто так - МНЕ какая в том выгода?
 Вашу решит жизнь другой, как и было со мной,
 Когда вы меня выдали копам:
 Всегда проще сбежать, чем ответственность брать
 За хождение к цели по трупам!
 Бензину дайте огня, как суду дали меня -
 Протянуть лишь достаточно ногу.
 Ждёт победителя смерть, второй будет гореть.
 Рай или ад? Выбирайте дорогу!

Нет СЕБЯ спасти ресурсов:
 Я не Крамер и не дам вам шанс.
 Избавитесь от фальши грузов,
 Себя лишь встретив без прикрас.
 Бог ведь ненавидит трусов -
 Жаль, поняли то лишь сейчас.
 Жизнь предложила кучу курсов.
 Только, правда, не для вас...

Расскажу вам ещё: в тюрьму я сяду за всё,
 Что творю - моё это решение,
 Да снизошла благодать вам страданий не зная,
 За других заплатив преступление,
 Быть среди обещал, за что не совершал -
 Правосудия здесь не достану.
 Кто жив, кто убит, пусть же свечка решит,
 Волю даст справедливости плану...

Аутро 3 – Советники

Раньше вместе делились секретами -
 Теперь ты меня кормишь советами,
 Чтобы как-то убить одиночество...
 Мне не нужно твоё больше общество!
 Красотою в жизнь не отличалась,
 Для других быть хорошей старалась.
 Что заставило так поступить,
 Ты не знаешь, но хочешь учить...

Советники - идите к чёрту!

Ты спросила - и я отвечаю,
 Но не слышишь меня, понимаю.
 Говорю всё по сути я дела,
 Пусть не то, что ты слышать хотела...
 Удивлённо поднимешь ты бровь,
 Тут же скажешь, что в вере любовь:
 "Исповедуешь правду не ту
 Или страшно признать правоту?"

Советники - идите к чёрту!

Даже сидя тихо-скромно в баре,
 Говоришь, с кем надо быть мне в паре.
 Что же, тогда я пиво залпом допиваю
 И пустым стаканом насмерть забиваю...

Советники - идите к чёрту!

Интро 4 - Хочу быть снова бунтарём...

Хочу быть снова бунтарём:
 Хочу опять тех пьяных драк.
 Орали с другом чтоб вдвоём:
 "Директор школы наш - м*дак!".
 Разборок жду на гаражах,
 Чтоб нас ловили "мусора",

Чтоб собираться впопыхах,
 Надев все в поте свитера...

**Элина Фрайман «Фантасмагория или Предсмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

Чтоб убежать далеко и надолго,
 Чтоб орлом лететь вольно и ловко...
 Хочу опять быть бунтарём,
 Пока брат чистит свой пиджак...
 Тоска и скука нипочём:
 Не обуздать мой пыл никак.
 Из головы был прогнан царь
 Хочу чтоб. И тогда я вновь
 На крыше крикну: "Я - бунтарь!" -
 И снова страстная любовь..

Чтобы снова зажить беззаботно,
 Я жду снова стать вздорным охотно...

Видение 9 - А как иначе?

Холод. Ну, а я пытаюсь убежать,
 Потому что дождь пришлось с голодной одиночкой переждать.
 Ей без мужа грустно стало в ночь -
 Вот, имея для того возможности, я и решаюсь ей помочь...

Я - тебе, ты - мне - взаимовыгодный обмен.
 Тебе нравлюсь? Что ж, тем паче!
 Я беру - а как иначе?

Спит дама сладко. А я тихо ухожу,
 "Спасибо за ночлег! Приятно было!" - я в записке ей скажу,
 Кем-то печатанной, конечно: коп найдет.
 Да кто же знал, что утром дама та меня искать начнёт?!

Оставь меня в покое: муж твой дома ведь давно.
 В том, что было безупречно,
 Мне вина?! Ну, уж конечно!

Дни идут, недели - ищет встречи та со мной.
 После раздумий я на месте: муж узнал, что было ночью той!
 Верней, от рюмки даме развело язык -
 Поэтому и нажимаю в револьвере я на пуск клык!

За что кровь снова на руках? Влюбилась та в меня!
 Не исчезни муж тогда -
 И нет меня... ну, да!

**Элина Фрайман «Фантазмагория или Предстмертный бред убийцы
 Введение в сущь происходящего»**

Видение 10 - Туши пламя огнём

Друг, ты так в себе уверен, в том, что лучше всех.
 Как я, "аутсайдеров" ты поднимал на смех.
 Героя строишь из себя, но страх в нутре твоём
 Виден. Не твои ль слова "туши пламя огнём"?
 Ты легко ломал так жизни - этим и гордился,
 Муки ада станут раем, адом - где родился.
 Звать на помощь ты б пытался, раз благоразумен.
 Утром новость прозвучала: "Слышал, что ты умер?"...

Вот уже бежишь к папаше, плачешь, чтоб простил,
 Хотя недавно ты считал, что всё тут проплатил!
 Видя: о пощаде молишь, он себя б спросил:
 "Эти слёзы - точно то, что ты заслужил?".
 Что, ты за спиною только быть умеешь смелым?!
 Очеркну от трусости твоей себя я мелом.
 Бесплезно подкупать. Ты, даже сев в свой "бумер",
 По радио услышал бы: " а знаешь, что ты умер?".

Мне есть что скрывать, однако из себя не строю
 Невесть что, пред "старшим" когда пляшешь ты порою.
 Что же, пляши так дальше, ты танцор неугомонный,
 Потому что утром ты узнаешь, что уж мёртвый...

Интро 5 - Оставь меня

Не жди губ и подарков,
 И что мир станет ласков -
 То узнаешь, что не стоило б врагу.
 На жалость не дави мне,
 Глупа, наивна - уж поверь мне,
 А я терпеть "детишек" не могу!

Я тебя прошу - оставь меня!
 Казалось мне, что ты - моя...
 Просто исчезни и спаси меня
 От своего вранья...
 Ты не увидишь, как страдаю я!
 Легко сыграла проститутку,
 Всё обратив, что было, в шутку -
 На коленях рада видеть ты меня?!

Так врать, как ты - искусство...
 Вынь из меня все чувства,
 Иначе то же с тобой сделаю и я!

Я умоляю лишь - оставь меня!
 Думалось: ты - судьба моя...
 Просто, уходя, спаси меня
 От сомнения...
 Что ты увидишь, как страдаю я!

Видение 11 - Жалости свет

Ночью слыша стук мой в дверь,
 Ответь: ещё меня ты помнишь?
 С кем, зачем, кто ты теперь?
 "Как дела?" - меня ты спросишь?
 Кто он..? Ср*ть, раз он с тобой,
 То он меня, наверно, лучше...
 Тебя он любит день деньской?
 Нет? Ну, что ж, могло быть хуже!

Зря просишь жалости ты свет:
 Как я тогда - таких здесь нет.
 Такого ты ждала пути?
 Что дам я просто так уйти?
 Подумай: ты наверняка не можешь знать...

Меж нами время заберёшь -
 И будешь с теплотой лелеять?
 Иль тут же грязью обольёшь?
 Ибо нельзя мне больше верить...
 На помощь можешь звать, вопить,
 Но я сейчас всё стерегу:
 Раз уж с тобою мне не быть,
 То овладеть вполне могу...

Зря пониманья ждёшь в ответ:
 Я не я больше - весь секрет!
 Такого ты ждала пути (от меня)?
 Что просто так я дам уйти (от огня)?!
 Ещё подумай: ты того не можешь знать...
 И я тоже!

**Элина Фрайман «Фантазмагория или Предстмертный бред убийцы
 Введение В суть происходящего»**

Аутро 5 – За тысячу миль...

Ночь. Темно.
И никого -
Пока не о тебе
Мысль пройдёт,
Перевернёт
Всё, знаю что о себе...
Что со мной?!

Всё пылает; не пойму я, куда от огня себя того деть.
Я брожу, словно лунатик, потому как спать я не могу лечь.
Просыпаться надо рано, но лишь две вещи меня усмирят,
Обращаюсь ко второй - и погружаюсь в сон десятка котят...

Мне бы к первой обратиться скорей, но ты за тысячу миль...
Но ты за тысячу миль...
Я хочу, чтобы день так не кончался: ты за тысячу миль.
Ты за тысячу миль!

Я клянусь "этого вновь не произойдёт", но опять выхожу
Я на улицы, под дождь - и только так покой себе нахожу!

Мне хотелось бы так не поступать, но ты за тысячу миль...
Ведь ты за тысячу миль.
Я не хочу этого делать, пойми, но ты за тысячу миль...
Да, ты за тысячу миль!

Кровь и рвота,
Белье - охота...
Ну, неужели опять?!
Лужи, стекло -
Мне повезло
Снова на воле гулять...
Что со мной?!
Мне к другому обратиться б скорей, но ты за тысячу миль...
Но ты за тысячу миль...
Я хочу, чтобы день так не кончался, но ты за тысячу миль.
Ты за тысячу миль!
Мне хотелось бы так не поступать, но ты за тысячу миль...
Ведь ты за тысячу миль.
Я не хочу этого делать, пойми, но ты за тысячу миль...
Да, ты за тысячу миль!

**Элина Фрайман «Фантасмагория или Предсмертный бред убийцы
Введение В сущь происходящего»**

Интро 6 – Я С ТОБОЙ

Я знаю, что дни и получше бывали...
 Мы с тобой тогда под зонтами гуляли,
 И плачешься на плечо до разговора:
 "Не смогу вынести я такого позора!".
 То одно различимо лишь было меж стонами -
 Мы одни вместе в серой толпе с телефонами...
 Даже так анонимом никто не останется -
 До виновника слёз твоих дуло дотянется...

Те ответят за дела,
 За ту боль, что ты прошла.
 Думали, что с рук сойдёт
 Унижение - не пойдёт:
 Обидчик твой не уйдёт...
 Я с тобой!

За лицо тебя мокрыми беру руками,
 Обнимаю: не их дело, что между нами.
 За то, что ты со мной, тебя "падшей" назвали.
 Что не стоило лезть сюда - те и не знали!
 "Я с тобой - и не нужен никто" - повторяю.
 Эту грязь, уж поверь, я им так не оставлю!
 Если чтоб успокоить, снова надо убить -
 Что ж, тогда я могу повторить...
 Те ответят за дела,
 За ту боль, что ты прошла.
 Думали, что с рук сойдёт
 Унижение - не пойдёт:
 Обидчик твой не уйдёт...
 Я с тобой!

Каждая тварь ответит за каждое слово,
 За всё, про тебя что сказала плохого...

Видение 12 - Не будь в мире вообще никого...

Загляни в глаза те,
Где не виден больше свет...
Ляг на плечо мне,
Тепла в котором больше нет...

Обещались идти до конца,
Но теперь ты стоишь у венца!

Не будь в мире вообще никого -
Переверну вверх дном я его...
Не останься там затем ничего -
Сожгу дотла тогда я его (ведь ты не нужна мне больше!)

С женихом встань вместе -
Страх зрачки расширит глаз...
Целуй ладонь невесте,
С которой ты в последний раз...

Оглянувшись, готовлюсь к стрельбе:
"Как можно было поверить тебе?!".

Не будь в мире вообще никого -
Наполню до краёв желчью его...
Он кипит - я ж после всего,
Изрыгнуть чтобы, выпью его (так и сделаю! Клянусь, так и сделаю!)

Стражи закона -
Я на "горе" стою без слов...
Слуги закона -
Что ж, меня куйте в цепь оков...

Ибо бежать всё время нельзя...
И никак - от желаний себя!

Ведь не будь в мире вообще никого -
Я утоплю в своём горе его!
Не останься затем ничего,
Выблевать чтоб, я выпью его (так и было б! Клянусь, так и было б!)

Видение 13 - Выпускной

Выпускной...

То был простой бокал,
Когда затем кто-то позвал,
Уверая, что мы здесь одни...

Выпускной...

Удар по голове,
Батарей... всё как в пелене
Кроме того, что шли ОНИ!

В первый раз всегда больно, значит?
Кто-то смеётся, кто-то плачет...
До твоих "прости" уже нет дела,
Раз ты стояла и смотрела.
Не буди лихо, если оно тихо...

Выпускной...

Слёзы и укол стыда.
Вернёмся мы с тобой сюда...
Объясни, за что ты так со мной?!

Выпускной...

Поцелуй. Счастье и боль,
Как ты и любишь. Вновь и вновь
За них я разберусь с тобой...

Я плохо себя веду, как замечаешь...
Что ж ты меня не воспитаешь?
Отдайся, как и я, испугу,
Раз мы с тобой нужны друг другу...
Покажи свой страх - открою свой!

Выпускной... выпускной...

Ты меня навеки не забудешь...
Когда вечером дома не будешь!

Аутро 6 - Как под дождём

Августовский дождь...
 Не доставай свой зонт, прошу...
 Августовский дождь...
 Так не беги - я подожду...

Августовский дождь -
 Яро, как о твердь бьёт вода.
 Августовский дождь,
 А рядом сад сух как всегда...

Августовский дождь -
 Честно, будто кровь на снегу.
 Августовский дождь...
 Вдохни жизнь, ибо я не могу...

Деревья и кусты в саду одеты в теплоту тонов,
 Цветы с росы блестят, но томно мне в саду твоём...
 Ты раскрываешь мне глаза, но я не вижу то, что быть должно...
 Я лишь хочу дышать свободно - как под этим проливным дождём!

Августовский дождь -
 Лучи ж сгущаются вокруг...
 Августовский дождь -
 Ведь солнце продолжает круг...

Августовский дождь...
 Пойми: не может то уже...
 Августовский дождь...
 Заполнить ту дыру в душе...

Августовский дождь -
 Бессмысленно, как лай собак...
 Августовский дождь -
 Всеобъемлюще, как ночью мрак...

Я отвожу тебя к обрыву: ночь зажигает фонари,
 И ветер разыгрался - снося всё на пути своём...
 Ты прячешься ко мне под куртку, хоть я и кричу: "Смотри" -
 Но не будет хорошо тебе, как мне под проливным дождём!

**Элина Фрайман «Фантасмагория или Предсмертный бред убийцы
 Введение в суть происходящего»**

Августовский дождь -
 Ни друг без друга, ни по одному...
 Августовский дождь
 В ночь подчеркнёт деревни тьму...

Августовский дождь...
 Старый путник подойдёт
 Августовский дождь...
 И гвоздику здесь найдёт

Августовский дождь...
 Гвоздику ту он не сорвёт...
 Августовский дождь
 С лепестков РОСУ смахнет...

Аутро 66 - Подальше отсюда

Только меня ты отпустила,
 Только безумие всё началось...
 Первый раз тогда меня простила,
 Когда то, могло что быть, сорвалось...
 Только ты (не надо злиться)
 Одна могла спасти от того ада...
 С тобою рядом находиться -
 И больше ничего не было б надо....

Забери меня...
 Забери меня отсюда поскорей...
 Не выдержи давления...
 Всего лишь дай мне сил... снести пустоту тех дней...

Знаю, со мною нет свободы;
 Ты говоришь, со мною сложно...
 По одиночке ждут невзгоды:
 Ты думаешь, со мной так можно?
 Если не я, тогда кто нужен -
 Тот, кто от зла укроет добротой?
 Тот, кто с ухмылкой фальши дружен?
 А ведь хотелось только быть с тобой...

Забери меня...
 Забери меня подальше отсюда...
 Больше нет терпения...
 Прошу лишь, дай мне сил... встать против ее гнёта...

Не вернуть проданный раз рассудок
 Как и чистой не стать руке, побывшей в грязи,
 Как не понять сытым голодных шуток,
 Как не зваться век "хорошим" мрази...

А ведь достаточно мне было твоего "да" -
 Другого счастья просто и не знать...
 Но не поверю людям больше никогда:
 Зачем ты заставляешь меня так поступать?!

Лучше забери меня!
 Забери меня отсюда навсегда...
 Я и не жду прощенья...
 Я лишь скажу: не уходи... иначе ждёт беда...
 Тебя и меня, меня и тебя... иначе ждёт беда...

****

Пульс замедляется. На кардиограмме появляется изолиния. Вместо ритмичного пика появляется пронзительный и противный звук, который может оповещать только одно. Правильно, клиническую смерть пациента... однако даже при новых попытках, кубиках и уколах адреналина и уже использованных электромагнитных импульсах и даже так называемом "массаже сердца" новых видений от подозреваемого получить не удалось. Спустя несколько дней пациент N скончался, так и не выходя с того момента из комы... успели ли доктора записать что-то из его рассказов? Нашло ли следствие того, кого искали? Смогут ли теперь закрыть дело по причине смерти "виновного" - или продолжат искать, потому что вина так и не будет доказана? Это уже будет совсем другая история...

Екатерина Аполлонова

Из книги «#письмо_блокнот Прочитай. Ответь»

1. Устроились удобно или совсем неудобно. Листаем эту книгу в общественном транспорте: здесь люди и духота. Или читаем зарисовки за столиком в прохладном кафе с негромкой музыкой. Чай уже принесли. Или на балконе с видом на море, на горы. Может быть, в машине, стоящей в пробке или мчащейся по трассе. Вечером на диване в тихой комнате, днём за письменным столом, утром на подоконнике.

Где-то сегодня нас застала эта заметка.

В руке, в кармане, рядом с нами карандаш или ручка. Я люблю мягкие, марающие карандаши или ручки с тонким стержнем. Что нравится вам? Берёте первое попавшееся «перо» или, как я, тщательно подбираете? Мелочи в нашем деле имеют значение. Ведь мы вот-вот начнём друг друга рассматривать, пристально вглядываться в детали, чтобы с чего-то начать диалог.

Это как писать письмо незнакомцу. Мы подносим ручку к бумаге: «Сегодня необычный день, Катя...».

Что дальше? Вглядываемся в сгущающийся от нашего волнения воздух, делаем глубокий вдох, мягкий выдох. Вот она, первая попавшаяся мысль. Она может показаться глупой или ненужной. «Да зачем вообще о ней рассказывать, что в ней такого?» Но мы попробуем. Вдруг что-то раскроется. Обсудим.

Мы не привыкли вглядываться пристально в пространство. Но мы попробуем. То есть мы сделаем. И сделаем это прямо сейчас.

Заметка 1

«Навстречу мне шла женщина, гружённая тортами. Именно гружённая... Сутулые плечи, смятая грудная клетка, тяжёлые руки.

Она прошла мимо, загрузив и меня. Не тортами, но первой строчкой этой зарисовки. Я начала искать глазами скамейку, чтобы присесть на неё и, записав свалившуюся на меня спонтанную ношу, освободиться от неё.

Вот если бы в городе через шаг стояли лавочки, чтобы любой желающий смог вынуть блокнот, ручку и запечатлеть мысль, ассоциацию, пришедшую внезапно от любого спонтанного образа. Ничего подобного рядом не оказалась, и я устроилась на ступеньках магазина, куда планировала зайти после. Мне повезло, что на улице тепло.

Что я думаю о женщине с торто-грузом? Она совсем не излучала радость. У меня ещё где-то сохранились зыбкие детские ассоциации, что торт – это радость. Много тортов – много радости. После такой картины они рушатся окончательно. Тортов много, но радости не было совсем, только ноша.

Куда она с ними? На службу? Чувство долга? У неё день рождения, и ей обязательно нужно... даже думать об этом не хочу. Мои родители в детстве никогда не покупали мне конфеты на всю группу в детском саду или школе. И мне не было стыдно. Более того, я думала, что раз праздник у меня, то покупать всё нужно для меня, а не для других. Теперь думаю иначе: покупать сладости и прочие радости нужно только тогда, когда хочется. И не огромными порциями, а такими, которые нужны именно сейчас.

Это и есть богатство и изобилие: позволять и делать то, что воистину хочется, тогда, когда хочется, и для тех, для кого хочется. И, конечно, делать это не из чувства долга, а из наслаждения, предвкушая что-то волшебное, приятное...»

Запишите, пожалуйста, что пришло сразу после прочтения

2. Мне нравится писать от первого лица. Я перекладываю всю ответственность за переживаемое, пережитое на себя. В первом лице я могу критиковать, осуждать, оценивать, сколько мне заблагорассудится, и не бояться быть за это осуждённой.

В первом лице и советы звучат иначе: мы советуем не кому-то, мы советуем себе. Другие будто бы наблюдают за нашими процессами со стороны. Свидетели наших диалогов с самим собой.

В первом лице, если употреблять его во множественном числе, мы не стесняемся даже хвалить себя, поощрять добрыми словами и окутывать тёплой заботой. Магия письма в первом лице: можно быть до конца честными и не бояться встретить сопротивление.

Первое лицо — это я и про меня. Иногда я присоединяю себя к группе людей, но не исключаю себя из неё: не пишу вы, они, им, пишу — я, мы, нам.

Рассказывать на письме только о себе, приводить свои примеры, передавать свою жизнь — эгоистично ли? Самолюбование ли? Самодовольство ли?.. У меня были предположения на этот счёт, пока мудрая подруга не написала: «Я читаю о тебе, Катя, но как будто бы про себя».

Дело в том, что наши процессы зачастую сходятся: прожитый одним человеком опыт легко проявляется и на личной карте жизни. Или наши переживания с автором совпадают, даже если процессы разные. Или каждый видит в тексте и под текстом то, что ему нужно именно сейчас. Текст лишь провокация...

Заметка 2

«Наши творческие проекты имеют ряд особенностей: долгожданное начало, мучительное продолжение и несвоевременное завершение. И я сейчас не о сорванных сроках. Я о том, что, завершаясь, творческий проект забирает с собой частичку нас. Это как выросший ребёнок, который забывает позвонить.

Всё ясно – у него своя жизнь. Ему уже не до нашей... И это правильно. Ведь именно для этого мы его и растили: чтобы пошёл жить своей жизнью.

Итак, сразу два моих творческих проекта завершились. Горизонт не пуст: ещё несколько идей и предложений ждут меня, а несколько вот-вот завершатся. Мне почему-то хочется, чтобы в природе, в моём пространстве существовали ещё какие-нибудь креативные находки. Те, о которых я пока не догадываюсь, но развивать которые мне будет очень приятно и интересно.

Чего и всем творящим желаю: чтобы, завершаясь, один творческий процесс провоцировал новые. Мы чахнем без чего-то свежего. Пусть даже вне нашего графика и образа жизни. Пусть даже выше планки наработанного опыта – тогда нужно чему-то ещё обучиться, что-то прочитать и испытывать первое время дискомфорт от незнания, и проживать иллюзию «завала».

Вот это и есть настоящее развитие. Согласны? И не всё оно приходит через боль и страхи, как сейчас популярно утверждать в эзотерических кругах. Развитие рождается также из любопытства, из жажды познавать жизнь.

Но я пишу эти строки из страха. Признаюсь вам. Боюсь быстрого наступления «отходняка», который обычно бывает после окончания чего-то большого и сложного: состояние опустошения и где-то приятного бессилия, которое буквально заставляет остановиться. Постродовая депрессия... только посттворческая».

Здесь мне хочется сказать, что...

3. Ситуативные заметки, записанные на эмоциях, переполненные чувствами, так интересно перечитывать спустя какое-то время. А как, интересно, они воспринимаются людьми, которые не были в тот момент в описываемой ситуации. Кто не пережил то, о чём рассказывает автор.

Какие картинки рождаются у них? Те, что в описании, или свои? Возможно, такие, которые не относятся к прочитанному, но близкие по колебаниям переживаний.

А как же быть тем, кто отказывает себе в ярких чувствах и эмоциях? Кто заблокировал себя по всем фронтам и живёт в «чудесном» ожидании скорого взрыва внутренней бомбы. Они притупили в себе чувства и реакции. У них есть на то причины: они на сложной работе, они в тяжёлых отношениях, они не справляются, просят помощи у алкоголя и табака, которые хоть на время дают иллюзию расслабления. Что чувствуют они, читая эмоциональные заметки? Что их купают в словах? Что они теряют время, продираясь сквозь строки и абзацы? У них в голове пульсирует: «Ну, поженились?»; «Ну, она его убила?»; «Ну, чем кончилось-то дело?»;... А ничем не кончилось. Мы просто что-то проживаем, и нам это нравится.

Перечитывая эмоциональную зарисовку, мы или погружаемся чувственно в новое, похожее переживание или возвращаемся в прежнее. Улыбаемся, хмуримся или держим благоговейное успокоение. Живём.

Заметка 3

«Попасть под ливень. Именно ливень. Стеной поток. В конце мая. Как у Тютчева. Только он любил грозу в начале мая, а я попала в конце. И не люблю. Может быть, любила бы, если бы не попала под неё...

Со мной бумажный пакет, в котором ценные вещи. Я укутала его дождевиком, чтобы не намокли, пока бежала до такси. И сейчас я в такси, мокрая с сухим пакетом.

Пишу. В окно посмотреть боюсь. Там стихия бушует. Машина ходит ходуном. Но мне не страшно. Она же не самолёт. Тряска почти не мешает мне писать. Твёрдо держать «кисть» я научилась, ещё когда в художника играла. «Не страшен и девятый вал...»

Весь этот ливень и экстремальная дорога ради встречи с хорошим человеком. Мы познакомились при обстоятельствах приближающейся смерти, где в итоге жизнь победила. И теперь мы близки. Нам хорошо вместе. И дело не только в общем пути от могилы прочь. У нас просто душевная близость. Таких людей не нужно удерживать искусственно. Им не надо часто звонить, писать «как дела?» или быть в курсе их личной жизни.

Мы просто друг у друга есть, и этого достаточно. А повод встретиться – всегда подарок. Даже в ливень. Даже по делам.

Кстати, дождь перестал...

А у вас?»

Ещё во время чтения я почувствовал...

4. На письме мы можем себе позволить признаться в личных слабостях или переживаниях. Да, нам бывает страшно, что подумают или скажут люди. Какотреагирует «общественность». Особенно в самом начале нашего творческого пути...

Интересно, а «общественность» - это сколько людей? Все те миллионы, которые нас читают? Чувствуете иронию? Нас читают несколько сотен, ну пусть тысяч человек. Разве могут они все вместе, хором встать и покинуть зал, если мы облажались громко в микрофон? Наверняка кто-то из них в это время читал смс от интересного человека и просто прослушал, где мы «пустили петуха». А кто-то из принципа скажет: «Ну и что тут такого? Отчего все так взбунтовались? Я остаюсь!» Оппозиция на оппозицию. Забавное явление.

Нужны ли нам те, кто чуть что готов нас осудить, выразить своё ранящее нас ненужной правдой мнение. Те, кто хочет от нас сразу всего правильного, идеального, чёткого. Кто не даёт нам права на ошибку и поэтапное развитие (если только это не мы сами).

Кто нас осуждает в первую очередь? Кто первый «говорит», что что-то не так, не то, не про то... если двигаться не из привычки, не из инерции, а понаблюдать за реальным Критиком... он начинается в нас. И мы боимся не

людей, а себя. Мы боимся, что сами себя разочаруем, не поймём и устанем редактировать, шлифовать свою личность или тексты. Мы устали от работы над собой, а ещё и рукописи эти... наверняка там «как обычно» (кто это говорит?) какая-нибудь лажа.

Хорошо. Здесь ясно. Как всегда и везде, нужно начинать с себя... Что именно делать? С чего именно начинать?

Поделюсь способом, как проверить, насколько высока вероятность, что общественность отреагирует на наше творчество остро, ярко, болезненно для нас. Осудят ли. Попросят ли срочно исправиться или пригласят, сложив руки за спиной, проследовать за ним (за обществом) в специальное заведение, где у нас будет право хранить молчание.

Как проверить? Представим, что это текст не наш, а чей-то ещё. Перечитаем его с ракурса отстранённого наблюдателя. Лучше всего вслух. И ещё разок - на диктофон. Послушаем.

Послушали? Хочется осудить? Хочется поспорить и поставить автора на место? Да? А что нужно поправить? Мы можем сделать это сейчас, не сжигая рукопись. Может быть, дело в одном-двух предложениях. Они лишние или, наоборот, недосказанные. Уберём. Добавим. Перечитаем.

Теперь всё гладко? Размещаем! И, если текст, который в нас звучит благостно, всё-таки провоцирует нежелательную рябь по воде, зададим себе новый вопрос: эта «рябь» мне для чего? Ведь практически всё, что есть в нашей жизни, выгодно нам. Чем же?

Заметка 4

«У вас бывает такое, что, читая книгу, влюбляетесь в главных героев противоположного пола? Или чувствуете, что ваши жизни с персонажем чем-то схожи?..

Недавно у меня был случай. Я читала книгу и будто бы повторяла за героиней, кивая её мыслям: «Да, и я так же думаю», «И я так же чувствую», «Я так же поступаю, так же делаю»... а она потом «хлоп!» – и диагностирует у себя глубокую депрессию. Это значит, что и у меня она же? Ещё несколько дней назад я была уверена, что у меня всё «штатно», всё в норме. А оказывается?..

Ничего не оказывается.

У всех разная жизнь и разные психические процессы. И, какие они именно - не имеет значения, даже если мы решили сами себе помочь и для первого шага выяснение «диагнозов» или имён личных процессов просто необходимо. То есть это кажется необходимым, но на самом деле это не так.

Чтобы помочь себе, надо просто продолжать двигаться по выбранному пути и пристально смотреть по сторонам, замечая то, что предлагает жизнь каждый день. Она делает это именно с такой периодичностью – каждый день. Ведь жизнь не знает, когда именно она закончится, и потому на всякий случай делает всё по полной каждый день.

Двигаться, делать, замечать – жить.

Остановиться, перестать что-либо делать - тоже жить».

Эта заметка курьёзная или грустная? Что вы почувствовали...

Екатерина Чалухина

Этюд о скорости

Город почти уснул. На улице темно и пустынно. Редкие окошки светятся желтыми огоньками. Сколько раз, сидя у своего окна, мне хотелось... И вот....

Я уверенно спускаюсь вниз по ступенькам. Гулко хлопает дверь подъезда. Он ждет меня... Несколько шагов разделяет нас... Мой мотоцикл. Жму педаль газа. Еду. Скорость.

Как же желанна и необходима она сейчас. Конечно, лучше бы промчаться на коне по улицам родного города. Но... Скорость. Синий блестящий шлем. Забыла. Ветер же все равно закладывает уши. В груди возникает дрожащий холодок. Стучит, бьется живое сердце. Я мчусь. Мелькают улицы, переулки – знакомые и незнакомые, появляются и исчезают одинокие прохожие. Поздно. Очень.

Я убегая... У меня все получится. Вот она впереди – снежная, белая дорога. Не понять: снежинки ли жгуче остры или капли дождя замерзают на полпути к земле. Питерская погода не предсказуема. Я убегая от отчаяния, суеты, бессмысленности... Только скорость. Мчаться и ни о чем не думать. Мыслей просто нет, никаких, на такой бешеной скорости им меня не догнать. Холодно, но не страшно. Азарт... Погони ли, бегства ли?

Но вот город и позади. Дорога петляет по лесу. Сосны, ели в снегу и хрупкие, тонким черным грифелем нарисованные березы. Снег. И ничего впереди. Вдруг резкое торможение. Все на миг исчезает, так как нет скорости. Зато есть небо и звезды. Вот они, совсем близко... Близко, но хочется кричать... Безмолвно кричу им то, что никогда не услышат люди. Почему все именно так? Звезды... Куда я мчусь, и почему так не хочется возвращаться? Куда ведет эта дорога? Вас миллионы и вы знаете ответ. Я на это надеюсь.

Миллионы... Одна, неожиданно, как бы отвечая, засветилась ярче других. Синяя звездочка. «Вернись. Верь... Тебя ждут и, может быть, любят. Ты ведь сама все знаешь, все ответы на еще не возникшие вопросы. Ведь родился же Кто-то. Слышишь, знаешь...», – шепнула мне звезда. Ласковый шепот, нежный как поцелуй. Шепот синей звездочки разбудил меня, и я проснулась, улыбаясь.

Бабочка в рюкзаке

«Тосковать по кому-то равносильно желанию начать жизнь сначала...Тосковать замечательно. Тосковать очень больно».

Иселин К. Херманн.

Интересно, какой она будет... Наверно... Когда ступаешь по черно-земляной тропинке, по краям своевольная, нескошенная трава, стопа даже через обувь ощущает теплоту и мягкость земли. Приятно прогуливаться не торопясь. Идешь, ждешь чудес и думаешь: «Боже, подари мне маленький сюжет».

Навстречу шагает веселый парнишка с рюкзаком за плечами. Рюкзак разноцветный, в нем много всякой всячины: цветные шарики Бикета, черный блестящий микроскоп, в который можно разглядывать имфузорию-туфельку, и бабочка. Желтая такая, солнечная. Хочется много- много солнца, как в старых зарубежных фильмах.

Бабочка – я. У меня всегда возникало непреодолимое желание знать, о чем думают люди перед тем, как заснуть, оставив все свои тревоги во вчерашнем дне. Теперь такое возможно.

Августовский закат. Садится солнце. Бабочка ведь может просто залететь в раскрытое окно и услышать. Интересно, что слышат бабочки?...

Вот в окне курносая девчушка, ее глаза смеются, заметив бабочку на подоконнике.

- Я совсем глупая, столько болтала, просто без умолку, но, кажется, ему было забавно меня слушать и завтра мы увидимся снова.

Ниже еще одно светящееся окно... Сиреневый свет ночника. Тихонько вспорхнула на край подушки. Молодая женщина лежит навзничь. Лицо тревожное.

- Он сказал по телефону, что возвращается завтра примерно к пяти, надо успеть заплатить за квартиру и приготовить крабовый салат, он его очень любит.

Вместе с дуновением ветра лечу в голубое окно справа. Забавная наволочка, вся в цирковых мишках: мишка с гармошкой, мишка с мячом, мишка на велосипеде. А вот и спящий кудрявый мальчуган. Сопит. Улыбается...

- У Димки такая классная пожарная машина. Но зато мы завтра с папой отправляемся в зоопарк посмотреть на жирафа.

Как же легко, воздушно... Форточка чуть приоткрыта. Вот он – край тяжелой портьеры. Худой усталый старик лежит на боку, правая рука спущена, большая ладонь, вся в дорожках морщинок, повисла в воздухе.

- Да, Ириша прислала фото внука на диске, только где ж найти тот компьютер, чтобы, наконец, увидеть, каким он стал теперь. Наверняка, подросток.

Окно настежь... Но из комнаты бьет тревожный, острый поток. Возле кипенно- белой подушки яркая глянцевая обложка любовного романа. В подушку лицом уткнулась еще нестарая женщина. Плечи ее вздрагивают.

- Ольга получила права, обещала привезти внучку. Но он-то, ее любимый Шурик, опять пьян. Не пошел сегодня на работу. Как он страшно кричал, ругался... Какие слова...

Не знаю, летают ли бабочки на дальние расстояния. Я бы полетела. Чистый синеватый воздух. Много сосен. Воздух как бы звенит. Свет в маленьком окне второго этажа. Молодой мужчина, с лицом юноши и бесконечно печальными глазами, сидит на табурете. Задумался. Все вокруг бело от листов, испещренных открытым бегущим почерком. Открыть окно, и звенящий, воздушный поток встретится с потоком мыслей, обрывками фраз, витающими в сигаретной серой дымке. Бабочка. Она так не вписывается в окружающее море тоски. А мне уже слышится знакомый чуть ворчливый голос: «Как же можно столько курить?.. Босиком, а пол холодный... Ну никто не побеспокоится о нашем мальчике».

Интересно, а если пролететь тысячи километров. Далеко за полночь. Ночь иссиня-черная, как вороново крыло. Воздух горяч и жгуч. Кусочек солнца, впорхнувший в комнату, никому не заметен. На диване прикорнул уставший хозяин. Чуть вздрагивающие веки скрывают карие глаза. Лицо даже во сне сосредоточенно. Всего несколько часов отдыха. Ранним утром снова закружит поток событий: неотложных дел, важных переговоров, судьбоносных или опрометчивых решений.

- Как же иногда нужен совет, просто произнесенное тихим голосом слово...

А ты знаешь, мне очень хочется позвонить, придавая тем самым значимость уходящему прошлому и настоящему. Но бабочки ведь не звонят по телефону, а лишь улетают в прозрачную синеву предраассветного неба.

Верь и научись слышать...

Никогда не узнаешь, какая строчка будет первой.... Три дорожки капелек дождя на стекле вагона напомнили мне, как же было горько – когда ты уехал. Как невыносимо больно было видеть тебя уходящим и слышать стук закрывающейся двери. Ты ушел, а мне опять осталась боль, боль нашей разлуки, острое ощущение одиночества.

И еще где-то глубоко остались звучать наши разговоры... И сейчас во мне звучит тот, самый главный вопрос: Ты Мне доверяешь?- спрашивает Бог. Ты говоришь, что главное в жизни - вера.

Так вот Я спрашиваю тебя второй раз: ты Мне доверяешь? Если да, то необходимо просто принять Мой подарок. Ты всегда просила Меня дать тебе любовь этого мужчины, но... Ты только доверься Мне и прими смиренно – что дарю тебе – любовь брата, доверие и помощь родного человека, понимающего тебя без слов, любящего тебя, но не так, как хотелось бы тебе, как тебе мечталось, а так, как дано судьбой, как научил любить тебя его Я. Ведь все в этом мире от Меня было. Значит, и эта дружеская привязанность тоже от Меня... И поверь Мне: в нашем сегодняшнем мире – это большая редкость и непреходящая ценность. Ведь он совершенно искренне сказал тебе: как дорого ему все то, что случилось между вами в эти 20 лет, вернее случилось в самую первую минуту его появления в твоём доме. Случилось родство душ, протянулась незримая ниточка – связь между вами, он понимает и чувствует тебя как самого близкого человека. Ты нужна ему почти также, как и он тебе.... Неужели ты не видишь, как он ответственен за тебя. И поверь Мне: он безоговорочно прав, говоря, что это для него намного дороже и интимнее, чем те не случившиеся поцелуи и объятия, о которых так плачешь ты, и в отсутствии которых, по-твоему, виноват Я. Поверь Мне: интимность не всегда присутствует в поцелуе и объятии. Гораздо интимнее и тоньше может быть несказанное слово. Или слово сказанное одномоментно, одновременно. Да, нет страсти, но ты же знаешь, как она мимолетна и зыбка в этом мире. Ты же видишь вектор ее направленности. Запомни, чадо Мое, Я даровал тебе вещь более прочную, чем страсть мужчины... Я даровал тебе: привязанность и ответственность передо Мною за тебя родного брата, которого забрал у тебя в раннем детстве. Эта та привязанность и необходимость друг в друге, которая не всегда случается и между супругами, долгие годы прожившими вместе.

От подарков отказываться грешно и ты, как никто другой, это знаешь, так что прими его и живи счастливо и, если можно, то без горьких слез и обвинений в Мой адрес. Если ты веришь, то научись доверять Мне, слышать Меня, а не только свои желания и мечты. Они зыбки и ненадежны, даже длящиеся годами, а Мои дары рассчитаны на вечность - запомни это и будь счастлива насколько

возможно в созданном Мною мире. Слышишь: научись быть сестрою, ты же была ею... И, если можешь, то не задавай Мне глупых вопросов: почему и за что? Я тебе все объяснил, и ты все поняла, только прими теперь это понимание, а с ним придут счастье и душевный покой. Будь покойна и счастлива рядом с ним. А Я буду рад слышать благодарные молитвы умиротворенной души и понимать, что опять угадал с подарком... А упреки.... Что ж их так много в Мой адрес.... Будь умнее и не посылай Мне их, они разрушают только тебя. Верь и научись слышать!

Неожиданное знакомство, или Как убить серость и усталость от жизни

Я скучаю по тебе,
 Как пустыня - по снегам белым.
 Я скучаю по тебе –
 Что уж тут поделаться...
 Казалось бы, ну что скучать? Пройдёт всего неделя,
 И всё вернётся на круги своя -
 Домашние дела, друзья, работа на пределе,
 А, в общем, жизнь вполне обыкновенная...
 ТРОФИМ

Вот села писать, а хочется набрать только одну фразу: " Я скучаю по тебе..." Удивительно, знаю тебя чуть больше месяца, а скучаю уже, как по близкому и родному человеку. Оказывается, когда тебе по-настоящему плохо, то Бог слышит и помогает в ту же секунду бытия, когда ты думаешь, что все кончено и разрушено и внутри тебя и в окружающем пространстве.

Но жизнь замечательна уже тем, что способна преподносить подарки и сюрпризы и иногда соединять вместе несоединимое. Я никогда не могла предположить, что смогу познакомиться в сети с тобой и через три дня позвать в свой дом... Но это произошло, как-то само собой, естественно и совсем ненапряжно. Так в мой дом входил только один человек, и это было почти 30 лет назад.

А теперь появился ты, сказав: "Если я решил, что мы увидимся, то я обязательно приеду, ты только дай адрес и подожди.... и приеду я просто помочь, ничего не требуя взамен." Так все и случилось. На пороге появился мужчина в вязаной зимней шапочке с удивительно красивыми глазами и застенчивой улыбкой. Появился, чтобы просто выпить чашку зеленого чая с пирогом, покурить и побеседовать.

Но как-то незаметно с твоим приходом в этом грустном и нервном в последнее время доме зазвучала новая неизвестная ранее иранская музыка,

стали смотреться фильмы-фэнтези, которые ранее для меня просто не существовали, стали летать красивые сказочные драконы и чудесным образом исчезать прекрасные принцессы.

Но это не все... Благодаря твоим стараниям и умелым рукам стали легко открываться двери, ровно стоять столы, появились вместо ржавых гвоздей маленькие белые крючки для полотенец, загорелись все лампочки, стали чистыми стены и высоко повешенные полки, дом, вздохнув, понял, что приехал хозяин, и тихо сказал тебе спасибо. Сказал тебе с небес спасибо и мой любимый папа в ответ на твои добрые слова о нем, о том, что у него много инструментов, а, значит, он был мастером на все руки. Это действительно так, потому мне и радостно было наблюдать за тем, как работаешь ты, это напомнило мне наши вечера с папой. А еще ты такой же спокойный и уверенный, каким был он, и по-мужски мудрый. А рядом с ним я всегда была спокойна, это мы с мамой только как два урагана Катрин и Надия. Да, благодатным оказалось твое появление и для мамы, и даже для моей кошки, которая привязалась к тебе: и весь последний вечер ходила по квартире и призывно мяукала, пытаясь тебя позвать... Всего месяц и 7 встреч.

И для меня вдруг стало очевидным, что можно жить не прошлыми встречами и мечтами о будущих, а просто сегодняшним днем, сегодняшним вместе приготовленным ужином, принесенной и выпитой чашкой чая, тихим вопросом и таким же спокойным ответом. И как ни странно бурные политические беседы легко сменились английской овсянкой на завтрак.

Хотя все, что происходит, никогда не отменит прошлого и, наверно, не изменит будущего. Это просто жизнь. Жизнь, которая иногда не подчиняется ни нашим принципам и нашим выдуманым правилам, она просто говорит: "Вот смотри, этот человек тоже целый удивительный и неповторимый мир, способный рассказать тебе свою историю, если ты только пожелаешь услышать...." И ты услышишь про якутов, про то, какая большая твоя родина и про город, название которого по-русски звучит как вторник. И школьная география вдруг вернется фото на компьютере, и все это добавит новые цвета и краски в твои серые до этого дни.

А я вот думаю, что по всем моим правилам тебя не должно быть в моей жизни: я не знакомлюсь в сети, не приглашаю домой незнакомцев, и не изучаю иностранных языков, кроме неудачной пока попытки заговорить по-итальянски. Но смешную историю про то, как ты покупал кур на базаре и отправился с ними к родным, а потом утром неожиданно пошел снег и куры чудом не замерзли, я буду помнить долго. А еще я теперь горе-эксперт по штукатурке и кладке ступенек и выравниванию канав, но это оказывается интересным, если интересен человек, это повествующий. И тогда разговоры тоже могут случаться долгими и необычными. Мои горькие обиды еще никто не останавливал забавной песенкой с небольшим акцентом "В лесу родилась елочка"- это так удивило, что слезы высохли сами собой, и появилась улыбка.

**Екатерина Чалухина «Неожиданное знакомство, или
Как убить серость и усталость от жизни»**

Но ты появился, и как говорит подруга, глаза мои заулыбались. И обязана я этим Богу и твоему хорошему знанию русского языка, твоей эрудиции и простому любопытству. Наши вечера и долгие рассказы о неизвестной стране вдруг заставили мои глаза улыбаться. Я стала ждать вечерами наших бесед и наших встреч в реале. Уютно было ходить с тобой на работу и возвращаться домой. Приятен даже запах табака в доме, хоть он исчезает в сквозняках, по слову знакомого поэта с красивым голосом, который, как ты сказал, пишет не стихи, а "стихины"- не знаю, может, это поэмы или целые стихи, как ты думаешь?

Для меня этот прошедший месяц оказался стихией, ураганом, пролетевшим в три дня. Твоя дружеская забота и внимание вытеснили мою усталость и раздраженность. И даже если ты вдруг не вернешься из своего отпуска, то мне все равно никогда не забыть, как ты сказал: "Улыбайся, ты - удивительный человек, и встреча с тобой для меня важна и долго будет помниться". Пересматриваю наши видео, фото и фильмы даже и говорю себе: ты же обещала не скучать, а просто жить, не задумываясь ни о чем, вот уже и весна настала, и солнышко пригревает. Все будет хорошо, потому что все, что нас окружает, меняется с переменой нашего душевного состояния. Если внутри тепло и уютно, значит, и снаружи голубое ясное небо, путь не сегодня, но уж завтра - точно... Будет апрель, будет капель и будет встреча, я это вижу и знаю об этом. А дальше будет жизнь и ее новые сюрпризы, я в этом теперь ни капельки не сомневаюсь.... И в данном случае не прав любимый автор:

«Назавтра, пожалуй, что поздно нам бегать в кино...

Назавтра, пожалуй, что поздно к утру засыпать

И завтракать — как мы привыкли — во время обеда».

- Уверена, наступит завтра, и снова будут и кино, и обеды, и долгие беседы... И это продлится столько, сколько продлится..., сколько ведает Бог...

Виктор Астанин

Записки гаишника (продолжение)

«Вот они
подъехали — показали аспиду!
Супротив
милиции он ничего не смог:

В.Высоцкий

V

15 ноября 1976 года наше отделение было реорганизовано в 1-й дивизион дорожно-патрульной службы. В Управлении ГАИ был создан полк ДПС, и командиром назначен подполковник милиции, Романенко Сергей Иванович. Гусев Николай Иванович перешёл в 15 отделение по сопровождению негабаритных грузов, которое находилось с нами на одном дворе, а оттуда пришёл к нам в дежурную часть майор милиции, Уральский Валентин Алексеевич. Из Солнечногорского ОВД перевёлся Старостин Сергей Васильевич на должность замполита, вместо Гусева. К нам на службу многие приходили, и многие уходили, по разным причинам.

В вечернюю смену я обслуживал участок с 49 по 61 км. Была осень, темнело рано. Мне по радиации передали, что у поворота на Берёзки автомашиной был сбит пешеход, который погиб. Я выехал на место происшествия. Водителем, совершившим наезд на пешехода, оказался детский писатель, Успенский Эдуард Николаевич. Он ехал со своим другом в Москву. Я выслушал Успенского и свидетеля о происшедшем, и для меня всё было ясно: пешеход был сбит на проезжей части, не на пешеходном переходе, и, судя по всему, находился в нетрезвом состоянии. На специально выделенном служебном микроавтобусе «РАФ-977» ко мне подъехал оформитель, Великов Александр Сергеевич. Он начал рисовать схему места ДТП, а мне сказал, чтобы я отобрал объяснения у водителя.

Конечно, Эдуард Николаевич был подавлен, - погиб человек, - а его друг активно добивался от нас: чего ему дальше ожидать. Мы не объясняли, потому что материал поступит в орган дознания, а там вынесут решение. Я протянул Успенскому бланк объяснения, рассказал, как его заполнять, и он довольно долго писал. Исписал он почти три страницы.

Когда я протянул объяснение Великову, и он начал читать, пассажир продолжал допытываться:

- Ну, как там?

Александр Сергеевич дочитал до конца, и сказал:

- Года на три уже написал.

- А что неправильного? – забеспокоился спутник Успенского.

Для нас было принципиально важно объективно и точно отражать в документах правильное положение вещей. Успенский, как писатель, секунды расписал так, что складывалось впечатление: будто этого несчастного пешехода он увидел метров за сто. Он переписал объяснение, и оно уложилось в полстраницы.

Иван Захаров от нас перевёлся в УГАИ Московской области, что на Дурасовском переулке, в Москве, на должность старшего дежурного по Управлению.

22 января 1977 года в ГУВД Московской области была объявлена «Сирена». За день до этого на 10 км дороги Дмитров - Загорск у села Жестылёво на стационарном посту был убит инспектор 2-го дивизиона дорожного надзора милиции, старший лейтенант милиции, Косарев. Через сутки был обнаружен труп таксиста, и убит он был из табельного пистолета инспектора.

В области вводится усиленный вариант работы, были отменены выходные дни. На стационарные посты стали заступать по два сотрудника. На служебных машинах экипаж должен был состоять из не менее, чем из двух человек. Вся милиция была поднята на розыск двух установленных преступников, а они были жителями Сходни, Химкинского района.

Я в ночь заступил на пост 49 км вместе с лейтенантом Ефимовым. В 4 часа, двигавшийся в сторону Москвы львовский автобус остановился напротив нас, из него вышли люди. Как только автобус тронулся, двое мужчин побежали к посту. Я выскочил на крыльцо. Они мне на ходу крикнули:

- Остановите автобус, там явно вор, подсел к нам в Ложках у магазина.

Я сразу же, по громко говорящей связи связался с Дурыкинским постом:

- Срочно задержите автобус, там преступник, он уже у вас на подходе, никого из пассажиров не выпускать.

Эдик Ковальчук мне не поверил, но я уже кричал:

- Идиот, тормози, не теряй время, не успеешь остановить.

И они с Пономарёвым выскочили на улицу.

У них в это время, на противоположной стороне от поста, стоял автобус «ПАЗ-651», перевозивший рыбаков. Он сломался, и рыбаки высыпали наружу покурить. Володя Пономарев к ним подбежал:

- Быстро садитесь в автобус. Возможна перестрелка.

Все быстро скрылись, но трое любопытных остались на обочине, спрятавшись за автобусом. Русские, как не вспомнить Задорнова.

На сигнал жезлом водитель львовского автобуса остановился за перекрёстком, и открыл свою дверь. Ковальчук кричит ему, высунувшись сзади из-за автобуса:

- Выходи, руки вверх!

Эдуард не знал ситуации дела, но действовал правильно, благодаря опыту работы в милиции. Тут подъехал Ефимов со словами: «Ну, где этот воришка»? - чем разрядил обстановку.

Воришка этот был рецидивистом, два дня, как освобожден из колонии, и добирался домой из Калининской области. По пути он забрался в продуктовый магазин, и набил сумку коньяком и деликатесами. И уехал бы, если бы не проголосовал дежурному автобусу Солнечногорского ПАТП, в котором ехали бдительные работники этого предприятия.

Делом чести подмосковной милиции было задержать бандитов, убивших сотрудника МВД. На это были брошены все силы. И через неделю их взяли.

Сначала их обнаружили сотрудники Химкинского ОВД на платформе «Фирсановка», но те успели сесть в электричку. Не зря они здесь появились. Вечером они снова здесь оказались, хотели ограбить магазин. Трое сотрудников милиции направились в их сторону:

- Стой! Руки из карманов не вынимать.

Они махом перемахнули через паранет, и бросились бежать. По ним была выпущена очередь из автомата, но не попали. В ответ прозвучал одинокий выстрел. В населённом пункте стрелять было опасно. Преступники ушли, но круг сужался.

После окончания смены, экипаж служебной «Волги» в составе сотрудников 1-го дивизиона дорожного надзора милиции: Подъячева и Максимовича, а также инспектора 15-го отделения по сопровождению негабаритных грузов, Козырева, ехал в Молжаниновку сдавать оружие. Проезжая 35 км Ленинградского шоссе в 23.30 на автобусной остановке у санатория «имени Артёма» сотрудники в свете фар увидели двух парней. «Они!». Увидев, что милицмейская автомашина резко затормозила, те рванули в кусты, и побежали в сторону железной дороги.

Началось преследование, но у преступников было преимущество во времени, и, к тому же, на заснеженном поле преследователи были более уязвимы. Преступники произвели два выстрела в сторону сотрудников ГАИ. К первому экипажу сразу присоединился второй: Старов Виктор Иванович, Кондратьев Женя, и второй брат Козырева. Наткнулись на брошенный полушубок, после него следы раздвоились: один вёл в сторону Фирсановки, другой в сторону Сходни. Не тут-то было. Октябрьская железная дорога была полностью перекрыта сотрудниками Химкинского ОВД, Ленинградское шоссе

блокировано сотрудниками 1-го дивизиона. Бандитам ничего не оставалось, как снова встретиться и уйти в Сходню. С Одинцова был доставлен кинолог с собакой, прибыла опергруппа в бронежилетах.

В Сходне преступники зашли в частный дом на Ленинской улице к одной бабушке. Они ей рассказали, что их избили и ограбили, и попросили проводить их до станции «Сходня». При выходе из дома бандитов взяли. На их совести было четыре убийства, и более 140 краж и ограблений.

Стою я на перекрёстке у поста 47 км, и вижу: в сторону Солнечногорска проезжает «КАЗ-608» («Колхида») с «шаландой», - длинный бортовой полуприцеп, - с каким-то скарбом, и, маленький поросёнок стоит, облокотившись на борт передними копытами, вот-вот выпадет. И метров через сто он действительно выпрыгнул, упав на асфальт, вскочил и, пробежав между машинами, нырнул по откосу в кусты. Я бросился к телефону, передал Трубаеву, чтобы он остановил эту автомашину с калининскими номерами. Анатолий Александрович передал мне, что машина не остановилась, не успел остановить.

И подъезжает ко мне на пост Фёдор Карпик, сменщик Великова, чтобы оформить ДТП, «мелочёвку», - аварию без пострадавших с небольшим материальным ущербом, - и начал составлять протокол. Я ему рассказал о поросёнке. Он, со словами: «Это подождёт», отодвинул бумаги, и спросил в каком направлении скрылся поросёнок. Украинская кровь сказывается. И он его нашёл. Правда, пока за ним гонялся, потерял фуражку.

С утра я вышел на пост 47 км. Была суббота и, можно было, пока не закончился развод, между делом просмотреть прессу, разгадать кроссворды. Но, не выпуская из внимания дорогу. Газеты нам привозили каждый день водители почтовых машин из Калинина, проезжающие мимо нас ночью из Москвы. Зафиксировав проходящую в сторону Москвы машину дипломатического корпуса, я передал её номер в дежурную часть. Услышав мой голос по селекторной связи, Пиюренок, находившийся там, обращаясь к Карпику, сказал:

- Сегодня суббота, и Астанин на посту? Ну-ка, Фёдор, спроси у него: «Рассказ Чехова».

Тот меня спрашивает:

- Вить, рассказ Чехова?

Такой вопрос стоял в кроссворде, в газете: «Московский комсомолец», и ничего не подозревая, понимая: о чём идёт речь, я ответил:

- Злоумышленник.

И тут же услышал голос Валерия Григорьевича:

- Астанин, делаю тебе замечание за плохое несение службы.

- Есть, товарищ майор, - ответил я по уставу.

Работали мы с Пономарёвым в ночную смену: я на посту 47 км, он - на 49. Под утро машин совсем не стало. Время 6.30, и ко мне подъезжает Пиуренко Валерий Григорьевич с водителем Женей Кондратьевым. Я думал он с проверкой, а нет, уселся за стол, развернул газету. Я стою на перекрёстке с Женей. По громко говорящей связи, динамики которой выведены наружу, вызывает Володька, растягивая второе слово:

- Сорок седьмая-я-я.

Я посмотрел на начальника, он не среагировал. Пономарёв снова:

- Сорок седьмая-я-а-а, - ещё больше упирая на последний слог.

Я пошёл на пост. Валерий Григорьевич продолжал читать газету.

- Сорок седьмая.

- Слушаю, - ответил я, выключив уличные динамики.

- Рассказать анекдот?

Я посмотрел на Пиуренко. Он покачал головой, означающее: «пусть расскажет».

- Не надо,- нажимая на кнопку передачи, ответил я.

- Ну, слушай, - говорит Володька, не обращая внимания на предостережение.

И он начал рассказывать скабрёзный анекдот, довольно неинтересный.

Пиуренко рукой позвал Кондратьева послушать анекдот вместе с нами. Закончив рассказ, Володька сам же радостно рассмеялся, хотя смеяться было не над чем. Пиуренко нажал кнопку:

- Понамарёв.

Наступила пауза, и уже настороженным голосом Володя ответил:

- Слушаю, Валерий Григорьевич.

- Делаю замечание на первый раз, - объявил ему командир.

- Есть, замечание, - ответил Понамарёв.

Работаю на подвижном участке, и ко мне на перекрёсток 41 км подошёл молодой человек в чёрном демисезонном пальто, была осенняя пасмурная погода. Он попросил меня вызвать «скорую помощь». Я видел, что он вышел из леса.

- А что случилось? – спросил я.

- Я вскрыл себе вены, - жалобно так, ответил он, и согнул в локте левую руку.

Рукав был промокшим насквозь, и капли крови падали на землю. Терять время было нельзя, и я остановил самосвал «ЗИЛ-555», водитель которого возил землю из Зеленограда на братскую могилу к сооружённому монументу «Защитникам Москвы».

- Давай в 3-ю горбольницу, - сказал я водителю.

- Мне туда нельзя, проезд запрещён, - сообщил мне он.

- Я с тобой поеду. Вот, он вены себе порезал, - сказал я, залезая в кабину вслед за потенциальным самоубийцей.
- Из-за бабы, небось, - предположил водитель.
- А, из-за чего же? – ответил я.
- Дурак! Взял бы: повесился. Никто бы не видел, - не выдержал он.

На Анатолия Татарчука в Управление ГАИ поступила жалоба.

Он оформлял дорожное происшествие без пострадавших. Виновник аварии вёл себя настолько нагло, что возмущало не только пострадавшего водителя, но и Анатолия. И что обидно, на его машине повреждён был только бампер, а у второго участника повреждений было достаточно для большого ремонта. Физика: бьющий всегда меньше страдает. А тогда ОСАГО ещё не было, и далеко не все страховали свои автомашины. Татарчук видел, как у второго водителя чешутся руки, и, когда наглец в очередной раз заявил, что ему всё по «фигу», он демонстративно отвернулся в сторону от дороги. За спиной послышался удар, и говорун оказался на земле.

В своём заявлении жалобщик написал: «С молчаливого согласия инспектора ГАИ я получил в глаз».

Лето, полдень. Работаю вместе с Понамарёвым на посту 49 км. После зимних событий было принято решение на этом посту работать вдвоём. Володя остановил «Москвич» за нарушение и прошёл с водителем в помещение. В это время подъехал Лев Шватров, - он работал в штабе, - и я решил сходить за водой на колодец. Когда я вернулся с полным чайником, Володя мне показывает фото Эдиты Пьехи с подписью: «Владимиру Борисовичу от Эдиты Пьехи». Он мне рассказал: «Заполняю извещение: водитель, Броневицкий Александр Александрович. В техпаспорте ищу графу: «Принадлежность машины». Написано: «Эдита Пьеха». «Это кто? – спрашиваю его». «О, это моя жена. Да, вон она в машине», - обрадовался он и предложил подойти к ней».

Звезда эстрады сидела на переднем сиденье.

- Эдита, подпиши ребятам открытки, - попросил Броневицкий жену.

Она открыла бардачок:

- Вас как зовут? – спросила Понамарёва.

- Владимир Борисович.

Подписав одну открытку, она взяла вторую.

- А Вас как зовут,- обратилась она к Шватрову.

- Лёва.

«Лёве от Эдиты Пьехи».

Стационарный пост ГАИ 47 км находился на краю деревни Дурыкино. За постом, рядом, была поселковая Администрация сельского Совета. Если пройти за здание Администрации, то тропинка через поляну вела к оврагу. Там

был родник, и мы туда ходили за водой. При сдаче поста чайник с водой должен был быть полным, поэтому в течение дня ждёшь момента, когда тебя кто-то может подменить из рабочей смены, и ты сможешь сбегать за водой. Но потом в километре от родника организовали мусорную свалку, и вода в нём иссякла.

Показательно принимал пост майор милиции Васильев Николай Николаевич. Зайдёт на пост, в первую очередь поднимет крышку чайника. Если воды в нём не до краёв, то он выносил чайник на улицу, из него поливал цветы на клумбе, и не спеша отправлялся на родник. А ведь полчаса назад у тебя чайник был полным, но водитель, которого ты остановил, захотел попить, как ты ему откажешь, и что он тогда о тебе подумает, если отказать. Или кто-то из сослуживцев нальёт кружечку.

У тебя ноги гудят, хочется домой, но ты терпеливо продолжаешь нести службу, пока вернётся сменщик. Он придёт, поставит чайник на подоконник.

- Где командир? - спросит в первую очередь.

- В стороне Клина, - например, отвечаешь.

Местонахождение командира знать было обязательно. Пол в помещении должен быть подметён, а лучше вымыт. Потом Николай Николаевич посмотрит записи в книге телефонограмм, откроет журнал угнанного транспорта, ознакомится с записями прохождения автомашин интуристов и дипломатического корпуса. Наконец скажет:

- Давай оружие.

«Фу, пост сдал». Он осмотрит пистолет «Макарова», который я ему передам, вытащит обе обоймы, удостовериться: все ли патроны на месте, и тогда распишется в журнале приёма - сдачи поста.

Школа!

Потом мы стали ходить за водой в Дурькинскую больницу, расположенной в ста метрах от поста в старинном одноэтажном здании из красного кирпича, там был водопровод.

Зимой убрали помещение с помощью снега: кинешь две - три лопаты и выметаешь щёткой. Чистый пол важен только на момент сдачи поста, а через минуту он становится, как в магазине, от того, что ты сам ходишь туда-сюда, приглашаешь водителей, пол становится такой же, как пять минут назад.

Приехал я с развода на пост 49 км в 15.30, Трубаев Анатолий Александрович ждёт на перекрёстке. Журнал приёма-сдачи лежит у него у окна на подоконнике снаружи:

- Вить, ты пока не заходи на пост, пусть проветрится. Я солялочкой - ша, и чистота.

Действительно, жёлтый линолеум блестел, как новый. Но когда настала пора мне сдавать пост ночной смене, пол стал чёрным. Мало того, что я был в валенках с калошами, так, сколько ещё водителей было здесь у меня с

подошвами из каучука и резины. Пришлось линолеум оттирать бензином.

Январь был холодным. Я работал в вечер на 47-м посту. В 18 – ть часов ушли женщины из сельсовета, и приём в больнице был закончен. На улице ни души, деревня погрузилась в домашние дела. Уличные ртутные фонари вдоль дороги, в границах деревни, высветили одинокого пешехода, видимо, сошедшего с только что проехавшего маршрутного автобуса: Крюково-Солнечногорск. Он перешёл дорогу у перекрёстка и подошёл ко мне.

Это был пожилой мужчина, совсем седой, без головного убора, и было видно, как сильно он замёрз.

- Мальчик,- обратился он ко мне, - можно у тебя погреться?

- Конечно, конечно, пройдёмте в помещение, - сказал я, и, взяв его под локоть, сопроводил на пост.

Он мне рассказал, что в Крюково с него хулиганы шапку сняли.

- Надо же, - сокрушался он, - в войну таких не было.

Отогревшись, мужчина попросил:

- Мальчик, мне в Липуниху идти, я не дойду. Нет ли у тебя чего-нибудь, надеть на голову.

На посту не было ничего, что могло бы заменить головной убор, и я снял с себя шарф и обмотал им голову деда чалмой.

- Дойдёте?- спросил я, - всё - таки, два километра идти.

- Дойду, дойду. Теперь хорошо.

- Смотрите, а то, может, кого-нибудь попросим довести, правда, это проблематично.

- Не надо, дойду. Спасибо.

Согнувшись, он ушёл в темноту по бетонке, и ещё долго занимал мои мысли. Через несколько дней, снова заступив на пост 47 км, я увидел свой шарф на подоконнике.

«Судьба милиционерская –
ругаться целый день».

А.Галич

VI

Весна. Ко мне в Дурыкино заехал начальник смены Серёгин Владимир Николаевич, и в это время к нам подошёл и обратился с просьбой гражданин:

- Помогите, пожалуйста, мне угрожают в собственном доме.

- Кто угрожает? – спросил Серёгин.

- Рабочие, они у меня террасу строили. Я живу по вашей линии в крайнем

доме, - объяснил он.

- И как угрожают?

- Ножом, - ответил гражданин.

Ножом – это серьёзно, решили мы. Серёгин вызвал второго инспектора с поста 49 км, чтобы он меня подменил, и мы выехали на служебной автомашине.

У Владимира Николаевича не было с собой пистолета, и я, взяв инициативу на себя, первым вошёл дом. Трое мужчин, совершенно трезвые, находились в кухне, и я им от порога сказал пройти в комнату и сесть на диван, потому что на кухне было мало пространства. Пистолет я вложил в кобуру. При досмотре ножа у них не оказалось, конфликт произошёл на почве денег при расчёте за работу. Внутренне я уже был на стороне работников, но сказал им:

- Если речь идёт о расчёте за проделанную работу - это одно, это – гражданский спор, но если вы угрожаете, да ещё с применением холодного оружия, это - уголовная статья, ребята. Чувствуете разницу?

Владимир Николаевич меня поддержал, высказав хозяину, что всё должно быть по совести. Мы оба подозревали, что здесь не всё было по-честному.

Не только мы помогали охране общественного порядка, но и сотрудники милиции помогали нам. Была конкретная взаимопомощь. Хорошие отношения были с местными органами внутренних дел, не говоря уже о ГАИ Клинского и Солнечногорского районов, и ГАИ Зеленограда.

Находился я в Пешках, обслуживая участок с 49 по 61 км, когда мне проезжающий в сторону Клина водитель сказал, что в Ложках серьёзное происшествие. Опять же на попутной автомашине подъезжаю туда. На повороте на станцию Поворово столкновение. На перекрёстке регулирует движением сержант милиции, помогая с разъездом автомашинам. Он мне передал документы водителей, участников ДТП, данные на свидетеля, и поехал дальше на службу в Солнечногорский отдел милиции.

В сторону Москвы, от самого переезда до поворота на Малое бетонное кольцо в сторону города Истры была нанесена сплошные линии продольной разметки, образуя резервную зону, и этот участок дороги просматривался хорошо. Некоторые нетерпеливые водители попадали в нарушители, совершая обгон с выездом в средний ряд. Так, работая на посту 47 км, мною за обгон был остановлен автобус «Скания». с финскими туристами. Мне, даже не пришлось объяснять водителю его нарушение, он сам это сразу признал. Но, как только я взял у него документы, пассажиры начали за него заступаться:

- Мы просим вас не наказывать водителя. У нас капиталистическая страна – он потеряет работу. Я пошёл им навстречу, а они начали предлагать

мне сувениры. Я, конечно, отказался. «Мы из Советского Союза, у нас всё есть, нам ничего не надо», - вспомнил я такое изречение.

Старший смены, Серёгин Владимир Николаевич, с прибором «Spidgan» остановился в Дурькино, и стал передавать мне на пост 49 км автомашины, водители которых нарушили скоростной режим. Передал он мне грузоперевозчика из Финляндии на «Вольво». Останавливаю, приглашаю водителя в помещение поста.

- По - русски говорите?

- Найд.

Знает ли он английский, я спрашивать не стал. Рисуя ему знак: «ДУРЬКИНО», и цифру - 60 км.

- А Вы ехали восемьдесят километров, - говорю я ему.

- Найд, - не согласился финский водитель.

Вызываю Серёгина по радиостанции, запрашиваю его: с какой скоростью двигалась автомашина «Вольво».

- Восемьдесят километров в час, - громогласным голосом отвечает старший смены.

- Айн момент, - сказал финн, соскочил со стула и скрылся за дверью. Побежал к машине.

Вернувшись, он снова сел на стул и поднял на животе свитер. За поясом торчал батон колбасы «Салями».

- Найд,- сказал я, развернул манифест и сделал в нём запись о нарушении ПДД. При выезде из страны, на таможне, согласно записи, он будет подвергнут штрафу.

Трубаев с поста 49 км передал мне на пост 47 км, чтобы я остановил дипломатическую автомашину посольства Англии, которая прошла его в сторону Москвы. На этом посту была прямая связь с отделом КГБ через телефон. А тогда между нашими странами были очень натянутыми отношения, если не сказать большего.

Водитель мне предъявил дипломатическую карточку третьего

Секретаря посольства Англии, а он пользовался дипломатической неприкосновенностью.

- С какой целью я остановлен? – задал мне законный вопрос дипломат. «Я и сам хотел бы знать: с какой целью».

- Подождите минуту, я сейчас всё выясню, - сказал я ему, и поспешил на пост.

Звоню Трубаеву:

- Анатолий Александрович. Остановил. Что дальше?

А он мне заявляет:

- Его надо было только проконтролировать, останавливать не надо.
- Так, я бы и так проконтролировал, - возмущился я.

Это я попал. Что я мог сказать подданному Великобритании, кроме извинения. МИД СССР получил ноту протеста от посольства Англии, о чём в течении получаса из Москвы известили дежурного по батальону. Правда, в отношении меня ограничились замечанием. Работа с иностранцами было очень ответственное дело. Не секрет, что сотрудники дипломатических ведомств были разведчиками, не считая журналистов, да, и некоторых туристов.

Старший смены, Николай Лапа мне рассказывал, как он, в своё время будучи инспектором, в ночь стоял на посту 49 км. С 47-го поста ему передали, что в его сторону проехала иномарка с дипломатическими номерами. Он вышел на перекрёсток, но водитель иномарки проехал под прикрытием, сознательно совершая обгон другой автомашины перед ним. У Николая не было возможности его остановить, а заявки на проезд данной машины не было. Лапа позвонил на пост 106 км, чтобы иностранца инспектор остановил. Тот прикинул, сколько по времени пройдёт машина 57 км. Минут 35-40, подсчитал он. Она же проехала за 26 минут, и инспектор её прозевал. А дело касалось больших переговоров на верху, иностранца нельзя было выпускать.

Утром поехали все трое в «контору».

- Пишу объяснение, - продолжал рассказывать Николай. Мне вопрос: «Почему у вас прошла машина»? Я написал всё, как было. Моё объяснение рвётся, и снова: «Почему у Вас прошла машина»? Три раза писал. Хорошо, что не уволили.

Ранг нашего подразделения ещё повысился. С 1-го июля 1977 года приказом УВД Московской области я стал старшим инспектором дорожного надзора 1-го специализированного дивизиона полка дорожного надзора милиции УВД Мособлисполкома. Меня наградили знаком «Отличник милиции». А в ноябре этого же года весь личный состав дивизиона имел только офицерские погоны, как сотрудники, несущие службу на специальной трассе. Мне присвоили первое офицерское звание: младший лейтенант.

После окончания смены, в 10 часов вечера, сменившись на посту 49 км, я стоял на перекрёстке в ожидании попутной машины вместе с Николаем Никаноровым. Мне в Солнечногорск, ему в Клин. Мой сменщик, Анатолий Александрович Трубаев, надев на нос очки, сидел в помещении поста, знакомясь с телефонограммами. На железнодорожном переезде загорелся красный сигнал светофора и закрылся шлагбаум. И у нас на глазах «ВАЗ-2103», объезжает этот шлагбаум и движется в нашу сторону. Я подаю сигнал

водителю жезлом: остановиться, и он припарковался на обочине у поста. Направляясь ко мне, он на ходу выкрикнул:

- Николаев я.

- Хорошо. Я инспектор Астанин, документы предъявите, - попросил я его.

Он полез рукой во внутренний карман, и достал технический паспорт на машину.

- Ваше водительское удостоверение, - снова попросил я.

- Оно в Калинин, а я Николаев, - не снижая тона, отвечает молодой человек.

- Кто такой Николаев? – вмешался, стоящий рядом со мной, Никаноров.

- Телевизор надо смотреть, - вскинулся водитель. - Вон в машине сидят: Васька Соломин, Руфат.

Василий Соломин, выступая в лёгком весе, был чемпион мира по боксу, и был признан самым техничным боксёром.

- Руфат Рискиев? - спросил я. Тот тоже был чемпионом.

- Нет, не Рискиев, - ответил водитель.

Я пригласил водителя на пост, передал техпаспорт Николаева Анатолию Александровичу:

- Нарушение проезда железнодорожного переезда, под запрещающий сигнал светофора, - сообщил я Трубаеву, и вышел на улицу.

Пассажиры «Жигулей» стояли у машины, и я подошёл к ним.

- У вашего водителя нет прав на управления автомашиной, - сказал я им.

Они промолчали. Соломина я узнал, был ниже меня, сухощавый. Второго я никогда не видел. Василий вытащил длинную пачку сигарет и протянул мне.

- Я не курю, - сказал я ему.

- Я тоже не курю, но эти американские сигареты не вредят даже беременным женщинам, - ответил мне Василий.

Я, и подошедший к нам Никаноров, взяли по сигарете, похожие на наполненную тонкую трубочку в коричневой обёртке с названием «plus».

- Красиво вы боксируете, - сказал я Соломину.

- Спасибо. Надо заканчивать, все губы разбиты.

- Не видно, чтобы были разбиты, нормальные, вроде, - заметил я.

- Это внешне, а изнутри одни шрамы, - ответил Василий.

Наш диалог прервал выскочивший из помещения поста Николаев, который со ступеней закричал:

- Вась, Васька, иди сюда. Тупой, какой-то, попался, машину хочет ставить.

Мы с Колей Никаноровым уехали, не дождавшись разбирательства, но я знал, что уроженцу Крыма Трубаеву было всё равно: боксёр, хоккеист, или лыжник.

Сдав оружие в дежурной части в 23 часа после окончания смены, я на попутной машине поехал домой, и вышел в Солнечногорске около исполкома. Захотелось пройти пешком по уснувшему городу. Тихо, снежинки медленно кружатся в свете ночных фонарей, и только я, одинокий человек стою на перекрёстке улицы Красная с улицей Безверхова. Я, было уже, собрался перейти дорогу, как меня окликнули. Это был мужчина, чуть ниже меня ростом.

- Извините, можно Вас попросить, - обратился он ко мне. - Я переезжаю, помогите, пожалуйста. Мне стол надо погрузить на машину, с остальным я один справлюсь. Здесь недалеко.

- Как недалеко? – спросил я.

- За милицией.

Я откликнулся на его просьбу, и пока мы шли, в течении каких-то пять минут он мне рассказал, что его зовут Виктором, и что ореховый стол ему привёз из Италии младший брат, Валерий Брумель. Его белая автомашинка «ВАЗ-2102» стояла у подъезда бревенчатого, одноэтажного дома, барачного типа. Кроме стола, у него, в наполовину пустующей комнате, на полу лежали стопки увязанных книг. Из-под кровати он достал большую коробку, открыл её. Коробка была наполнена нераспечатанными конвертами, с марками многих стран.

- Это все письма Валерию со всего мира. Брату они не нужны, а я их храню, - объяснил мне Брумель.

- А почему они не распечатаны? – спросил я.

- Валера читает письма только от спортсменов, или от известных людей, а это письма от детей, от женщин. А они все пишут одно: пионеры восхищаются и мечтают быть такими же, как он, достигать рекордов; женщины и девушки хотят ему отдаться, и родить от него ребёнка, - объяснил Виктор.

Мы вынесли и погрузили в машину красивый столик тёмно-коричневого цвета.

- А что ночью-то переезжаете? – спросил я.

- Не хочу жену видеть, я с ней развожусь, а сейчас она на работе на 10-м заводе, в ночную смену вышла.

Столик, подаренный легендой советского спорта, рекордсменом мира по прыжкам в высоту, Валерием Брумелем, которому Владимир Высоцкий посвятил стихи, мне захотелось разгрузить обратно одному. Я, не прощаясь, пошёл назад к дороге с испорченным настроением, как будто прикоснулся к чему-то подлому, трусливому.

Лето 1978 года. Ко мне подошёл дежурный по батальону, майор милиции, Уральский:

- Вить, ты парень шустрый. Давай ко мне помощником.

- Да, нет Валентин Алексеевич. Мне лучше в смене.

Через несколько дней Старов Виктор Иванович стал меня агитировать перейти работать в дежурную часть. Я не согласился. Но, когда я вышел в вечернюю смену, развод проводил командир дивизиона, Пиюренко. Он нас спросил:

- Вы какой день работаете?

- Первый, - ответили несколько человек.

- Значит, так: Астанин завтра выходной, а послезавтра выходит в дежурную часть с Уральским.

- А я своего согласия не давал, - вскинулся я со своего места.

- А твоего согласия и не требуется. Это производственная необходимость, - сказал Валерий Григорьевич голосом, не терпящим возражений.

- Прошу только, на один год, и не больше, - вставил я своё последнее слово.

«Может так и лучше. Здесь график чёткий, а то жена, как только задержусь, начинает пытаться: где, и что». Бытовала такая байка: «вот идёт ОРУД ГАИ – вечно пьют не на свои; а за ней БХСС – деньги есть, и бабы есть; а дальше – оперуполномоченный – замученный... и т.д. Скорее всего, жена этому верила. Утром скажешь жене: «Рубль давай», а она смотрит на тебя, как Ленин на буржуазию, и нехотя даёт. «Ну, как же? Я не курю, практически не пью, а почему нет денег?», - видимо, думала так. А я не оправдывался, всё равно не поверит. Может, выпивали мы не всегда и на свои, это - правда, но взятки не брали. Не все, во всяком случае. А кто брал, долго в рядах не задерживался.

У нас было заведено: когда случалось ДТП в конце смены, - даже если не на твоём участке, - никто из смены домой не уезжал, пока оно не было оформлено до конца. А, когда и посидим вместе, ведь служба проходит у нас в индивидуальном порядке, и общаться тоже надо. Так складывается коллектив.

Дежурная часть – это не дорога, здесь в течение суток находишься в четырёх стенах, и связь с внешним миром только по телефонам и по радиостанции.

Уральский Валентин Алексеевич – был «дембель», скоро в отставку.

- Самое главное, - объяснил он мне, - записывать всю информацию, которую тебе передают: время, кто передал, кому передал, когда. Любую информацию.

С этого момента я с пульта управления почти не слезал. Затишье наступало после 18-ти часов, когда штабные заканчивали работу, и мы в дивизионе оставались втроём: дежурный, помощник и оформитель ДТП, если только он не был на выезде, и не приступал к своим обязанностям. А аварий было много.

Ноябрь. Я сижу за пультом, Уральский мучает сложенной газетой, а Чуланов ходит перед глазами по узкому коридору: то появляясь, то пропадая в

проёме открытой двери. Он был оформителем, сменщиком Фёдора Карпика и Александра Великова.

- Слав, - окликнул Валентин Алексеевич Вячеслава Григорьевича, - ты раньше уже в октябре ватники надевал, а сейчас, смотрю, ноябрь уже, а ты всё в галифе ходишь.

Не ответил Вячеслав, промолчал, удаляясь в сторону ленинской комнаты, и,

только снова показавшись в проёме двери, ответил:

- А под низом-то что?

Они часто подтрунивали друг над другом.

Чуланов, закончив проминаж, взял газеты и начал утеплять окно, ножом затыкая щели. Уральский курил у выхода.

- Алексеич, стул возьми, с другой стороны поддержишь мне штору, - стоя на табурете, попросил Вячеслав Григорьевич.

Уральский, затушив сигарету, и бросив окурочек в корзину, ему отвечает:

- Слав, я на Машку-то залезаю – у меня голова кружится, а ты: на стул встань.

Приехал я на дежурство к 9 часам, и сразу за пульт. С самого утра пошли иностранцы, а записывать их прохождение надо по информации с трёх постов: 49, 47 и 106 км. Прозвучал городской звонок, я попросил инспектора, связавшегося со мной по селектору, подождать и поднял трубку.

Мужчина хотел узнать об одном дорожно-транспортном происшествии, и я его соединил с дознавателем. Через минуту опять звонок с той же просьбой.

- Я же вас соединил с дознанием, - ответил я.

- Там мне сказали, чтобы я ещё раз перезвонил.

Я положил трубку на стол, и стал среди журналов искать книгу учётных дорожно-транспортных происшествий, и при этом стал бубнить вслух про Брифа Георгия Абрамовича: «Сидит, не может ответить лишний раз. Документы у него, а он сюда посылает». Найдя нужную телефонограмму я, зачитал её абоненту. И тот меня спросил:

- Вы устали?

- Не понял, - ответил я, действительно не сразу сообразив.

- Ну, может быть вам трудно нести службу. Вы устали, - объяснили мне.

Но я уже и сам догадался: о чём идёт речь.

- Извините, просто дознаватель мог вам дать исчерпывающий ответ, ещё раз, извините, - сказал я в трубку.

- Хорошо. А то мы, ведь, можем помочь. До свидания, - ответил мне спокойно мужской, уверенный голос.

Этот урок я запомнил.

Чемпионат мира по хоккею 1979 года состоялся в Москве, и мне командир подарил два билета на матч ФРГ – США.

- Сколько я Вам должен, Валерий Григорьевич? – спросил я его.

- Нисколько. Они мне бесплатно достались.

Это был хороший подарок – билетов было не достать. Я предложил Максимовичу второй билет. На его машине мы приехали в Лужники, зашли на Малую спортивную арену. Места нам достались прямо за воротами посередине, в среднем ряду. На игре присутствовали послы обеих стран, прозвучал свисток, и трибуны зашумели. Обзор у нас был неплохой, но впереди нас сидели немцы и, как только возникал опасный момент у ворот, они вскакивали со своих мест, махали флагами – ничего не видать. Позади нас сидели американцы с такой же реакцией и со своей атрибутикой.

Лев мне говорит:

- Хоккей тут не посмотришь, давай будем ими руководить.

- Давай, - согласился я.

Как только болельщики из-за океана закончили поддерживать свою команду, Лёва крикнул:

- Дойчланд.

Взвились флаги болельщиков Германии, скандируя: «Дойчланд, дойчланд». Они притихли, опустили флаги, подал голос я:

- Юесэй гоу.

Громким эхом откликнулся мой призыв сзади: «Юесэй, юесэй». Так прошёл первый тайм. В перерыве Максимович предложил:

- Пойдём, найдём другие места, сбоку трибуна почти пустая.

Вышли мы из прохода к трибунам на нижний ярус, там висят трафареты: «Ложа для прессы». Подошли к дежурному с повязкой на рукаве:

- Понимаете, приехали издалека, в деревне настоящего хоккея не видели. Можно мы здесь расположиться, - попросил Лев.

Дежурный направил нас к другому дежурному, и тот разрешил.

- Только, если придёт команда, и мест не будет, вы уйдёте, - предупредил он.

- Договорились.

Мы сели у самого бортика. Когда был забит гол, мы вскочили, вскинув руки, но все сидящие в ложе продолжали спокойно находиться на своих местах, без эмоций. С болельщиками было веселее. У бортика плохо было смотреть, не видно было общей картины, и мы пересели повыше. На третий тайм пришли посмотреть матч несколько хоккеистов из сборной команды Швеции с тренером. Среди них мы узнали Дана Лаабратона, нападающего, звезду мирового хоккея. Он играл в НХЛ.

- Давай сделаем ему приятно: возьмём автограф, - предложил я, когда спортсмены, сидевшие выше нас, поднялись со своих мест до окончания матча, и стали спускаться по проходу.

- Давай, - согласился Лёва.

Мы тоже встали, и пошли навстречу хоккеистам, чем испугали дежурного. Он двинулся к нам, но я его успокоил:

- Мы за автографом.

Лаабратон остановился по моей просьбе, и расписался в наших хоккейных календарях, купленных перед матчем.

На 9 мая ко мне в очередной раз приехал друг, Валера Жердев, с женой Галиной и дочками: Таней и Мариной. Галя приехала с Украины, где она жила под Киевом, их дочь Татьяна была моей крестницей.

На сей раз, я решил показать им военный парад в честь Победы, который проводился в Солнечногорске, и такого, уверен, не было больше нигде. Он проводился в 11 часов, после парада на Красной площади. Мы пришли в центр города, слились с толпой празднично одетых людей.

Грянул духовой оркестр, исполняя военный марш, и колонна военнослужащих двинулась по Ленинградскому шоссе в сторону Москвы. Первыми шли, чеканя шаг, под красными знамёнами, офицеры Советской Армии, слушатели курсов «Выстрел», за ними - военные других частей, расположенных в Солнечногорском районе. А за нашими воинами, что самое интересное, шли военнослужащие Европы, освобождённой нашими дедами и отцами: офицеры Германской демократической республики, Венгрии, Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии, чьи отцы, может быть, в ноябре 41-го года шли в составе Германской армии по нашей улице Красной на Москву. Теперь их потомки тоже шли в сторону Москвы, до памятника павшим советским воинам. Под наш торжественный марш они шли за победителями, стараясь попасть в ногу, и вытягиваясь в струнку.

Шли также кубинцы, ангольцы, египтяне, ещё из каких-то африканских стран, из стран, освободившихся от колониальной зависимости. Всего один представитель мог быть от страны, но он шёл, как бывает на Олимпийских играх, один от страны. Шли монголы, индусы, вьетнамцы, корейцы. А шли-то они своим, строевым шагом, в своём национальном обмундировании. Это производило впечатление.

Мне до сих пор непонятно: почему по итогам второй мировой войны расплачивалась только Германия, если на нас надвигался весь Запад. Да, ещё визжат, что мы им должны.

На «Выстреле» обучались такие слушатели из Африки, страны которых даже воевали друг с другом.

Мне офицеры с курсов «Выстрел» рассказывали, что слушатели должны были проходить при обучении, так называемую «линию огня», но её преодолевали только наши офицеры и ещё кубинцы. Не все были готовы ложиться между гусеницами поддвигающийся на тебя танк.

«А дальше было как всегда, когда
случается беда:
Вокруг милиция свистит, и «Помощь скорая»
летит».
Э.Успенский

VII

Воскресный летний день. Полдень. Нас в дивизионе трое: Уральский, я и Фёдор Карпик. Всё идёт хорошо, ясный, солнечный день, и на обед

Валентин Алексеевич с Федей решили пропустить по рюмочке. Я на пульте. В разговоре мы коснулись огородных дел.

- У нас на Украине знаешь, как сажают?- начал мне рассказывать Фёдор,- Посадили картошку, по ней посеяли семечки, и тут же огурцы. Ну и арбузы – само собой. Все в одной грядке, и всё созревает.

- Конечно, там тепло и чернозём, - заметил я.

- Я сына туда к матери на лето отправляю,- продолжил рассказывать он. - В том году приехал в августе его забирать: а он по - хохлятски гутарит, я за голову взялся. Ему же в первый класс идти, а он русский язык забыл.

Вся мировая литература напечатана на русском языке, и я не хочу, чтобы мой сын его не знал. А какие книги он прочитает на украинском?

По радиостанции передали, что у поворота на Сходню дорожно-транспортное происшествие: грузовая машина неожиданно выехала на полосу встречного движения и столкнулась с автобусом – оба водителя погибли. Я позвонил дежурному по Солнечногорскому ОВД, чтобы на место ДТП выехал следователь, Карпик поехал на оформление ДТП. Минут через двадцать я снова позвонил в ОВД узнать: выехал ли следователь, трупы надо отправлять в морг.

- Машины у нас все на выезде, следователю сообщили, должен выехать.

Со мной связался Студителев, - это был его участок,- и доложил мне, что остановился заместитель министра МВД Рожков и спрашивает: «Почему трупы лежат на обочине не накрытые, и не доставляются в морг?».

«Как будто было неизвестно в Министерстве, что мы погибших отправляли в морги на попутных автомашинах, уговаривая водителей; и, что сам инспектор дорожного надзора сопровождал трупы туда; и, что у нас не было материи, чтобы накрывать трупы, и тем более мешков для этой цели».

- Ты объяснил ему, что ждёте следователя, - спросил я Студителева.

- Да. Он приказал прибыть на место ДТП начальнику Солнечногорской милиции и командиру батальона, - ответил мне Владимир.

- Понял, сейчас доставим, - сказал я, и поднял трубку телефона.

Я позвонил дежурному в ГАИ Московской области, Александру Васильеву, - он был племянником Николая Николаевича, и перешёл из нашего дивизиона туда к Ивану Захарову, - доложил о случившемся, а затем позвонил в ОВД Солнечногорска. Следователь, Александр Скориков, прибыл на место ДТП через полтора часа.

Вскоре, к нам в «дежурку», - а её трудно было назвать дежурной частью, такая она была маленькая», - прибыли: начальник Солнечногорского ОВД, полковник милиции, Зеленцов Николай Сергеевич, заместитель ГАИ Московской области, подполковник милиции, Колесников Дмитрий Петрович, командир дивизиона ДНМ, подполковник милиции, Пиуренко Валерий Григорьевич. Начали задавать вопросы, а Валентин Алексеевич не совсем был в курсе, и сто грамм-то в нём сидели. Он толкнул меня в бок. Надо было выходить из ситуации, и я позволил себе вмешаться:

- Товарищ полковник, разрешите мне доложить, потому что это я непосредственно передавал информацию, я её записывал поминутно.

Я взял в руки черновой журнал, где всё записал, как учил Уральский, и зачитал руководителям: что, где, когда. Они удалились в кабинет командира для совещания, и пришли к заключению, что от нас в дежурную часть милиции поздно поступило сообщение о ДТП.

Меня это возмутило, не терплю несправедливость, но я понимал, что выступил громоотводом. Гораздо проще было свалить всё на помощника дежурного.

Первым секретарём Московского городского совета КПСС был Виктор Васильевич Гришин, и при нём было принято решение: для отдыха детей трудящихся каждое предприятие должно иметь пионерский лагерь и детский садик. В нашем районе, у Дулепово, находились три московских пионерских лагеря: «Заря», от фабрики имени Парижской коммуны, «Солнечный», от Гидропроекта, и «Мир», от Первого троллейбусного парка. На Живагинских прудах каждый из них имел свою купальню.

Обслуживающий персонал в лагерях практически не менялся, годами приезжали сюда одни и те же вожатые, нянечки и другие работники. У Виктора Таряника родители работали в «Заре», и в один год они остались в нём работать в зиму. Тогда Витька стал со мной ходить во второй класс в начальную школу, в деревню Мошницы, и проучился он там до Нового года. С тех пор летом мы всегда с ним встречались, когда он приезжал к родителям.

И в это лето, по пути в пионерский лагерь, он на автомашине «ВАЗ-2103» заехал ко мне на дежурство в Молжаниновку.

- Пойдём, я тебя угощу, сказал он мне.

Мы вышли на улицу, он открыл багажник, в котором стояли два ящика с вином «Арбатское».

Виктор Астанин «Записки гаишника (продолжение)»

- Тебе какое: красное или белое? – спросил он.

- Любое, - ответил я.

Я не пил ни того, ни другого.

- Завтра, в обед, жду тебя с Любой у нас, - сказал Таряник.

Виктор работал директором продовольственного магазина на Павелецкой площади. В новенькой машине звучала музыка из импортной магнитола, на торпеде лежали дефицитные японские аудиокассеты.

Он в армии не служил, его порезали в уличной драке ножом, и он перенёс операцию. Окончив техникум связи, ему предложили выехать на работу в провинцию. Тогда, получившие высшее или техническое очное образование, будущие специалисты должны были отработать два года по распределению.

Виктор с этим не согласился, и пошёл работать в магазин рубщиком мяса. Я тогда подумал: «Поменял шило на мыло. Не каждый мог поступить в техникум, а он ушёл в мясники».

На следующий день мы с женой были у Таряника в гостях, водка «Посольская», красная рыба, колбаса, другие деликатесы.

- Купи ты себе машину, - предложил мне Виктор. – Тысячу рублей найдёшь, а там я тебе помогу, у меня друг работает в комиссионном магазине.

- Найти-то я, может, и найду, а отдавать как? – ответил я.

- Слушай, брось ты эту службу, - предложил он, - приходи ко мне работать мясником, и через год у тебя будет машина.

Я себя никак ни мясником, ни торгашом не представлял.

- А чего ты ко мне за продуктами не приезжаешь? – спросил Виктор.- У меня вся милиция моего района ошивается. Иных, наиболее наглых, приходится просто выгонять.

И вот, я, получив получку, с женой поехал в Москву. Виктор, встретив нас, обрадовался, сразу повёл в подвал.

- Что вам надо? Мясо надо? – спросил он.

- Да, - подтвердила Люба.

Мы не знали, как нам распределить мои 135 рублей, чтобы хватило на месяц. Не набрать бы лишнего.

- Ещё что? Рыба нужна?

- Да, - снова подтвердила жена.

- Какая рыба? – спрашивает Виктор, и, видя наше замешательство, предложил, - Сёмга есть, будите брать?

- Будем, - ответила жена.

- Сколько вам?

- Рыбки две, - сказала она.

«Что она говорит? У нас денег-то», - подумал я. А Виктор, поняв, что Люба в глаза не видела эту рыбу, подозвал работницу:

- Клава, вот подбери этой женщине продукты, а мы с другом пойдём в кабинет. Там нас найдёте.

В кабинете он достал початую бутылку, налил водку в стопки, потом взял лавровый листик, поджёг его зажигалкой, и затушил его, окунув в водку. Выпили.

- Для чего ты это сделал? - спросил я.

Он дыхнул на меня и спросил:

- От меня пахнет?

- Не чувствую, - ответил я.

- А до тебя я уже принял 200 грамм.

Вернулась Люба, и, смеясь, мне говорит:

- Там такая огромная рыба.

- Да, при этом и цена у неё огромная, - сказал я ей.

Командир полка, Романенко Сергей Иванович, на каждый проезд Генерального секретаря ЦК КПСС в Завидово - а это еженедельно - приезжал к нам в дивизион, и совершал одни и те же действия. Приняв доклад от дежурного по дивизиону, он просил сапожную щётку, выходил на крыльцо, и надраивал ботинки, которые и до этого блестели. Когда кортеж проходил Химки, полковник выходил на Ленинградское шоссе, проходящее в 5 метрах от нас, вставал на обочине по стойке: «Смирно», и отдавал честь проносящимся мимо правительственным машинам. А однажды, он запоздал с выходом, не добежал до обочины, и очень расстроился.

Между тем, на аттестации личного состава мне было указано, что я являюсь отличником милиции, в нарушении дисциплины не замечен, но не повышаю свой общеобразовательный уровень, с чем я был согласен. Надо соответствовать офицерскому званию. Меня Алексей Степаненко, который поступил в Саратовскую среднюю школу ГАИ на заочное отделение, уговаривал меня тоже туда поступать:

- Вить, там учатся со всего Союза, а кто с Москвы – их принимают легко. Я математику сдавал - стоим толпой у дверей. Из аудитории выходит грузин, к нему обратились с вопросами:

- Сдал?

- Сдал, - отвечает.

- На что?

- Четыре.

- Что спрашивали?

- Какой - то гипотенуз.

Наши офицеры, закончившие очное отделение этого учебного заведения, все зарекомендовали себя с хорошей стороны.

Павел Качалов до этого рекомендовал мне поступать в библиотечный техникум, что у метро «Щёлковская» в Москве. Там был юридический факультет, учиться – два года по вечерам, и я сдал туда документы. Сочинение я написал, а, когда поехал на экзамен по истории, то со мной увязалась жена, после экзаменов хотела заехать в магазин. Мы зашли в техникум, и я понял: какую ошибку я сделал. Перед аудиторией стояли одни девчонки, не малинник, а целая цветочная плантация, и по выражению лица Любы было видно, что ей совсем не улыбается, чтобы я там учился. Вместо поддержки я ощутил обратный эффект, и, засыпавшись на вопросе: «Пять признаков империализма», - назвал только три, - я не стал выплывать, хотя меня преподаватель явно вытягивал, предлагая ещё посидеть, подумать. А что думать? Хуже всего, когда не знаешь, да ещё забудешь.

- Очень жаль, - произнесла секретарь, выдавая мне обратно аттестат о среднем образовании, - у вас «четыре» за сочинение, вы бы прошли.

Цель я уже себе поставил, и осенью 1979 года я записался на двухгодичные курсы английского языка, организованные на «Выстреле», с целью: в дальнейшем поступить в Высшую школу милиции, куда, в основном, поступали наши сотрудники. «Если не поступлю, то тогда можно окончить и среднюю школу ГАИ», - подумал я. Любе не нравилось, что я по вечерам уходил. Это было видно по её настроению, но «цель оправдывает средства». Я её не посвящал в служебные дела, и в свои планы, да, она не очень - то интересовалась. Главное, чтобы я был при ней.

К Жердевым, в Москву, приехала тётя из Америки. Она была родственницей отчиму Валеры, дяде Ване Вдовенко. Её звали Клавдией, и история её начиналась с Отечественной войны. В то время она была медицинской сестрой, и вместе с бойцами попала в окружение, а потом в плен. В Германии Клавдия попала на работы в поместье высокопоставленного офицера. Там работники трудились шесть дней в неделю, с одним выходным. При освобождении они попали в зону, контролируемой армией США, и американский военный увёз её к себе в Штаты, и женился на ней.

С мужем Клавдия развелась, жила в Нью-Йорке, в однокомнатной квартире, с дочерью, которая тоже была в разводе, и с внучкой. Она работала врачом, и имела одну машину на двоих с дочерью.

В Белгороде у неё остались брат с сестрой и племянники, родители умерли. Она с самого начала писала письма в Советский Союз, но они до адресата не доходили. И вот, только теперь ей разрешили туристическую поездку на Родину. Валера с Галей встречали тётушку в Шереметьево. Они потратили свои месячные зарплаты, закупив продукты, чтобы встретить её достойно.

В аэропорту, туристы из Америки узнав, что тётя Клава в столице будет проживать в гостях у родных, попросились к ним в гости, чтобы посмотреть, как живёт советская семья. Когда американцы переступили порог квартиры Жердевых, то их позвали за стол, мы же гостей без угощения не отпускаем. Они сначала отказывались, вроде, пришли посмотреть, но их уговорили. А когда выпили, то совсем раскрепостились.

Хорошо, что были осенние заготовки, всем всего хватило. Ничего такого подобного в Америке, по словам Клавдии, не было: ни консервированных грибов, огурцов и помидоров, ни варенья, ни компотов. Там всё покупалось в магазинах, а ходить в лес за ягодой, или грибами, жители не могли – частная собственность. Там, двигаясь по трассе на машине, нельзя было съехать в сторону – висят таблички: «Частная собственность». Тётя Клава рассказывала, что масло у них не такое вкусное, а яйца продаются без скорлупы, потому, что куры несут их по два раза в день, и скорлупа не успевает образовываться. Свины на антибиотиках вырастают за четыре месяца, и мясо не такое вкусное, как в Москве. Семечки у них продают очищенные от лузги.

Тётя Клава привезла два огромных чемодана с вещами, которые перемещались на колёсиках. В них были подарки, начиная от детских распашонок и нижнего белья, заканчивая шубами.

- Тётя Клава, зачем вы детские вещи везли? У нас хлопчатобумажного белья в магазинах много.

- Ты знаешь, Галя, я же не знала, как здесь живут, у нас никакой информации нет. Я спросила у эмигрантов, которые недавно выехали из Союза: «Чего там нет»? - «Там ничего нет», - ответили мне.

Первый город, который её группа посетила, был Львов. Тёте Клаве не понравилось, как их там встречали.

- Они к нам чуть ли не целоваться лезли, восторгались: «наши американцы, наши американцы». За мной, как за русской следит ФБР, и я знаю, что у меня в квартире находится камера.

Тётя Клава всегда ездила по Москве на такси, и расплачивалась с водителями долларами. А такси, после заказа по телефону, приходилось ждать. На метро она ездить отказывалась. Но потом её Валера убедил:

- Мы такси целый час прождём, у нас метро рядом, давайте не будем терять время.

- Хорошо, Валера. Ты только не отпускай меня от себя.

После поездки она поделилась своими впечатлениями:

- Мне очень понравилось в метро, - говорила она, - так всё красиво. А я уже много лет не езжу в метро Нью-Йорка, он у нас «тьюб» называется. Действительно, как труба: темно и грязно. Я ехала в поезде, и вошёл негр. Со мной рядом сидела женщина. Он обратился к ней: «Уступи мне место». «А почему я должна вам уступать» - ответила она. Он вытащил пистолет и застрелил её. С тех пор я на метро не ездила.

- Галя, а где же родители, почему дети одни?
- Дома, или на работе, - не понимая вопроса, ответила Галя.
- И не страшно оставлять их без присмотра? – спросила американка.
- Нет. Они привыкли играть одни. Прохожие и другие взрослые же есть.
- А в Нью-Йорке ребёнка нельзя оставить без внимания и на десять минут.

Его украдут, или изнасилуют. Мы сами после десяти вечера из дому не выходим, опасно. Мою квартиру грабили два раза: с работы прихожу, там ничего нет, всё вынесено. За счёт страховки восстанавливала утрату, - рассказывала тётя.

В другой раз, Галя с ней шла мимо винного магазина, в который стояла

очередь, и там началась драка. Гале было неудобно, что иностранка видит такую неприглядную картину, но той было любопытно на это посмотреть:

- Галя, давай подождём, - попросила она.

Не прошло и пяти минут, как подъехал милицейский «УАЗ», так называемый в народе воронок, драка прекратилась, милиционеры четырёх дерущихся посадили в машину, и уехали. Это тётю Клаву поразило.

- Галя, у нас, если такая драка, подъезжает полиция, дубинками лупят всех подряд, и увозят всех в полицейский участок.

Тётя Клава никогда не была в Москве, и она ей очень понравилась. Она была сильно расстроена, когда настало время возвращаться обратно в Америку.

- Я бы всё там бросила, если бы можно было вернуться на свою Родину. В штатах невозможно жить русскому человеку, - говорила она.

- А как ваша дочь? – спросила Галя.
- Что дочь? Она типичная американка.

Тётя Клава задекларировала кольцо с бриллиантом, когда пересекала нашу границу, и подарила его племяннице. В ювелирном магазине она купила похожее кольцо советского производства.

- Галя, за это кольцо в Нью-Йорке я окуплю всю свою поездку, - сказала она.

За зиму, нанесённая краской, дорожная разметка стиралась, и по весне

дорожники снова начинали её наносить на проезжую часть. Сначала они вручную кисточкой отмечали точки, а потом машиной по этим точкам наносили разметку. Передали мне в «дежурку» рапорт инспектора вместе с водительским удостоверением одного водителя. Инспектор писал: «Перед переездом, на 49-м, водитель обогнал машину, я стал заполнять извещение, а он, схватил со стола талон предупреждения и убежал».

Вечером нарушитель заехал к нам на 26-й км.

- Я так поступил, чтобы мне не сделали прокол в талоне, потому что я не нарушил правила дорожного движения, - объяснил он.

- Как же не нарушили? Вы же совершили обгон ближе ста метров до переезда. Правила запрещают это делать при отсутствии разметки.

- Да, но там была разметка.

- Там не разметка, а точки для нанесения разметки.

- Я адвокат,- продолжал оспаривать водитель,- точки – это тоже разметка.

- Давайте откроем Правила.

Я прочитал в пункте Правил: «К дорожной горизонтальной разметки относятся...- идёт перечень, и в конце, - и иная разметка».

- Почему эти точки не могут попадать под понятие: «иная разметка»?

- Согласен.

Я вернул адвокату его талон предупреждения без отметки.

Витя Евсеев остановил за нарушение автомашину, которой управляла женщина средних лет, постарше бальзаковского возраста. Тогда редко кто из женщин управлял автомашиной.

- Я вам сделаю дырочку, - говорит Витя.

- Молодой человек, мне дырочку сделали двадцать лет назад, - выговорила ему женщина.

- Виноват - просечку в талоне - поправился Евсеев.

Уральский Владимир Алексеевич ушёл в отставку, и со мной стал дежурить старший лейтенант милиции, Кулебякин Алексей Иванович. Он к нам перевёлся из Солнечногорского ОВД. А туда перешёл Старов Виктор Иванович, и заместителем по службе назначили Волкова Виктора Павловича, который окончил Калининский государственный университет.

Наше подразделение находилось на участке Ленинградского шоссе, который обслуживало 2 отделение ГАИ Москвы. Вечером к нам сотрудники этого отделения привели молодую женщину с просьбой:

- Ребята, посторожите её, пока мы с машинами разберёмся. Она совершила ДТП, находится в нетрезвом состоянии, документов никаких нет.

Ребята – это мы: Кулебякин, Чуланов и я. Мы пригласили довольно симпатичную женщину в ленинскую комнату, где до этого в домино играли Алексей Иванович и Вячеслав Григорьевич. Женщина была прилично одета: в распахнутую дублёнку, джинсы, без головного убора и в возбуждённом состоянии. Я сел у выхода, страхуя попытку побега, Чуланов остался сидеть за столом в ожидании напарника, а Кулебякин вступил в диалог с задержанной:

- Где ваши права?

- Нету, - ответила женщина.

- Как нету? Сейчас обыщем, - пригрозил Алексей Иванович

- Обыскивайте, - громко произнесла женщина с отчаянием в голосе, скинула на сиденья дублёнку, оставшись в кофточке, и взялась расстёгивать джинсы.

Вячеслав Григорьевич развернулся в её сторону, перестав гроыхать фишками, я застыл, уже думая, что увижу бесплатный стриптиз, которого я никогда не видел, но Кулебякин подскочил к женщине вовремя, успокоил её, и она вскоре начала улыбаться и отвечать на шутки.

- Чего ты её остановил, пусть бы раздевалась? – спросил я Алексея Ивановича, когда за ней пришли гаишники.

- Нельзя этого допускать. У неё потом началась бы истерика, и попробуй тогда её одень. Чревато, - разъяснил старший товарищ.

Олимпиада-80 в Москве прошла без меня: сутки на дежурстве, два дома. Все игры смотрел по телевизору. Зато обедал в столовой в Шереметьево-2, в красивом современном аэропорту, куда мы ездили вместе с командиром. Там я впервые увидел раздвигающиеся стеклянные двери, и попробовал напиток «Фанта», который оказался далеко не полезным.

К Олимпийским играм были построены и введены в эксплуатацию посты ГАИ на 79 км в Давыдково - в сторону Калинина, на 65 км в Солнечногорске, поворот на Пятницкое шоссе, на 41 км у монумента и на 33 км в Чёрной Грязи, поворот на Сходню – в сторону Москвы. Кроме того, нам передали пост на малом бетонном кольце Ленинградско - Волоколамского направления, пересекающегося с 32 км Пятницкого шоссе.

А также были проведены тесты всему личному составу. Необходимо было ответить на 300 вопросов, после чего врач-психолог делал соответствующее заключение. Я предстал перед очами молодого мужчины, в белом халате. Он, просматривая мои ответы, что-то записывал, и спросил меня:

- Вы рисуете?

- Да, нет, - честно сознался я.

Он снова углубился в записи, и задал второй вопрос:

- Поэзией увлекаетесь?

Неожиданные для меня были вопросы. Мне нравились песни на стихи Есенина, слушал Окуджаву, и особенно, конечно, Высоцкого, но так, чтобы сидеть с томиком Пушкина, такого не было. А из школьной программы мне больше нравились стихи Лермонтова. Рисовать мне не приходилось, писать маслом не умел, не знал как, и не пробовал. Поэтому я ответил отрицательно.

В Москву приехала делегация полицейских из США по обмену опытом. Следующая Олимпиада должна была состояться в Лейк-Плесида. В ГУВД Московской области, в один из дней, решили вывезти коллег на природу,

отдохнуть в неформальной обстановке. Они остановились на берегу Истринского водохранилища, развели костёр, пожарили шашлык. Пикник, одним словом. Американцы были в изумлении, что у нас так просто можно выехать в лес, на реке свободно ловить рыбу, разводить костёр. Они были

очень довольны.

Об этом рассказали Владимиру Кузнецову, а он поделился со мной. Владимир жил в Лунёво, работал всегда на мотоцикле «Урал на головном участке, с 35 по 40 км. В свою очередь я рассказал ему о вояже родственницы Жердевых, тёти Клавы. Так он потом ещё два раза заводил со мной разговор на тему жизни в Соединенных штатах:

- Там мы жить не сможем, - говорил он.

Мы всей роднёй поехали в Москву на свадьбу. Замуж выходила моя кузина Марина, где я мог встретиться с её двоюродными сёстрами, Галиной и Наташей. После совместного культпохода на ВДНХ 13 лет назад, я с ними не виделся. Галя была с мужем, и я с женой. А, ведь, с тех пор, как Лёшка Гусев «подвёл меня под монастырь», выдавая себя за меня, я с ней не общался. Мне показалось, что Галя была взволнована. Она не изменилась внешне за прошедшие 20 лет. Похорошела, конечно, став женщиной, она имела двух дочек, погодок, которые были при ней. Галя пригласила меня на танец, и, обнимая ее за талию, я чувствовал её внутреннюю дрожь. наших отношений мы не касались. «Лёха, конечно, признавался ей в любви, и пусть она думает, что это исходило от меня», - решил я. Свадьба была в квартире, так что поговорить с Галей тет-а-тет не пришлось. И хорошо. Я не хотел, чтобы она разочаровалась, узнав правду. До сих пор этот грех обмана лежит на мне, потому что, через три года, она умерла в больнице.

Ксения Коношенко***Кариатиды и Атланты***

Кариатидой я стою четвёртой слева
В храме города Карики, что на Пелопоннесе.
Одежда, мокрая от усталости и тяжести,
Прическа высокая и ноша непосильная тяготят мне шею.
Молю, отпусти меня со службы, Артемида,
Я много лет была тебе верна.
Все ошибки сполна я искупила.
Хочу побыть собой,
Земным, простым, свободным человеком.
Хочу отдать небесный свод сильному Атланту,
Тому, кто с радостью его удержит.
Хочу свободной быть,
Купаться, петь, любить и танцевать,
Путешествовать по миру налегке с палитрой, красками и открытым
сердцем.
Тебя я помнить буду и твои ресурсы,
Что внутри меня, ценить, я обещаю.
Твои охотницы таланты,
Медвежий облик, дар юности,
Плодородие и целомудрие,
Твоё стремление к конкуренции...
Все эти качества я честно прожила:
Они в памяти, но не мои.
Благодарю и отпускаю.
Я выбираю просто жить,
Идти своим путём.
Я думала, что не могу пошевелиться,
А стоит сделать шаг и отпустить тяжёлый свод – и я свободна.
Никто меня не держит.
Свод остаётся прочно лежать на головах у тех, кто веками без движения.
Им эта ноша радостна и по плечу.
А я плыву купаться в бухту Афродиты,
Из пены выйду обновлённой
И по земле пойду обычным человеком,
с лёгким сердцем,
Навстречу голосу души, любви и вдохновенью.

***

Открою вам тайну, только пообещайте, что никому не расскажете. Договорились?

В городе Петербурге на набережных, улицах и переулках десятки Атлантов* и Кариатид** украшают здания. Весь день до глубокой ночи несут на сильных руках и головах они стены, крыши, своды. Ночью их служба продолжается. На лицах их читается усталость от тяжёлого труда. Но есть среди них исключения: руки некоторых Кариатид, которые держат крыши и своды только головой, свободны, и в них они хранят венки и цветы. Они чувствуют себя почти свободными, поют, пританцовывают, радуются рассветам, закатам и солнечным дням в Северной Столице.

Одна из таких Кариатид попросила бога Диониса устроить праздник всем Кариатидам и Атлантам, подарив им ночь веселья и отдыха:

- Вот уже триста лет стоим мы и верно трудимся. Подари нам немного отдыха и праздника, Великий Дионис! – умоляла она.

- Ты просишь с таким грустным и усталым лицом, что пока я даже и не думаю о празднике, - ответил ей Дионис.

- Но что мне делать? Я устала и хочу потанцевать, отдохнуть, - ещё более печально спросила Кариатида.

- Хммм, - задорно ответил Дионис, потягивая красное вино, - многие другие Кариатиды держат свои ноши обеими руками. Твои же руки свободны: в них венок и цветок. Дай мне распробовать, вдохновиться предвкушением праздника и продемонстрируй, что мне действительно стоит устроить танцевальный вечер в Петербурге и спуститься на него самому.

Кариатида пошевелила руками и ногами, попробовала подвигаться из стороны в сторону, а, когда заиграли на Невском уличные музыканты, она стала танцевать под их музыку. Усталость на лице сменилась радостью.

«Всё-таки я служу в прекрасном городе. Вокруг музыка и красота. Я благодарна за это и радуюсь каждому лучу солнца и высокому небу», - подумала она.

- Потанцуйте со мной! – предложила она своим соседкам, другим Кариатидам.

Многие её поддержали и тоже начали двигаться под музыку.

Увидев, как танцуют Кариатиды, к ним присоединились Атланты и тоже стали танцевать, двигая ногами в такт музыке. В движении груз уже не казался таким тяжёлым. Но все с нетерпением ждали отдыха и праздника, когда потанцевать можно будет налегке, с размахом.

И вскоре услышал, заметил их танцы Дионис. Весело стало на душе у бога Диониса после вкусного вина и плясок каменных красавиц, услышал и благодарность, и просьбы прекрасной Кариатиды, увидел, как она вдохновила своим танцем радоваться и танцевать, несмотря на усталость, остальных девушек, держащих своды зданий.

Он решил раз в год устраивать весёлый пир с плясками, песнями в центре Петербурга, когда наступала пора белых ночей.

В праздничные часы Атлантов и Кариатид на всю ночь сменяют львы. Налегке бегут они счастливые на Дворцовую площадь. Танцуют, пьют лучшие вина, веселятся до самого утра.

Происходит это в ночь, когда фрегат с алыми парусами проплывает по Неве. Атланты и Кариатиды присоединяются к общему празднику на Дворцовой площади и стрелке Васильевского острова. Весёлые танцы длятся до самого утра. Иногда сам бог Дионис спускается выпить несколько кубков вина и потанцевать с Кариатидами.

Но с первыми лучами солнца все они должны вернуться на свои места и продолжить нести службу. Много лет повторялся праздник. Каждый год послушно возвращались все Атланты и Кариатиды поутру на свои места.

Так должно было быть и в этот раз. Но кое-что изменилось. Один из сильных, широкоплечих Атлантов, что служит у Нового Эрмитажа, и та самая Кариатида, что покорила Диониса танцами и красноречием, убедив его организовать праздник, решились убежать.

Несколько лет они встречались раз в год и танцевали всю ночь напролет. Кариатида очаровала Атланта своим жизнелюбием, красотой, танцем и звонким смехом. А Атлант покорила её чувством юмора, смелостью и силой. В эту ночь после трёх танцев они незаметно добрались до фрегата с алыми парусами и убежали.

Наутро, не дождавшись своих исчезнувших друзей, львы подняли дикий рёв. От тяжелой ноши к утру они устали и ждали момента, чтобы вернуться на свое место на набережной. Но никто так и не пришёл их сменить.

- Как не вернулись?! – восклицали Атланты.

- Так. Представьте себе! Убежали и скрылись в неизвестном направлении, – отвечали им раздосадованные Кариатиды.

Слышался шёпот на проспектах, улицах и набережных. Это все остальные Кариатиды и Атланты возмущались, что их стало меньше, а значит, и без того нелёгкий груз станет ещё тяжелее. На Олимпе поднялась суматоха. Как можно было пренебречь своим предназначением и сбежать?

Только богиня любви Афродита сидела спокойно и с улыбкой наблюдала за происходящим. Спорившие боги заметили, как она загадочно улыбается, и затихли.

- Я считаю, что настоящая любовь достойна исключения из правил. Да и не такие тяжёлые своды у оставшихся. Основной вес находится на несущих конструкциях.

И я предлагаю этих двух влюблённых сделать людьми. Пусть поживут и порадуются на земле. Чудо истинной любви достойно уважения и права на свободу, - Афродита очаровательно улыбнулась ещё раз, слегка взмахнула волосами и плавно, почти танцуя, переместилась из одного угла залы в другой,

нежным взглядом одаривая каждого вокруг.

Все присутствующие восхищённо наблюдали, затаив дыхание.

- Я не против, - поддержал предложение Зевс-громовержец.

Волнами бушующего океана поддержал брата Посейдон. Из подземного царства молчаливое согласие с Гермесом передал Аид. Остальные также согласились на предложение Афродиты.

Львов отпустили и вместо них поставили куски мрамора, которые Гефест быстро превратил в похожие скульптуры так, чтобы жители города не заметили разницы.

Ранним утром в Петербурге появилась молодая пара влюблённых.

Они не помнили ничего из того, что произошло ночью, и сидели на скамейке в Летнем Саду, державшись за руки, словно встретились после длительной разлуки.

Так началась следующая, земная глава их любви.

С того момента каждый год стали происходить побеги на ежегодном празднике Атлантов и Кариатид. По-прежнему договаривается со всеми богами прекрасная Афродита. Всё новые и новые пары влюбленных наполняют Петербург.

Присмотритесь. Они среди нас.

* Атлánt — в древнегреческой мифологии могучий титан, держащий на плечах небесный свод. Истории об этом персонаже в произведениях античной литературы противоречивы и содержат взаимоисключающие утверждения. По наиболее распространённой версии участвовал в Титаномахии — битве титанов с олимпийскими богами. После поражения Зевс низвергнул титанов в Тартар, а Атланту положил на плечи небесный свод. (По материалам «Википедии»).

** Кариатида — статуя одетой женщины, введённая в употребление древнегреческим зодчеством для поддержки антаблемента и заменявшая собою колонну или пилястру. Название, присвоенное этому архитектурному мотиву, произошло, как полагают, от девушек г. Кария в Аркадии, которые на праздниках в честь богини Артемиды совершали религиозные танцы с корзинами на головах. (Сомов А. И. Кариатида // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907).

Сергей Маркелов

Туман

«Закрыв глаза поздней ночью, ты засыпаешь с надеждой, что следующий день окажется лучше, чем минувший. И проснувшись, сбудется все, о чем мечтал, к чему стремился - одним словом, твоя жизнь изменится - изменится к лучшему. Но часы сна пролетают за секунду, и не успел ты закрыть глаза, как их приходится снова открывать.

Как сговорившись, твой разум отказывается насыщать по ночам сны, в которых прежде искал утешения, мог мечтать и испытывать то, чего был лишен в настоящей жизни. Пробудившись, еще не открывая глаз, ты понимаешь - прошел еще один день, похожий на множество других, пролетевших до него. Пустой, ненасыщенный и однообразный, наполненный лишь одними и теми же действиями, словами, мыслями и чувствами, больше напоминающие стадные инстинкты.

Открыв глаза, ты оказываешься в окружении серой дымки тумана, спустившегося на землю, и полностью скрывшего под собой окружающий мир. Невольно продираешь глаза в надежде, что дымка исчезнет. Но она как была, так и осталась. Небольшой холодок пробегает по твоей спине, и на душе снова зарождается семя печали и грусти. Одиночество, снова одиночество – вот, что принесет новый день, и никаких улучшений, и просветов. Нигде не видно лазейки, сквозь которую возможно вырваться из этой серой жизни, окутанной туманом. Рядом ты слышишь родные голоса, и понимаешь, что обязан жить ради них и дня них. Как и ты, они также окружены туманом и не видят выхода из него.

Вставая, ты вновь принимаешься за до боли знакомые дела, успокаивая себя мыслью, что они принесут хоть какую-то пользу своим родным. А значит их жизнь, станет чуть-чуть светлее, и это тепло и свет, согреют и тебя. Жить ради других, и черпать силы от пользы, что приносишь им – вот моя жизнь.

День за днем я подавляю в себе мысли, что жизнь моя бессмысленна, что я всего лишь песчинка в серой массе, таких же, как и я, ищущих вывод из нее. Но жизнь не так проста, как кажется.

Пусть весь мир заволокло серой, холодной дымкой, каждый из нас в ответе, за то, чтобы найти у себя огонек в душе. И пусть он еле тлеет, мы должны собраться с силами, разжечь его в себе, да так ярко, чтобы он смог согреть и возпламенить души и сердца, заставить остальных поверить в себя и свои силы, и развеять, наконец-то, серый туман, в котором погасло так много огоньков, и унесшего так много жизней».

Я – это Ты

- А-а, кто там? – вскрикнул Усену, вдруг оказавшись совсем один, в непонятном месте, окруженный туманом.

- Яхси, Риш, Хис, Усс, Хэн! – прокричал Усену, во второй раз, услышав непонятные шорохи у себя за спиной.

- Покажись! – в третий раз молвил Усену, но на этот раз мог точно поклясться, что он здесь не один.

- Ха-ха-ха-ха, - прозвучал чей-то восторженный с хрипотой, смех.

Спустя несколько секунд, испуганному взору Усену, показалось существо, сплошь темного цвета, напоминавшего по форме барса.

- Усену, не стоит так пугаться...

- Ты кто?

- А ты не узнаешь? – молвило существо, остановившись на месте, больше походившее на чью-то тень, вставшую на землю.

- С чего мне тебя узнавать?! Впервые вижу, - немного напугано и обескураженно прохрипел барс, нутром чувствуя, что здесь что-то не так.

- Ты обижаешь меня Усену, ведь мы как не как родственники. Если не сказать больше - мы как две части единого целого.

- Что ты? – повторил Усену, не понимая слов незнакомца.

- Я твоя тень Усену, и имя мне - Унесу, - молвила тень, и сделала шаг вперед.

Усену невольно сделал шаг назад.

- Я отражение самого тебя, Усену, я та часть, что не дает тебе покоя по ночам...

- Уйди, прочь! – крикнул Усену.

- Прочь?! – повторила тень, затем грустно засмеявшись, продолжила:

- Как я могу оставить тебя, если я твоя тень, твои самые жуткие страхи, та часть тебя, что превосходит тебя и по силе, и по уму.

- Ты лжешь!

- Нет Усену, лжешь сейчас ты. Меня ведь не обманешь, я слышу все, что ты думаешь, и чувствую, все, что ты чувствуешь... Признай Усену, ты всегда был слаб, и опирался на других. Сам ты ничего не стоишь, особенно сейчас, когда оказался один. Все твои мысли, страхи, чувства видимы мне, ведь я уже почти полностью овладела тобой.

- Это неправда, этого не может быть! – выкрикнул испуганно Усену, понимая сам, что слова тени не лишены доли правды.

- Не может?! Но это все-таки происходит. Ты сам прекрасно чувствуешь, как день ото дня, тебе все труднее приходится заставлять себя тронуться в путь. Ты потерял всяческие ориентиры, и больше не веришь в успех своего пути. Да-а, Усену, твой путь напрасен... Ты даже не знаешь сам, почему еще не сдался, и не повернул назад. Признай Усену, твоя цель слишком недостижима, а мечты слишком заоблачные, чтобы когда-нибудь воплотиться в жизнь. Ты слабеешь

день ото дня, а я, наоборот, все больше охватываю тебя, и совсем скоро, ты полностью станешь моим!

- Нет, нет, ни за что! Я верю в свои мечты, и следую своей цели, - запинаясь, кричал Усену, отступая назад под натиском тени, начавшей приближаться.

- Тебе не стоит бояться меня. Ведь я та часть тебя, что укажет новый путь. Путь, куда лучший и простой. Не упирайся Усену, ведь я все слышу, - молвила вкрадчиво тень, проведя пальцем передней лапы по уху.

- Ты сам знаешь, что рано или поздно, но всему этому придет конец. И ты останешься совсем один, без цели, без всякого смысла жизни и друзей, - продолжала тень, начав описывать круги вокруг Усену.

- Так если это рано или поздно произойдет, так почему бы тебе не бросить все сейчас, когда ты менее всего зависим от этого?! - убыстряла шаг тень. – Начнем новую жизнь, только ты и я, вдали от всего мира, высоко в горах, где не водится ни один человек, где весь мир будет принадлежать только нам, и никому больше. Больше не будет бед, несчастий, переживаний, житейских хлопот, никаких воздушных замков не надо будет возводить, а значит и не придется наблюдать, как они будут рушиться под ударами судьбы. Это идеальный мир, Усену, мир в котором нет места превратностям судьбы, предательству, лжи и коварству, где все что происходит, будет только по твоей воле, и ни чьей более, - закончила тень и начала неспеша сбавлять темп.

Злостно скаля зубы, она всячески старалась заглянуть в опущенный глаза Усену, которого слова тени еще больше пугали, ведь она сейчас озвучила все его мысли, терзающие не один день его разум. Наконец Усену собрался с мыслями, взял себя в лапы, и гордо подняв голову, ответил тени:

- Да тень, я вижу и чувствую, что ты сильна, и все сказанное тобой правда. Я сам виноват в том, что позволил своим страхам взять надо мной верх, я и вправду слаб... Но ты ставишь мне в укор заоблачные мечты, которые сам не знаю, претворяются ли в жизнь, а между тем предлагаешь свои. Мир, о котором ты мечтаешь, мир в котором я бросаю все, и уединяюсь высоко в горах, совсем один - лишен всяческого смысла.

- Вот именно Усену, тебе больше никогда не придется беспокоиться о будущем, мы будем жить только сегодняшним днем, - попыталась перебить Усену тень, чувствуя, куда идет разговор.

- Нет, тень, совсем не этого ты хочешь! Ты хочешь, чтобы я стал тобой! Одиноким, обиженным на весь мир, лишенным, как и ты друзей, а значит и всего хорошего, что есть в жизни. Не я стремлюсь к несбывшимся мечтам, а ты, строишь невыполнимые цели. Говоря, чтобы я отрекся от мира и суеты, ты, - ткнул пальцем в тень Усену, начиная обретать уверенность, - Желаешь лишь одного – заполнить меня.

- Это правда Усену, и знаешь что? У меня это прекрасно выходит. Рано или поздно ты станешь моим.

- Твоим?! А я думал мы единое целое?! А раз так - ты должна знать, что этому никогда не суждено сбыться. Пока у меня есть цель, мечты и друзья, тебе меня не одолеть.

- Ха-ха-ха, какие высокопарные слова. Про цель и мечту, я уже говорила, а что же касается друзей, ты сам знаешь какими они бывают непостоянными, - прошипела тень, задев за большое место.

Усену вновь замкнулся.

- И ты прекрасно помнишь, какова на вкус горечь предательства и лжи. Что тебе друзья Усену?! Ведь сегодня они есть, а завтра - нет!

- Верно... Горек вкус предательства друга... Но знаешь, что, Унесу?! Я сам это все заслужил, сам был причиной всего произошедшего...

- Познай себя - это слова полного ничтожества! Винишь себя за их проступки?! Где твоя гордость, где чувство собственного достоинства?!

- Да все это у меня есть! Но знаешь, как говорят – хочешь сохранить друга – проиграй ему.

- И к чему это привело Усену?! На лишние пару дней сохранил друзей, а что дальше? Ты так и будешь всю жизнь стелиться перед ними? Так ты точно потеряешь не только их, но и себя.

- Я лучше стану полным ничтожеством, чем брошу их.

- Посмотри на себя, ты уже им стал! И продолжаешь свой путь в никуда! Твои друзья держаться тебя больше из сострадания, чем из чувства дружбы. Ты стал жалким подобием друга!

- Это не правда!

- Не правда?! Вспомни, в любом возникшем разговоре или споре, ты стараешься держаться нейтральной стороны, ты совсем не проявляешь инициативы при общении с ними. И как ты думаешь, твои названные друзья относятся к тому, что ты все время уваливаешь от честного ответа и постоянно меняешь тему разговора, когда та не устраивает тебя? Ты уже давно лишился их доверия и былого уважения. Ты все больше стал походить на безмолвную тень, то есть на меня, - улыбаясь, закончила тень, предвкушая вкус победы.

- Да-а-а, я все это прекрасно понимаю... - грустно вздохнул Усену, - Но я точно знаю, что мои друзья, и мое отношение к ним не измениться.

- Это только пока, до тех пор, пока ты им не надоешь.

- Этого не случиться!

- Ты так уверен в каждом из них? И готов поручиться?

- Мне не ведомо будущее. Но я знаю одно, чтобы ни случилось, будь то мимолетная разлука, или долгое расставание, и как бы далеко мы не оказались друг от друга, мои друзья всегда останутся в моем сердце. А воспоминания, будь то хорошие или плохие, будут согревать мою душу, когда мне будет холодно и одиноко. Я так часто обижал друзей своим поведением, что вполне естественно отпугивал их от себя. Знаешь, что тень, или как там тебя, даже оказавшись с ними по разные стороны света, лишённые всякой возможности поговорить, не то, что свидеться, я не забуду их. И я буду счастлив, если они хотя бы один раз в году вспомнят меня, обмолвятся хоть единым словечком

обо мне, или хотя бы упомянут мое имя. Плохое забывается дольше - я понимаю, но чувствую, что пока меня помнят, вспоминают добрым словом, это заставляет меня двигаться дальше. И пусть это будет мимолетное мгновение, но вспомнив меня, они вспомнят и то, что нас объединяло тогда, их цели и мечты, к которым мы некогда стремились вместе...

- Послушай себя Усену, ты несешь полный бред! — взволнованно и раздраженно вскричала тень.

- Нет! Это не бред сумасшедшего! Знаешь, тень, мы умираем не тогда, когда приходит наш срок, вовсе - нет! А тогда, когда нас забывают, вырывают и рвут на мелкие кусочки то, что напоминало бы о тебе, говорило: а я знал его, и до сих пор вспоминаю! Память, тень, вот, что отличает меня от тебя. Я храню в ней все самое хорошее и печальное из своей жизни: семью, друзей, врагов. Перебирая ее, я порой вспоминаю прошлое, и, ставя себя на свое место в прошлом, часто задаюсь вопросом — А правильно ли я поступил? Я извлекаю из памяти уроки, которые мне помогают жить дальше. И знаешь, тень, какой самый главный урок, я извлек из всего нашего разговора?

Тень покачала головой, растерявшись от слов Усену.

- В те минуты, когда сомнения и страхи, какими бы сильными они не были, пытаются овладеть тобой, грызут тебя изнутри и стараются надломить твою волю к жизни - вспомни тех, ради которых ты живешь, кому ты безразличен, и все сразу встанет на свои места.

- Ты не можешь Усену! — испуганно молвила тень, начав пятиться назад.

- Ты прекрасно знаешь, что могу! — ответил Усену, грозно надвигаясь на тень.

- Но Усену, не надо! Подумай прежде, от чего ты отказываешься!

- От пустой и повседневной жизни, вдали от всех - я это переживу.

- Но Усену, ты же знаешь, что ты не можешь причинить мне вреда!

- Знаю, и не собираюсь! Мы единое целое, а значит, и быть нам посему вместе, - крикнул Усену, и кинулся на тень.

Охваченная небывалой волной страха, она хотела удрать, но барс, поймав, крепко обнял ее за туловище.

- Не вреда я себе желаю, а мира! — крикнул изо всех сил Усену, сильно зажмурив глаза, чувствуя, как тень, с глухим стоном, начинает растворяться в воздухе.

- Отныне, ты не будешь портить мне жизнь! Ты - та часть меня, которую я так боялся. Но теперь ты не страшна мне! Я принимаю тебя, какова ты есть, и от того, я больше не боюсь себя, - громко отчеканил Усену, чувствуя, что с каждым сказанным словом, тень становится все менее ощутима, а сердце все сильнее и сильнее начинала греть, непоколебимая сила, исходящая, по ощущению его самого, из него самого.

Это чувство продолжалось несколько секунд. После чего все стихло. Ушло жжение, страх. Все погрузилось в сплошную темноту.

Фрагмент из Книги: «Усену: Брат Тигров»

Элана Белова

Во всем виноват пиджак

— Послушай, ну так же нельзя!

Она всплеснула руками, чуть не пролив красное вино на новое платье.

— Ты все время молчишь, я устала говорить одна. Очень удобная позиция! Поза страуса!

На всякий случай поставила бокал на нарядный стол, ловко обойдя рукавом горящую свечу, обняла себя и отошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу и заговорила тише:

— Мне нужна поддержка. Я много не прошу. Просто посочувствуй, покивай в конце концов.

Раздражение снова прорастало. Сорвалась на крик:

— Я прошу тебя, ответь!

До боли сжала кулаки, ногти врезались в теплую мякоть. Это привело в чувство. Не плакать, не тратить слез впустую, их и так осталось мало. Подошла к пианино и стала наигрывать грустную мелодию, потом решительно потрянула головой, и вот уже ритм запульсировал активнее, страстные переливы нот от восторга спускались к «ленто».

Пальцы знали любимую мелодию, но каждый раз добавляли нюанс. Сегодня это финальное «ля». Какое-то время музыка продолжалась внутри нее, руки замерли, глаза закрыты, а на лице легкая милая улыбка, как редкая гостья.

Не открывать глаз! Не смотреть снова на пустую комнату, на накрытый на двоих стол и накинутый на стул давно забытый мужской пиджак. Она сказала, что испортили в химчистке. Хотелось оставить себе частичку его. Зачем? Действительно, уже второй день рождения она мучительно пытается это понять.

Можно было позвонить подруге, достать билет в театр, уехать, в конце концов, сменить обстановку. Нет... она купила его любимое вино, сделала свой фирменный салат, усадила пиджак напротив и окунулась в боль снова.

«Может быть я больна? — подумалось, — Вот и цепляюсь за прошлое». Опустила крышку, музыкальный инструмент справился с ролью психолога. Полегчало. Теперь можно допить вино, убрать в шкаф пиджак и посмотреть веселую комедию.

Залпом опустошила свой бокал, второй тоже, налила еще, решительно подошла к стулу, сдернула пиджак, небрежно свернула... А может? Нет!

Пиджак плавно спланировал на чуть тронутую первым снежком проезжую часть. Нелепо вывернув рукава, он немым упреком разлегся внизу. Машин не было, людей тоже. Темное пятно на белом раздражало. Закрyla

окно, походила по комнате, вернулась. Пиджак продолжал нервировать. «Он такой же, как его хозяин!»

Булькнул телефон, кто-то припозднился с поздравительной смской. Пиджак внизу стал постепенно белеть, снег равнодушно наметал на него, ровная поверхность.

«Он тоже психопат, снег, — подумалось ей, — все вокруг делает белым. А если человек был черным? Да! Кто там написал?»

Просто цветочек. Ошибка? Все-таки зря выбросила...

Не одевшись, выскочила за дверь. Ранний октябрьский морозец больно щипнул за щеки, бесцеремонно забрался под платье. Скользя на каблуках, она бросилась к злополучному пиджаку. Как он кстати! Стало теплее.

Мобильный снова звякнул. Еще цветочек. Что за шутки!? Хотела войти в подъезд. Привычно руку в карман, пусто... Ну да, это ведь его пиджак. Вечернее платье беспомощно позволило руке соскользнуть, в нем нет карманов, а значит, и ключей нет.

Без паники! Она зашагала по кругу. «Думать, как быть! Не бояться, а думать!», — приказывала себе. Но мозг уже активно включал воображение: тонкая фигурка на белом нетронutom снегу, найденная утром, скрюченная, жалкая....

— Ну хватит! — громко прикрикнула на себя, — Есть телефон.

Позвонила подруге, не слышит. Спит. Стоп, мне кто-то писал, может быть попросить помощи? Бред!

Не слушая внутренний голос, она уже набирала вотсапп: «Простите! Мне нужна помощь!»

Звонок раздался через минуту.

— Кать, что случилось?

Нет, не может быть!

— Олег?...

— Ты где?

— Я внизу, ключи дома. Холодно.

Слышно было частое дыхание, он бежал. Куда? Звук хлопнувшей дверцы, женский голос где-то вдалеке.

— Катя, не выключайся! Я еду! Говори со мной!

— Зачем? Я просто подожду.

Зубы начали предательскую чечетку. Она просунула озябшие пальцы в рукава и зашагала ритмично, согреваясь. Сначала бодро и радостно — едет. Потом, словно споткнувшись, шаги растеряли уверенность. Не обольщайся, дорогая, это просто жалость. Прекрасное место и время для диалога с собой! Направо с надеждой, налево с отчаянием. Пиджак виновато обнимал плечи, всеми ниточками отпихивая поползновения холода завладеть хозяйкой. «И все-таки я не отдам тебя!» — она крепко сжала борта под горлом.

Случайный подарок

Если бы кто-нибудь просто намекнул, что буквально через пару дней с ней произойдет нечто оригинальное и волшебное, молодая сотрудница элитного компьютерного бюро «Винч» в ответ только пожала бы плечами.

Вся ее жизнь подчинена строгому планированию. Дом, работа, отпуск с подругой. Нотку вольности вносили только редкие легкие не обязывающие романтические встречи.

Работа тоже нравилась логическими построениями, создающими некий порядок. Коллектив разношерстный, но сплоченный общей задачей, дышал в такт. Они даже называли друг друга инициалами из экономии времени. Постепенно ее аббревиатура ЭНС стала вытеснять данное мамой имя Наташа.

Так вот среда 19 сентября началась для ЭНС с неожиданной мысли об отпуске. Так захотелось погрузить ноги в теплый песок, встать на самой границе воды и суши, вдохнуть бризовый аромат юга и раствориться в морской глади, широкими взмахами раздвигая волны и жарким телом получая их ответные объятия.

Будильник бессовестно разбил иллюзию, сменив собой крики чаек. В офисе идея не ушла, она прорастала. Самый простой способ загнать распоясавшуюся фантазию, приземлить ее. Поищем билеты. Так, что тут нам предлагают? Ну вот, например, завтра. Италия, острова. Ну допустим, Сардиния. Как тебе запросик? Не может быть!

ЭНС перегрузила страничку поиска. Все верно, один билет Москва – Кальяри на порядок выделялся среди других вариантов. А если...

Она купила билет, даже не подтвердив с руководством свой отпуск, и тут же испугалась: вдруг ВСЕк (начальник аналитического департамента Виктор Сергеевич Екротов) погубит идею. Такие резкие повороты были совершенно не в ее стиле. Но вкушавший с аппетитом борщ в ближайшем кафе худощавый, тщетно пытающийся придать своей шевелюре некое подобие прически, обычно строгий шеф неожиданно улыбнулся и кивнул: «Езжай! Но только на неделю!»

Вечером вещи летали по квартире, проходя строгий кастинг. Впервые поездка соло, без спутников, тет-а-тет с природой. «Наверное, я устала. Организм взбрыкнул. Ну что ж, пойду на поводу».

Пять дней пронеслись картинками калейдоскопа. Черета пляжей, морские пейзажи, уютные домики, милые люди. По утрам ЭНС с удовольствием бродила по прибрежным скалам, ловя удивленные взгляды пристраивающихся под зонтиками туристов.

Она чуть не налетела на невысокую женщину, закутанную в черную накидку. Та топталась на месте, тщательно разглядывая землю.

ЭНС остановилась.

— Вам помочь?

— Да, дорогая, я потеряла монету.

— Я дам Вам другую.

Женщина улыбнулась. Она внимательно разглядывала ЭНС, словно принимая решение, можно ли ей довериться.

— Это старинная монета, темная. Не пойму, как я выпустила ее из рук.

— Не волнуйтесь, сейчас найдется.

ЭНС низко присела и стала перебирать камни.

— Она, наверное, закатилась.

Женщина расстроено вытерла краем накидки глаза. ЭНС запустила руки в песок и сквозь пальцы буквально просеивала придорожную пыль. Попалось что-то твердое. Монета. Края неровные, потемневшая, аверс стертый, на реверсе странный знак и длинная арабская вязь по кругу.

Женщина радостно схватила находку, бросилась отряхивать замызганные коленки белых брючек помощницы, но та не дала. Тогда женщина раскрыла левую ладонь ЭНС, что-то положила в нее, крепко сжала. Велела закрыть глаза, досчитать до 9 и, не глядя, бросить это в сумочку на удачу. ЭНС на всякий случай крепко прижала сумочку к себе и зажмурилась до щелочек, чтобы все-таки видеть вокруг себя, но женщина словно растворилась. В ладонь наощупь лежал плоский небольшой предмет. ЭНС хотелось взглянуть, но ведь обещала. Она раскрыла ладонь уже внутри сумки и зашагала дальше.

Как жаль, что пора улетать. Прощаться с морем всегда грустно. Привыкаешь к его ласковым барашкам, ночному дыханию и пронзительной синеве.

Рядом с ЭНС к кромке прибоя подошла пара, они весело что-то бросили в волны и поцеловались.

— Не грустите, киньте монетку, вернетесь сюда еще раз! — посоветовала загорелая девушка, — Мы здесь познакомились, а теперь медовый месяц проводим. Снова кинули, чтобы через год приехать втроем.

ЭНС залезла в сумочку, сгребла всю уже ненужную иностранную мелочь, размахнулась, проверила, чтобы в зоне ее обстрела никого не было и метнула росыпь монеток в море: «Ну, чтоб еще раз!»

И тут же похолодела. На дне сумочки больше ничего не было. Вместе с мелочью улетел заветный талисман.

Чуть не плача от своей рассеянности, ЭНС заняла место в самолете и закрыла глаза. Подарок судьбы бесславно тонул в морской пучине! А как все складывалось! Эх, ты, растяпа! Слезинки прорвали оборону и предательски побежали по щекам.

— Девушка, у Вас что-то случилось?

Сквозь мокрую пелену участливый взгляд шоколадных глаз. Слезы мгновенно вернулись на свое место.

— Так, взгрустнулось, — улыбнулась ЭНС.

Через год пляжи Сардинии видели странную пару. Она в джинсах и фате. Он в шортах при галстукe. Дурачились и смеялись. Море ласково гладило босые ноги и улыбалось безграничному счастью. На дне его где-то прятался маленький амулет, он гордился своей работой и ждал новой встречи.

Красочная идиллическая картинка внезапно стала сереть и словно стираться ластиком. ЭНС растерянно покрутила головой и открыла глаза. Взгляд уперся в двузычную надпись про спасательный жилет под сиденьем. Все еще во власти сна, она обвела взглядом мир, в который вернулась.

Пассажиры начинали собирать вещи со столиков. Скоро посадка. С кресла рядом, она аж вздрогнула, все также смотрели шоколадные глаза, но принадлежали они дородной даме в вытянутой футболке. Это ее нетерпеливый локоть бесцеремонно расправился с иллюзией.

ЭНС вдруг осознала, что ей было показано то, чего она лишилась. Был бы талисман, и глаза были бы у другого. Упустила? На тебе, получай! Это жестоко!

Сосед слева аккуратно закрыл прочитанную книгу, погладил обложку и внезапно предложил:

— Хотите я Вам погадаю?

Чуть подрастерявшая яркость от прожитых лет небесная голубизна под седыми бровями смотрела внимательно и мудро. ЭНС неожиданно кивнула. Он, не глядя, раскрыл страницу, провел узловатым пальцем по строкам, нашел нужное место и прочитал:

— Девочка, которой подарили чудо. Оно обязательно проявится, когда придет время. Ты поверила в сказку? Но ведь в ней чудеса происходят не просто так: надо три моря пройти в тридевятое царство за своим счастьем. А ты протянула руку и рыдаешь, что не нашла его на ладони.

Юрий Слуцкий

А песок еще сыпется

Много лет тому назад ещё в Советском Союзе я работал в Научно-исследовательском институте экономики строительства Госстроя СССР. В этом институте работало много выдающихся ученых. Многим из них было лет по семьдесят и больше, и нам молодым сотрудникам они казались тогда глубокими стариками. Когда произошёл этот случай, мне было лет тридцать. Шло очередное партийное собрание. Я уже несколько лет был членом КПСС, и, конечно, моё присутствие на этом скучном мероприятии было обязательным. Вёл собрание парторг Института замечательный человек, обладающий большим чувством юмора, по фамилии Томсен. После доклада начались прения, на выступление каждого выступающего давали по пять минут. Очередной выступающий, уважаемый, но уже очень пожилой ученый, начал, по мнению зала, нести какую-то чушь, зал зашумел, и председатель собрания, уловив настроение зала, сказал выступающему: «Ваше время кончилось». И тут произошло самое интересное. Выступающий оратор обратился к председателю со словами: «извините, песок у меня ещё сыпется», и вынул из кармана пятиминутные песочные часы, из которых действительно ещё сыпался песок. Раздался, конечно, гомерический хохот всего зала.

Я недавно вспомнил эту историю. Сейчас мне значительно больше лет, чем тогда было тому выступающему. И я подумал, что песочные часы - это синоним продолжительности нашей жизни. У каждого человека есть свои песочные часы. Когда он рождается, кто-то там наверху часы переворачивает, и начинается у него собственный отсчёт времени его жизни. У кого-то песок пересыпается из верхней части часов в нижнюю часть быстрее, у кого-то медленнее. У каждого своя судьба. Но теперь, когда я слышу фразу: «Из него песок уже сыпется», я радуюсь, значит, жизнь его продолжается.

Секреты моей красоты

Лет сорок тому назад, где-то в восьмидесятых годах прошлого века моя жена Люда поехала отдыхать в Чехословакию одна без любимого мужа. Ну, я человек самостоятельный, и, конечно, две недели одиночества меня не пугали, тем более, что Люда заготовила мне продуктов на целый месяц. Но с первыми трудностями я столкнулся уже на следующий день. Я нигде не мог найти туалетного мыла. Конечно, его можно было запросто купить, но это был самый простой путь. Я продолжал его искать. И мои поиски увенчались успехом. В ванной комнате на одной из полок я нашёл кусок нового мыла. Вскрыв его, я увидел, что он необычного чёрного цвета. Ну и что, подумал я, главное, чтобы

он хорошо мылился и не имел запаха. Я с большим удовольствием в течение двух недель им мылил все части моего тела, особенно тщательно, конечно, лицо.

Когда через две недели любимая жена вернулась домой и увидела, чем я мылся, ей чуть не стало плохо. Оказалось, что всё это время я мылился пятновыводителем. Это такое замечательное отечественное средство, если им потрёшь какие-то пятна на одежде, а потом смоешь его водой, то пятен не остаётся. С тех пор прошло несколько десятков лет, а на моём лице нет никаких пятен, которые особенно бывают в зрелые годы. Поэтому я советую всем, кто заботится о своей красоте, попытаться достать (а это сейчас большой дефицит) это замечательное средство и сразу начать им пользоваться. Не пожалеете.

Что такое настоящая дружба

Моё детство прошло в Арбатских переулках города Москвы. Жил я в переулке Сивцев Вражек, который в то время состоял в основном из двухэтажных домов, но почти в каждом из них в своё время жил знаменитый писатель или художник. Жил я, конечно, в коммунальной квартире, но зато я учился в замечательной мужской школе № 59, которую в начале прошлого века построил меценат Морозов. В те годы все школы были отдельные: или мужские, или женские. В этой школе у меня был друг Борька Брунь. Мы с ним со второго класса сидели вместе за одной партой.

Весной 1954 года, наше правительство приняло замечательное постановление о совместном обучении мальчиков и девочек, и осенью того же года меня перевели в бывшую женскую школу № 70, которая находилась в Гагаринском переулке. Эта школа была построена в Советское время, и не шла ни в какое сравнение с моей прошлой школой. Но зато в этой школе училась девочка с большой косой, которая иногда появлялась в нашем дворе, и звали её Наташа, и, во вторых, в эту же школу перевели и моего друга Борю, и мы снова с ним оказались за одной партой. Учиться в новой школе с девочками было очень нелегко. В старой школе я учился без троек, но в новой школе у меня по итогам первой четверти в дневнике было восемь троек и всё из-за девочек, которых невозможно было совместить с учёбой.

В моём классе было много симпатичных девочек, но я сразу влюбился в Татьяну Мартынову, и, конечно, сразу забыл про Наташу. Татьяна не блистала большими способностями в учёбе, но зато на неё нельзя было не обратить внимание. Как сейчас говорят, она была очень сексапильная. Нам было по пятнадцати лет, причём я был старше её на целых три дня. Как потом мы узнали, мы с ней родились в одном роддоме на улице Веснина почти в одно время, так что наши мамы могли быть знакомы. Беда в том, что в неё влюбился и мой лучший друг Боря. Мы все вместе втроём ходили в кино, на какие-то выставки,

собирались у нашего одноклассника Виктора Соколова танцевать, когда его родителей не было дома.

Однажды в конце октября мы с Борей пригласили Татьяну на футбол. Оказалось, что она никогда не была на стадионе Динамо. Играли московские команды: Спартак и Динамо. Мы с Борькой болели за команду Спартак. В начале матча Татьяна пообещала, что если выиграет Спартак, она нас расцелует. Счёт долго был 0:0, и в самом конце матча Спартак забил гол. И ничего не произошло, она как будто забыла про своё обещание, а нам с Борисом напоминать ей об этом было неудобно.

Через несколько дней мы всей нашей классной компанией отмечали праздник Великого Октября. Мы собрались дома у нашего старосты Гали Кочетовой, немножко выпили и стали танцевать под патефон. Я пригласил Таню на танец, и во время танца она меня спрашивает: «Хочу ли я, чтобы она исполнила своё обещание»? Я конечно сказал: «Да». Не дождавшись конца танца, она взяла меня за руку и повела в коридор, из которого мы вошли в маленькую полутёмную кладовку. Она обняла меня, и мы поцеловались. Это был мой первый в жизни поцелуй с девочкой. Это было непередаваемое ощущение. Целоваться я не умел, инициативой полностью владела она. После того как наш первый поцелуй завершился, вместо того, чтобы продолжать целоваться, я спросил её: «Борьку позвать»? Она посмотрела на меня, как на идиота (я им, конечно, тогда был), сказала «дурак» и выскочила из кладовки. Так печально закончилась моя первая школьная любовь, но я не мог вести себя иначе из-за моего друга. Вот, что такое настоящая дружба, и как она, оказывается, может мешать личной жизни.

Встреча в Артеке

Свой отпуск в 1966 году я с моими друзьями великолепно провел в пионерском лагере Артек. Хотя к тому времени мы уже давно вышли из пионерского и даже комсомольского возраста, это не мешало нам чудесно проводить время в этом детском лагере. И вот, как-то поздно вечером возвращаясь с очередного свидания, и мои друзья рассказывают мне, что они познакомились с руководителями французских пионеров и договорились с ними назавтра встретиться вечером и попеть вместе песни. Нам повезло: в период, когда мы отдыхали в Артеке, там проходила международная смена, и поэтому в лагере отдыхала молодёжь из разных стран. Ребята договорились встретиться с французами в восемь часов вечера в Соловьёвской беседке. Эта беседка названа в честь основателя Артека, и находится в изумительном месте, она с трёх сторон окружена кипарисами и одной стороной обращена к морю.

На следующий вечер у меня уже было назначено свидание, поэтому я смог появиться в беседке только в десять часов вечера. Когда я подошёл к беседке, веселье было в самом разгаре. Меня представили французам, было

несколько девушек и два парня, особенно мне запомнилась невысокая молодая девушка, которая сидела немного в стороне и целовалась с каким-то парнем (как потом оказалось с венгром). Знакомясь со мной, она перестала целоваться и сказала, что её зовут Мими. И после этого снова продолжила целоваться. Мы все немного выпили вина, и ребята продолжили петь, аккомпанируя себе на двух гитарах. Пели они замечательно, потом пели французы, потом все вместе, и только Мими не принимала никакого участия в нашем веселье. Она продолжала целоваться. В какой-то момент французы стали просить спеть Мими.

И тут произошло чудо. Она перестала целоваться, встала и запела. Мы никогда не слышали такого чудного, сильного голоса. Казалось, что её голос должен быть слышен во всём Артеке. Это было незабываемое зрелище: звёздная ночь, внизу плещется море, и над ним разносится очень красивая песня. Трудно было поверить, что такая маленькая, юная девушка может обладать голосом такой силы. Все замерли от восторга. Мими спела ещё несколько песен, и снова продолжила общение с венгром. После неё уже никто не решался петь. Когда мы спросили, кто такая Мими, нам ответили, что это восходящая звезда Франции МИРЕЙ МАТЬЕ. Это была её первая неофициальная поездка в Советский Союз в составе французской молодёжной делегации. Как потом я узнал, ей тогда было двадцать лет. Когда я шёл домой, я всё время повторял её имя, чтобы не забыть и сразу его записать.

Через несколько месяцев в Москве раздался звонок моего друга Игоря, с которым мы отдыхали в Артеке. Он сказал: срочно включай радио, поёт наша знакомая. Сегодня, когда я слушаю по радио или смотрю по телевизору выступления всемирно известной звезды МИРЕЙ МАТЬЕ, я всегда вспоминаю звёздную ночь в Артеке, Соловьёвскую беседку и маленькую девушку Мими, которая пела только для нас, молодых московских ребят.

Как я покупал себе рубашку

Иногда чтобы запомнить какой-нибудь малозначащий для тебя эпизод из жизни достаточно одного мгновения. Но это мгновение обязательно должно сочетаться ещё с чем то, что поражает или восхищает тебя так, что ты не можешь забыть его никогда.

Ну, казалось бы, что особенного в том, что лет сорок тому назад я случайно зашёл в какой-то универмаг, где продавались мужские рубашки. Таких эпизодов в жизни любого человека наберутся тысячи. Конечно, было необычно, что рубашки во время сплошного дефицита продавались без большой очереди, и даже был какой-то выбор. И, конечно, было необычно, то, что я сам решил себе что-то купить, так как это всегда делала за меня моя любимая жена. Я смело подошёл к прилавку, где стояла молоденькая симпатичная продавщица, и вдруг вспомнил, что я не могу купить

интересующую меня рубашку, так как не знаю размера своей шеи, а мерить рубашку не разрешается.

Тогда я обратился к продавщице и очень вежливо спросил её: «Девушка, могу ли я у Вас померить шею?». Она сказала «конечно», после чего совершенно спокойно взяла сантиметр, подошла ко мне и протянула его мне. Затем она вдруг расстегнула верхнюю пуговку на своей блузке, наклонилась ко мне, вытянула свою тонкую шейку и сказала «меряйте». И всё это на глазах изумлённых покупателей.

Я не помню: была ли эта девушка красива или нет, хотя на это я обращаю всегда внимание, а вот её тонкую шейку я запомнил на всю жизнь. А купил ли я рубашку или нет, я не помню.

Вынужденный прогул

Я пошёл в первый класс в 1946 году. Жил я тогда с родителями в коммунальной квартире в замечательном арбатском переулке Сивцев-Вражек. Комната у нас была большая: в ней было целых шестнадцать метров. Семья состояла из четырёх человек: моих родителей, меня и старшего брата. Да, чуть не забыл, у нас всегда с нами жил и кот. Он тоже был членом семьи. Соседи у нас были хорошие, мы дружили и, главное, они не обижали моего кота. Мне тогда казалось, что жили мы в очень хороших условиях. Мне не с чем было сравнивать. Все наши родственники и знакомые тоже жили в коммунальных квартирах.

И вот первого сентября я в первый раз переступил порог школы. Эта была знаменитая школа №59, которая находилась в Староконюшенном переулке. Она была знаменита тем, что её в начале двадцатого века построил фабрикант Морозов. Она так и называлась гимназия Морозова. Она, как я потом узнал, совсем не была похожа на типовые советские школы. Она была пятиэтажная. В ней был огромный актовый и физкультурный залы, а также очень большой зал библиотеки. Во дворе школы была баскетбольная площадка и большой сад, где росли изумительные растения. Через несколько лет этот сад перешёл в распоряжение находившегося рядом посольства. Всех поражала внутренняя красота здания. Все лестницы были мраморные, классы были очень большие и высокие. Мне тогда казалось, что, когда я захожу в школу, я попадаю в какой-то волшебный дворец. Особенно это впечатление усиливалось после наших убогих коммуналок.

А так как вдобавок у меня в первом классе была ещё очень хорошая учительница, я всегда с удовольствием ходил в школу. Пропуск занятий для меня из-за болезни всегда был неприятным событием.

Но, начиная, кажется, с 1947 года в течение нескольких лет первого марта я всегда пропускал целый день занятий. Причина была очень уважительной: я стоял с мамой и старшим братом в очереди за мукой. В

декабре 1947 года в СССР была отменена карточная система, хлеб стал продаваться свободно без карточек, а вот муки в продаже вообще не было. И только раз в год именно в этот день можно было, выстояв огромную очередь, купить три килограмма муки. Столько давали в одни руки, независимо от возраста человека. Поэтому дети получали тоже по три килограмма.

Моя мама очень вкусно пекла разные пироги и пирожки, поэтому, когда к нам приходили гости, это было главным угощением в нашем доме. Мы всегда ждали, когда наступит день первого марта. И вот в этот день очень рано мама будила меня и моего старшего брата, и мы втроём шли в ближайшую булочную и занимали очередь за мукой. Хотя мы вставали очень рано, всегда уже стояла длинная очередь. Каждому из нас старший по очереди на руке чернильным карандашом (сейчас такие карандаши наверно не выпускаются) писал его номер. Я помню, чтобы написать этот номер, он долго слюнявил свой карандаш и потом только делал отметку тебе на руке.

Днём, наконец, доходила до нас очередь, и мы счастливые с девятью килограммами муки возвращались домой. На следующий день в школе я давал учительнице записку от мамы с объяснением причин моего отсутствия в школе и с гордостью показывал ей мой номер на руке. А потом я несколько дней смывал его. Может потому, что эта мука так тяжело нам доставалась, мне все пирожки изготовленные мамой из неё казались вдвойне вкуснее.

Константин Челлини

Антоновские яблоки

Мы с тобой поссорились больше года назад. Были причины для этого с обеих сторон. Недопонимание, комплексы, кризис доверия... Казалось, ничто уже не сможет спасти отношения, когда-то основанные на дружбе и уважении, приятии, если так можно сказать... За это время ты несколько раз предлагал встретиться, но каждый раз делал это впопыхах, когда, к примеру, я был на другом конце Москвы и физически не успевал бы добраться до места встречи вовремя. Впрочем, это так на тебя похоже, в твоём стиле. И несколько раз ты предлагал пойти на какие-то мероприятия, на которые из-за тех или иных обстоятельств, ты не смог бы мне составить компанию, но ... все же... настоятельно предлагал их посетить, тем не менее...

Но внезапно наступила осень... Вечер. Проливной дождь... Ты звонишь и говоришь, что находишься на расстоянии 10 минут езды на автомобиле и выражаешь желание встретиться, чтобы передать яблоки со своего участка. Антоновские. Те самые. Настоящие. С ними связано столько приятных переживаний и эмоций! Ощущение полноты жизни и, казалось бы, уже не призрачного, а истинного счастья... И, хотя в грозу мобильная связь работает плохо, мы быстро договариваемся о встрече, и вот через какие-то минут сорок ты приезжаешь на Сокол... Мы выгружаем в плетеную корзину из твоего багажника несколько килограммов этого золотистого чуда и через несколько минут, добежав под проливным дождем от автостоянки до дома, мы уже сидим на кухне, пьем чай, едим яблоки, обсуждаем последние новости и делимся взглядами на жизнь.... Прямо, как много лет назад, когда еще не было ссоры, и в пространстве наших отношений еще не воцарились недопонимание и взаимная конфронтация.

Да, мы стали старше на год, и стали старше на год яблони на твоём участке... Но они дают, по-прежнему прекрасные плоды, сочные, спелые... И этот твой дружеский жест повернул в качественно новую сторону наши прежние отношения, и я уже забыл о прежних размолвках и конфликтах, настроившись позитивно. Я подарил тебе сборник своих стихов и, надеюсь, в нем ты найдешь что-то созвучное твоей тонкой и ранимой душе, которая скрыта за маской холодности и рассудочности, но которую я все же ощущаю, мой друг!

О необходимости отдыха и отвращения

Порой так сложно найти точные слова для того, чтобы передать смысл, который хочешь или требуется вложить в то или иное высказывание, не важно, что это перевод, проза или стихи... И тогда думаешь, что важно не только упорно работать, но и периодически отвлекаться — побродить, подремать, поразмышлять на отвлеченные темы, послушать музыку, не концентрируясь усиленно на чем-то одном... И тогда получается так, что смыслы приходят сами, посещая нас как инсайт, как откровение и как лучик надежды, что рамки непознанного раздвинутся хотя бы ненадолго, милостиво пуская нас в этот удивительный мир сущностей, идей, решений и Смыслов. И следует помнить, что количество рано или поздно переходит в качество, если не утратить пытливость ума и свежесть восприятия...

«Мотыльки вдохновения»

Осень. То в муках творчества, то легко рождаются новые строки, нанизываемые на нить судьбы, в подчас ощущаемой тонкой связи с процессами мироздания. Хочется добиться такого результата, чтобы каждое новое сочинение выглядело все же отличным от предыдущих, а не представляло собой сиюминутный «мотылек вдохновения», воспроизводящим отчасти мысли, изложенные ранее. Хотя, если разобраться, и такие «мотыльки» нам нужны для поддержания хорошего настроения и ощущения полноты бытия. Но тут вопрос — что первично — значимость или процесс. Когда значимость зашкаливает, я думаю, что это тоже не очень хорошо. Ощущение легкости и парения тоже, думаю, нужно. А какая осень у вас?

26.09.2018

Котик в траве

Вчера, идя привычным маршрутом от магазина до дома, я увидел в траве довольно упитанного черного кота с белой манишкой. У меня сразу возникли ассоциации с Муськой, кошкой моей бывшей, которая трагически пропала из дома — то ли выбежала на проезжую часть, то ли была предательски выброшена теткой подруги, плохо к ней относившейся. Этот котик так доверчиво сидел в траве, так располагал к общению и, так ненавязчиво зывал о внимании и приятии, что все те негативные эмоции и переживания, которые я испытывал в тот день, как-то отошли на второй план, и предавшись приятным воспоминаниям и ощущению, что все не так плохо, я подумал, что если выбрать «светлую сторону» улицы, то все наладится и мир повернется к тебе «радостной стороной».

Константин Челлини «О необходимости отдыха и отвращения», «Мотыльки вдохновения», «Котик в траве»

Вечер

Наступил вечер. Он проснулся от крепкого сна, в который погрузился несколькими часами ранее после чашки успокоительного травяного чая, и сел за работу... Это время, располагающее к особой концентрации мыслей, когда шумы улицы стихают, окружающая действительность не так агрессивно навязывает ритм и стиль сознания, чувствования, понимания... Теперь, чтобы пробудиться окончательно, он распахнул широко окно комнаты, впуская вечерний свежий воздух, налил в чашку «Ночные коты Петербурга» черного чая с лимоном, и на несколько минут погрузился в размышления... Думал ли он о том, как лучше сформулировать мысль эссе или о том, что она делает в эти вечерние часы в своей тушинской квартире, или, может быть, вспоминал услышанный несколькими минутами ранее в «Избе-читальне» романс, написанный одной поэтессой по роману «Дни Турбиных» Михаила Булгакова? Вспоминал ли прогулки по Москве в дни их былой близости и родства душ, когда все казалось так безоблачно и лучезарно-радужно? Наверное, любой однозначный ответ на этот вопрос был бы слишком кратким и неполным... Но так или иначе, он знал, что этот вечер особый, он, как Рубикон, который демаркирует то, что было до, и то, что предстоит узнать и как ему жить после этого...

Дыхание осени

В прошлом году в стихотворении "Дыхание осени" (<https://www.stihi.ru/2018/09/01/835>) я написал, что осень это "Время постиженья смыслов, моря сиплого дыхания и холодных его бризов, бесконечности прощанья". И сегодня я ощущаю нечто подобное... Шлифуется тонкость восприятия, появляется некая глубина образов и более ровное и размеренное дыхание в моих жизненных процессах, от многого, что казалось стабильным и устойчивым еще вчера, приходится отказываться, так как выявилась фальшь и эфемерность этой стабильности... Хрустальность природной красоты, нежно обволакивающая тишина подмерзающего воздуха мало-помалу примиряет меня с жизненными трудностями, а «синева небес разлетом в рай» и сияние солнца делают меня сопричастным к метафорической символике и дыханию вечности, которые растворены в каждом моменте, стоит только присмотреться чуть внимательнее...

Осеннее утро...

Этим холодным осенним утром ему захотелось чего-то необычного, несуетного... Например, послушать вариации на тему рококо для виолончели П.И. Чайковского или виолончельный концерт А. Дворжака, причем непременно на свежем воздухе... Чувственные звуки этого струнного инструмента, так напоминающие человеческий голос, в это утро ему казались так близки и понятны... А еще ему захотелось купить иван-чая в церковной лавчонке, что во дворе храма, и понаблюдать за выражением лиц прихожан, которые собираются на службу... В голове его неожиданно пронеслась мысль, что было бы чудесно пройтись по лужайкам мемориального парка героям Первой мировой войны, созерцая капельки росы на цветах петуний и бегоний на клумбах, поразмышлять о семантике и семиотике кельтских крестов, которые там воздвигнуты... А еще захотелось понаблюдать, как соседи выгуливают породистых собак, своими громкими возгласами рассекая пространство уже морозного воздуха... Поразмышлять о хрупкости красоты и о том, почему так трудно смотреть на все происходящее в мире позитивно и беспристрастно... Подумать еще о том, почему кто-то находит счастье в бесконечных переездах и путешествиях, считая должным об этом сообщать в соцсетях, а кто-то вполне довольствуется тесным пространством городской квартиры и краткими прогулками, находя отдохновение в сопричастности мыслям друзей и созерцании природы.... Словом, это утро ему казалось не похожим на все остальные, как будто открылась новая страница в его жизни, и мир расцветился какими-то новыми необычными красками и заиграл пока еще неведомыми гранями...

Об идеализации

С интересом прослушал беседу знакомого психоаналитика из Казахстана (г. Алматы) Евгении Лашковой и ведущей программы Марии Ковалевой «Просто о сложном», посвященную такому понятию в психологии и психоанализе, как Идеализация.

В начале программы Мария предложила рассмотреть вопрос о сути данного феномена, о том, почему мы идеализируем людей, в особенности тех, кто нам дорог, почему наделяем их несуществующими качествами, почему на основе идеализации выстраиваем избыточные ожидания, которые не могут быть реализованы, поскольку нередко данными качествами эти люди не обладают. Ведущая также поинтересовалась, почему в результате сказанного мы страдаем, и можно ли не идеализировать людей, а воспринимать их такими, какие они есть...

Евгения ответила, что в основе, разумеется, лежит механизм приписывания тех или иных (идеальных) качеств людям, который необходим для адаптивного нормального функционирования в социуме. Кроме того, способностью к идеализации обладают практически все; эта способность базируется на внутренней потребности наделения другого человека ценностями, если это значимый человек (учитель, родитель, гуру, врач) и мы зависим от его оценки и мнения.

Идеализация — это «естественный процесс, который в психоанализе относят к защитным механизмам», и он основан на обработке информации, поступающей из внешнего мира, в той форме как мы ее воспринимаем. Евгения отметила, что следует различать первичную идеализацию и идеализацию как механизм функционирования психики взрослого человека.

Первичная идеализация необходима для формирования стабильной психики у ребенка, который, как правило, идеализирует родителя. Если родителя нет (смерть, развод) или он деидеализирован слишком рано, то в психике ребенка формируется дефицитарность, и тогда он, вырастая, будет испытывать проблемы в коммуникации и искать людей, которых будет идеализировать, чтобы восполнять недостаточную функцию. Поначалу, когда ребенок маленький, он наделяет взрослых (родителей) всемогуществом, особой силой, при этом у него возникает желание либо приобщиться к этой силе, либо слиться с ней... Этот первичный механизм важен для формирования нормальной психики ребенка.

Во взрослом возрасте идеализация ограничивается механизмами рефлексии и осознанности. Как показатель недостаточно зрелой психики психоаналитик отметила такой показатель дефицитарности, когда один человек относится к другому, как если бы он был «Солнцем, на котором нет пятен», не замечая никаких недостатков в другом человеке. С другой стороны, для нормального процесса обучения, повышения квалификации, успеха на курсах необходим элемент идеализации, нам «нужна фантазия, что мы заслуживаем любовь», а если у ребенка такой фантазии в детстве нет, то он потом испытывает трудности в обучении.

Евгения также отметила, что во взрослых отношениях — особенно профессиональных и личных («романтических»), у каждого человека есть как бы свой «райдер» (список) требований к другому человеку, будущему партнеру или коллеге, это можно назвать символической метафорой Любви. В конечном счете, Любовь нас побуждает совершенствоваться, развиваться, не останавливаясь на достигнутом. По мнению специалиста, взрослая идеализация, в которой присутствуют моменты рефлексии и осознанности, в разной степени, связана с пониманием того, что человек нравится, что он «особенный», но что у него есть недостатки, и мы их осознаем. В случае же, если мы используем фразу типа «мы идеально друг другу подходим», мы как будто "заполняем определенную дыру в душе", пытаясь восполнить

дефицитарность, наделяя другого человека порой несуществующими функциями. И, как результат, рано или поздно наступает разочарование.

Идеализация, по мнению Евгении, важна для формирования независимости, креативности, чувства юмора и мудрости, она является источником нашего творческого роста и совершенствования. Другое дело, что во взрослом возрасте идеализация, порой, сопряжена с последующим разочарованием, когда иллюзии, говоря метафорически, «бьются стеклами вовнутрь», и когда влюбленные вовлекаются в отношения со всей «нерастраченной любовью», по сути, воспринимая как ответные чувства другого свою радость в связи с процессом отношений. Это и есть один из моментов идеализации. Поэтому так необходим принцип тестирования реальности, который позволяет лучше и тоньше осознавать как свою психическую реальность, так и реальность коммуникации с другим человеком. Однако этот принцип, как справедливо заметила Евгения, «очень сложная вещь, нам трудно выдерживать неопределенность, страх, и срабатывают защитные механизмы, подсказывающие как себя надо вести, и подчас речь идет не о реальной коммуникации, а о фантазиях и отыгрывании». Что же касается наших эмоций, то важно в полной мере проживать их, и чем меньше непрожитых эмоций, тем меньше человек будет «скатываться в бессознательное» и тем выше его шанс выстраивать реальные отношения.

При чрезмерной идеализации в романтических отношениях один из влюбленных как бы «отдаляется от реального человека», нарушая принцип реальности, создает какой-то идеальный образ, под который подстраивает формат и ожидания относительно этого человека и отношений с ним. На вопрос Марии, «как понять, что это действительно происходит», Женья ответила, что «отсутствует критичность», это как если бы один считал, что «на Солнце нет пятен», и кажется, что ты искал (а) этого человека всю жизнь. При такой идеализации срабатывает первичный процесс и как бы появляется возможность слиться с другим человеком, получить любовь, что дает ощущение безопасности, кайф... Мы испытываем всегда потребность в безопасности, но если она слишком сильно выражена («затапливает»), то присутствует идеализация. Но вместе с тем, на пике слияния с идеальным человеком, вытесняется чувство стыда. Появляется чувство безопасности, устраняется критичность мышления.

На вопрос, как компенсировать дефицит Любви, чтобы избежать глубокой степени идеализации, Евгения отметила, что степень травматизации — по сути, поколенческая проблема, наследуемая всеми поколениями после II мировой войны, а компенсация дефицита зависит от степени нарушенности психики. Те качества, которые ты приписываешь другому человеку, прежде всего, обусловлены недооценкой тех или иных качеств родителями или

значимыми другими, по сути представляют собой не столько дефицит, сколько «не до конца высвеченное достоинство личности».

В конечном счете, для того, чтобы идеализация была более или менее контролируемой, продуктивной, необходимо находиться в контакте со своим внутренним миром и внешней реальностью. Уметь в отношениях с Другим (другом, романтическим партнером или коллегой) ставить и задавать вопросы по существу отношений, сохраняя критичность мышления, а не домысливать за него/ нее, — полагает аналитик. Обратной стороной идеализации становится разочарование и даже демонизация, отметила Евгения.

Подводя итоги беседы, Е. Лашкова еще раз подчеркнула, что «идеализация — важный компонент креативности», «если у скульптора нет идеального образа, что он хочет получить из куска мрамора, он ничего не сможет сделать». Она полезна при групповых медитациях, очерчивании «круга силы». В отношениях же с объектом симпатии, если человек склонен к идеализации, то надо себя сдерживать, стараться быть критичным к себе и к другому, и не только лучше узнавать человека, но и себя в отношении с этим человеком. Ведь «с каждым мы раскрываемся по-разному, каждый встреченный нами человек что-то рассказывает про нас, о нашей личности», заключила специалист.

Жак Ширак и русская литература

26 сентября 2019 г. трагическое известие пришло из Франции. В возрасте 86 лет умер президент (1995-2007), мэр Парижа (1977-1995 гг.) Жак Ширак. Известно, что политика называли «последним голлистом», в силу того, что Ширак придерживался независимого курса в отношении США и ЕС, ставил на высокое место дипломатический диалог с Россией. В конце 90-х годов, при активном участии Ширака Франция вошла в состав «Большой тройки» стран, которые старались противопоставить свою позицию американской гегемонии (в ее составе были Франция, Германия и Россия). Уровень отношений России и Франции при Шираке до сих пор называют «эталонным» для руководителей этих стран, и он так и не был достигнут ни при Саркози, ни при Олланде.

Однако мало кому известно, что мэр Парижа и один из лучших президентов Франции второй половины XX века — начала XXI века был не лишен и литературных дарований. В юности, когда ему едва исполнилось 19 лет, он предпринял попытку перевода «Евгения Онегина» на язык Мольера. Дело в том, что юный Жак увлекся санскритом, и в поисках преподавателя этого древнего языка обратился к Владимиру Белановичу, выходцу из России, белоэмигранту.

Владимир, которого в семье Ширавов называли «дядя Влади», оказался очень обаятельным человеком. Вскоре занятия с ним увлекли Жака настолько, что юноша решил предпринять попытку перевода культового романа А.С.

Пушкина на французский язык. Однако издательства либо отвергли рукопись, либо промолчали, и лишь спустя 20 лет, когда Ширак стал премьер-министром, смягчились и предложили напечатать перевод при условии, что переводчик напишет предисловие, обосновывая причины обращения к этому произведению. Но тут уже премьер-министр заявил: "Послушайте, если вы не хотели публиковать рукопись, когда мне было 20 лет, то у вас не должно быть желания и сейчас, когда я премьер-министр".

В 1997 г. во время визита в Санкт-Петербург Жак Ширак посвятил речь своему учителю: "Месье Беланович учил меня русскому языку, когда я был совсем юн. Он открыл для меня двери в мир русской литературы, написанной на невероятном языке, в котором легко находятся выражения для любой без исключения страсти, эмоции, чувства, любые интонации, идущие одновременно и от сердца, и от духа. Он научил меня читать Пушкина, что впоследствии навело меня на мысль сделать свой собственный перевод "Евгения Онегина" на французский".³

В последние годы жизни Жак Ширак жил в затворничестве, в 2013 г. умерла дочь президента, страдавшая инвалидностью, но за 6 лет до собственной смерти он успел проститься с человеком, которому был обязан интересом к русской культуре и знанием русского языка. Политик присутствовал на траурной церемонии над заброшенной до этого могилой Владимира Белановича. Светлая память и Учителю и достойному Ученику.⁴

---

³ Цит по : <https://tass.ru/obschestvo/6933364>

⁴ В материале использованы публикации Информационного агентства ТАСС

Контактная информация авторов

Бычков Борис	bychkovbf@mail.ru
Челлини Константин	cellinic@yandex.ru
Гладкая Елизавета «Элина Фрайман»	newazonka@yandex.ru
Панько Виктор «Виктор ПАНЬКО»	pancovd@mail.ru
Тверитинов Алексей	atveritinow@mail.ru
Екатерина Аполлонова	katyapollon@gmail.com
Колесов Борис	kolesov@niic.nsc.ru
Анна Логинова Трушкова	truann13406@mail.ru
Редкокашина Валерия	lerushkar2016@gmail.com
Маркелов Сергей	markserg89@mail.ru
Екатерина Чалухина	katerina372007@yandex.ru
Назарова Светлана	svetlanapoem@mail.ru
Портнягин Евгений	biblos01@mail.ru
Васильев Сергей	oficer00@list.ru
Коношенко Ксения	ksenia.konoshenko@gmail.com
Виктор Астанин	astanin1948@mail.ru
Слуцкий Юрий	y19sluckin39@yandex.ru
Белова Светлана «Элана Белова»	lana.belolana@gmail.com
Мельников Сергей «Халан»	ra9fam@rambler.ru

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 17

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф